

МЭРИ ДОРИА
РАССЕЛ

ПТИЦА
МАЛАЯ

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ, ЗАХВАТЫВАЮЩЕЕ, НРАВСТВЕННОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

КОЛИН МАККАЛОУ

fanzon

Мэри Дориа Расселл
Птица малая
Серия «Fanzon. Sci-Fi
Universe. Лучшая новая НФ»
Серия «Птица малая», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70303504
Птица малая: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190758-7

Аннотация

Лауреат премии Джеймса Типтри младшего.
Лауреат премии Артура Ч. Кларка.
Лауреат премии Британской Ассоциации Научной
Фантастики.
Лауреат премии Курда Лассвица.
Номинант на премию «Локус».
Финалист мемориальной премии Джона Кэмпбелла.
На плечи Эмилио Сандоса, харизматичного священника-иезуита и лингвиста, ложится ответственная миссия, порученная Обществом Иисуса – установить первый контакт с разумной внеземной цивилизацией. Вместе с астрономом, инженером, врачом, специалистом по компьютерам и тремя

другими миссионерами он отправляется на планету Ракхат, но экспедиция, которая была призвана доказать существование Бога во вселенной, заканчивается ужасной катастрофой.

Спустя 50 лет священник, единственный выживший член экипажа, по возвращении сталкивается с публичными обвинениями в самых чудовищных преступлениях. И теперь его единственная надежда – рассказать свою историю.

«...Ни одна из птиц малых не упадет на землю без воли Отца вашего...» – *Евангелие от Матфея*

«Важные романы оставляют глубокие трещины в наших убеждениях и предрассудках. "Птица малая" – один из таких». – *Entertainment Weekly*

«Душераздирающий сюжет "Птицы малой" в сочетании с невероятным пониманием Рассел структуры повествования и контролем над развитием героев делают этот роман незабываемым». – *Milwaukee Journal Sentinel*

«Необыкновенно... Что касается непосредственно иезуитов – во многих отношениях автор правильно показывает нас, наши взгляды, наше обучение, нашу деятельность, нашу духовность. Совершенно захватывающая история, книга, которую сложно отложить». – *Джон В. Падберг, иезуит, Jesuit Spirituality*

«Биография веры... Рассел описывает многое в жизни отдельных иезуитов и самого ордена со сверхъестественной точностью и глубоким уважением». – *America Magazine*

«Роман исключительно хорошо написан, характеры персонажей подробны, кульминация необыкновенно трогательна, но, тем не менее, это добротный научно-фантастический роман, который не скупится на тщательное описание того, как может быть организована межзвездная экспедиция. Это также совсем

не успокаивающая книга. Даже те, кто согласен с ее моральными выводами, неизбежно найдут многое, что расстроит их на том пути, по которому эти выводы были достигнуты». – *Брайан Стаблфорд, Interzone*

«Необычайно жесткий роман, бросающий вызов самой природе религиозной веры. Несмотря на то что это первый роман, Расселл удалось добиться потрясающих результатов». – *Locus*

«Поразительное, захватывающее, нравственное произведение художественной литературы». – *Колин Маккалоу, New York Times Review of Books*.

«Характер, стиль и тема – все это гармонично сочетается. Необычайно точное понимание науки и тех вещей, о которых наука не может рассказать: человеческого сердца». – *NY Review of Science Fiction*

«Мощный и амбициозный... Рассматривает сложную тему с изяществом и умом». – *San Francisco Chronicle*

«Гениальный и захватывающий роман. Рассел напоминает, что даже когда люди отправятся в космос, они будут продолжать задаваться вопросами о Боге, трудностях и двусмысленности человеческих отношений и высокомерии, которое отбрасывает Другого во внешнюю тьму». – *Commonweal*

«Необычный вид научной фантастики, бросающий вызов сердцу даже больше, чем разуму. Захватывающий и необычайно красивый». – *Christian Science Monitor*

«Быстро развивающаяся, но побуждающая к размышлениям книга, которая останется в памяти читателя спустя недели и даже месяцы». – *Magazine of Fantasy and Science Fiction*

«Сильная книга... Главный ее герой, падре Эмилио Сандос, единственный вернувшийся на Землю участник посланной

иезуитами миссии на планету Ракхат, подлинно взыскует Бога. Мы знакомимся с ним в Италии... мы видим его сокрушенным болью и переживаниями... Однако он не всегда был таким, о чем мы узнаем из его воспоминаний о неудачно закончившемся путешествии... Автор излагает трудную тему с милосердием и изяществом». – *San Francisco Chronicle*

«Убедительное... увлекательное повествование». – *The Seattle Times*

«Дерзкая, вызывающая книга... Нечто в духе Артура Кларка и Герберта Уэллса, с легким прикосновением Рея Бредбери». – *The Dallas Morning News*

«Нечасто можно найти книгу о межзвездных путешествиях, обладающую столь глубоким проникновением в человеческую природу и предвидением вероятного будущего. Умное и интеллектуальное произведение Мэри Дориа Расселл создает новый мир, открывающий природу людей и внеземлян... Яркий, интригующий роман». – *San Antonio Express*

«Потрясающий своей оригинальностью дебют... сразу обращающий к размышлениям и волнующий, являющийся доказательством особенной одаренности автора, а также значения научной фантастики в качестве генератора идей». – *Baltimore City Paper*

«Блестящая... потрясающая своей достоверностью зарисовка инопланетной культуры, и одновременно попытка теодицеи... Угадываются мотивы Уэллса, Урсулы Ле Гуин и Артура Кларка с легкой примесью Эдгара Райса Берроуза, и одновременно удивительно оригинальное произведение». – *Kirkus Reviews*

«Умный, печальный и захватывающий роман». – *The Cleveland Plain Dealer*

«Поглощающий внимание читателя текст». – *Booklist*

«"Птица малая" – это нечто из ряда вон выходящее. Глубоко гуманистическая научная фантастика, захватывающее повествование, убедительные персонажи... Грамотно построенный первый роман, который заставляет нас задуматься!» – *Алан Чьюз*

Содержание

Пролог	15
Глава 1	17
Глава 2	32
Глава 3	51
Глава 4	62
Глава 5	71
Глава 6	93
Глава 7	109
Глава 8	131
Глава 9	155
Глава 10	168
Глава 11	183
Глава 12	207
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Мэри Дориа Расселл

Птица малая

Mary Doria Russell
SPARROW

Copyright © 1996 by Mary Doria Russell Afterword
copyright © 2016 by Mary Doria Russell This translation
published by arrangement with Villard Books, an imprint
of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Дилогия ПТИЦА МАЛАЯ

1. Птица малая
2. Дети Божии

Mary Doria Russell

THE SPARROW

Мэри Дориа Рассел

ПТИЦА МАЛАЯ

fanzon

Москва
2023

Посвящается Марии И. Кирби и Марии Л.
Дьюинг,
*quarum sine auspicio hic liber in lucem non esset
editas*¹

¹ Без покровительства которых эта книга не увидела бы свет (*лат.*).

Пролог

РАССУЖДАЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ, УДИВЛЯТЬСЯ было нечему. Ибо история Общества Иисуса полна отчетов о ловких и эффективных операциях, исследованиях и изысканиях. Во времена, которые европейцы пожелали именовать Веком географических открытий, священники-иезуиты никогда не отставали более чем на один-два года от тех, кто первыми вступал в контакт с доселе неизвестными народами; более того, иезуиты нередко находились в самом авангарде исследователей.

Организации Объединенных Наций потребовалось несколько лет для того, чтобы прийти к решению, которое Общество Иисуса приняло за десять дней. Заседавшие в Нью-Йорке дипломаты в долгих дебатах, со многими перерывами и не менее многочисленными постановками вопроса обсуждали, следует ли, а если следует, то по какой причине, расходовать ресурсы Земли на попытки установления контакта с далеким миром, уже начинавшим тогда приобретать имя Ракхат, в то время, когда Земля не в состоянии удовлетворить собственные насущные потребности. Ну а в Риме речь шла не о всяческих «зачем и почему», но о том, когда можно будет послать миссию и кого именно следует включить в ее состав.

Общество не интересовалось мнениями отдельных, вре-

менных по своей сути правительств стран мира. Оно руководствовалось собственными принципами, пользовалось собственными средствами, полагаясь на авторитет Папы. Миссия на Ракхат была организована не столько секретным, сколько приватным образом – различие тонкое, однако из тех, которых Обществу не было необходимо объяснять или оправдывать по прошествии нескольких лет, когда новость эта стала известной.

Ученые-иезуиты отправились в космос, чтобы изучать, а не чтобы проповедовать. Они отправились для того, чтобы познакомиться с другими детьми Господа и полюбить их. Они отправились, следуя тем же причинам, которые всегда заставляли иезуитов находиться на переднем краю человеческого познания. Они отправились *ad maiorem Dei gloriam*: ради вящей славы Бога.

Они не имели в виду ничего плохого.

Глава 1

Рим

Декабрь 2059 года

СЕДЬМОГО ДЕКАБРЯ 2059 ГОДА Эмилио Сандоса посреди ночи выписали из реанимации госпиталя Сальватора Мунди и в хлебном фургоне переправили в резиденцию Ордена Иезуитов, находящуюся по адресу дом пять Борго Санто Спирито, в нескольких минутах пешей ходьбы через площадь Святого Петра от Ватикана. На следующий день представитель Ордена, не обращая внимания на град вопросов и возгласы негодования разгневанной и разочарованной толпы разного рода журналистов, собравшейся перед массивной входной дверью дома номер пять зачитал следующее краткое сообщение:

«Насколько нам известно, падре Эмилио Сандос является единственным уцелевшим участником миссии, посланной Орденом Иезуитов на Ракхат. Еще раз выражаем свою благодарность Организации Объединенных Наций, консорциуму «Контакт» и Астероидному горнопромышленному отделению корпорации Обаяши, сделавшим возможным возвращение падре Сандоса. Мы не располагаем дополнительной информацией относительно судьбы остальных членов экипажа, посланного консорциумом «Контакт», но постоянно мо-

лимся за них. Падре Сандос в настоящее время слишком болен для участия в любых интервью, и для выздоровления его потребуется несколько месяцев. Поэтому до его полного выздоровления не может быть никаких комментариев относительно миссии Ордена или заявлений консорциума относительно действий падре Сандоса на Ракхате».

Заявление это предназначалось для того, чтобы оттянуть время.

Конечно же, Сандос был болен. Все его тело покрывали синяки кровоизлияний, оставленных лопнувшими крошечными кровеносными сосудами. Десны его более не кровоточили, однако должно было пройти еще какое-то время, прежде чем он смог бы питаться нормальным образом.

Наконец, следовало что-то сделать с его руками.

Однако последствия цинги, анемии и переутомления заставляли его спать по двадцать часов в сутки. Проснувшись, беспомощный, как новорожденное дитя, он лежал без движения, свернувшись клубком.

В те первые недели его пребывания в резиденции Ордена дверь в его каморку почти не закрывалась. Однажды, решив, что полотеры, натиравшие полы в коридоре, мешают отдыху падре Сандоса, брат Эдвард Бер закрыл эту дверь, вопреки строгому запрету, данному персоналом госпиталя Сальватора Мунди. Сандос как раз не спал и обнаружил, что его заперли. Брат Эдвард более не повторил эту ошибку.

Брат Винченцо Джулиани, генерал Общества Иисуса,

каждый день заглядывал в палату, посмотреть на Сандоса. Джулиани понятия не имел, знает ли Сандос, что за ним наблюдают, хотя тот давно уже привык к этому чувству. В юности, когда Отец-генерал еще был всего лишь простым Винсом Джулиани, личность Эмилио Сандоса, на год опережавшего Джулиани на десятилетней стезе священнического образования, завораживала его. Он был странным юношей, этот Сандос. И загадочным мужчиной. Карьера Винченцо Джулиани как государственного деятеля основывалась на понимании людей, но именно этого человека он никогда не мог понять.

Взирая на Эмилио, больного и почти немого, Джулиани понимал, что Сандос не сумеет поделиться своими секретами в ближайшее время. И это не смущало его. Винченцо Джулиани был человеком терпеливым. Иначе невозможно преуспевать в Риме, где время измеряется не веками, но тысячелетиями, где терпение и дальновидность всегда являлись характерной чертой политической жизни. Город этот наделил собственным именем силу терпения – *Romanità*.

Romanità исключает эмоции, спешку, сомнения. *Romanità* ждет, считает мгновения и действует со всей беспощадностью в нужную минуту. *Romanità* зиждется на абсолютной уверенности в конечном успехе и возникает из единственного принципа: *Cunctando regitur mundus* (Промедление правит миром).

Так что даже по прошествии шестидесяти лет Винченцо

Джулиани не ощущал ни капли нетерпения по поводу того, что не в состоянии понять Эмилио Сандоса, но лишь предвкушал удовольствие от того, что однажды ожидание оправдает себя.

* * *

ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОТЦА-ГЕНЕРАЛА Ордена связался с патером Джоном Кандотти в День памяти вифлеемских младенцев, через три недели после прибытия Эмилио в дом № 5.

– Сандос достаточно хорошо восстановился для того, чтобы поговорить с вами, – сообщил Кандотти Иоганн Фелькер. – Будьте здесь в два часа.

«В два часа!» – с раздражением думал Джон, шагая к Ватикану от приюта, в котором ему только что выделили душевную комнатенку с видом на городскую стену Рима – кладка располагалась в считанных дюймах от бесполезного окна.

После приезда Кандотти уже приходилось пару раз общаться с Фелькером, и он с самого начала проникся неприязнью к австрийцу. Впрочем, Джону Кандотти было не по душе все связанное с новым поручением.

Начнем с того, что он вообще не понимал, почему его привлекли к этому делу. Не будучи юристом или ученым, Джон Кандотти удовлетворялся расположением на непрестижном краю иезуитской поговорки: публикуйся или погибай, и он

уже по колено увяз в составлении рождественской программы для средней школы, когда начальник позвонил ему и приказал в конце недели лететь в Рим: «Отец-генерал хочет, чтобы вы помогли Эмилио Сандосу».

И все, никаких подробностей. Джон, конечно, слышал о Сандосе. А кто не слышал о нем? Однако он совершенно не понимал, каким образом может быть полезен этому человеку. Попросив объяснений, он не добился внятного ответа. Он не имел никакого опыта в подобного рода занятиях: в Чикаго всякие тонкости и окольные пути не в ходу.

Кроме того, дело было еще и в самом Риме. На импровизированной прощальной вечеринке все так волновались за него: «Это же Рим, Джонни! Со всей этой историей, с этими прекрасными церквями и произведениями искусства». Он и сам был взволнован, тупой дурак. Но что он знал?

Джон Кандотти родился в Штатах – среди прямых улиц и прямоугольных коробок-домов; Чикаго никак не мог подготовить его к римским реалиям. Хуже всего бывали моменты, когда он уже видел крышу здания, куда ему хотелось попасть, однако улица, по которой он шел, начинала загибаться в другую сторону, приводя его на очередную очаровательную пьяницу с прекрасным фонтаном на ней, открывавшую перед ним новый, невесть куда ведущий переулок. Стоило только выйти на улицу – и Рим принимался ловить его и обманывать своими холмами, бесконечными переплетениями кривых улочек, пропахших кошачьей мочой и то-

матным соусом. Он не любил плутать и постоянно путался в этом лабиринте. Он не любил опаздывать и постоянно опаздывал. И первые пять минут после любой встречи Джон всегда извинялся за опоздание, а римские знакомые уверяли его в том, что этот факт их не смущает.

Тем не менее он ненавидел себя за это и поэтому все ускорял и ускорял шаг, стремясь разнообразия ради явиться вовремя в резиденцию Ордена, пусть и в сопровождении прицепившейся по пути свиты из несносных малышей, с шумным восторгом смеющихся над его костлявой фигурой, длинным носом, лысиной, раздувающейся на ветру сутаной и машущими при ходьбе руками.

* * *

– ПРОСТИТЕ МЕНЯ за то, что заставил вас ждать. – С этой фразой Джон Кандотти обращался к каждому встречному на пути к комнате Сандоса и, наконец, к нему самому, после того как брат Эдвард Бер провел его в комнату и оставил их наедине.

– Снаружи до сих пор стоит умопомрачительная толпа. Они когда-нибудь уходят отсюда? Я – Джон Кандотти. Отец-генерал попросил меня помочь вам подготовиться к слушаниям. Рад знакомству. – Он неосознанно протянул вперед руку и, вспомнив, неловко отвел ее в сторону.

Сандос не приподнялся из поставленного возле окна крес-

ла и как будто бы даже не захотел или не смог посмотреть на Кандотти. Джон, конечно же, видел архивные фото Сандоса, но тот оказался много меньше и худощавее, чем он ожидал; к тому же старше, но все же не настолько, насколько следовало бы. Прикинем: семнадцать лет в пути туда, почти четыре года на Ракхате, еще семнадцать лет обратного пути, однако следовало учесть релятивистские эффекты перемещения со скоростью, близкой к световой. По мнению врачей, Сандоса следовало считать примерно сорокапятилетним, хотя он был на год старше Отца-генерала. Судя по внешности, ему пришлось перенести трудные годы.

Молчание продолжалось. Стараясь не смотреть на руки Сандоса, Джон пытался понять, не следует ли ему уйти. Впрочем, для ухода еще слишком рано, подумал он, Фелькер будет в ярости. И тут губы Сандоса наконец шевельнулись:

– Англия?

– Америка, отец мой. Брат Эдвард англичанин, но я американец.

– Не так, – чуть помолчав, продолжил Сандос. – *La lengua*. Английский язык.

Вздвогнув, Джон понял, что неправильно истолковал слово.

– Да, я немного говорю по-испански, если так вам будет удобнее.

– Это было сказано по-итальянски, *creo*. *Antes* – до того то есть. В госпитале. *Cunaj* – *si yo...* – Он умолк, чтобы

не разрыдаться, но овладел собой и уже осознанно проговорил: – Будет легче... если я все время буду слышать... только один язык. Английский сойдет.

– Конечно. Без проблем. Ограничимся английским, – ответил потрясенный откровением Джон. Никто не говорил ему, что Сандос настолько плох. – Этот мой визит будет коротким, отец мой. Я хотел только познакомиться и посмотреть, как вы поживаете. С подготовкой к слушаниям можно не торопиться. Не сомневаюсь, что их можно будет отложить до тех пор, пока вы поправитесь настолько, чтобы...

– Чтобы что? – переспросил Сандос, впервые посмотрев прямо на Кандотти. Изрезанное глубокими морщинами лицо, высокая переносица, наследие индейских предков, широкие скулы, стоицизм. Джон Кандотти не мог представить себе этого человека смеющимся.

Чтобы вы могли защитить себя, намеревался сказать Джон, однако мысль показалась ему банальной.

– Чтобы объяснить, что произошло.

Внутри резиденции царила ощутимая тишина, что было особенно заметно возле окна, сквозь которое доносился бесконечный карнавальнй шум города. Какая-то гречанка отчитывала своего ребенка. Около двери резиденции бродили туристы и репортеры, перекрикивавшие шум такси и постоянный гомон Ватикана. Переговаривались строительные рабочие, скрежетали их механизмы, шел непрерывный ремонт, не позволяющий Вечному городу рассыпаться в прах.

– Мне нечего сказать. – Сандос снова отвернулся. – Я должен выйти из Общества.

– Отец Сандос... Отче, неужели вы считаете, что Общество позволит вам уйти, не объяснив то, что случилось? Вы вправе не хотеть никаких слушаний, однако все, что может произойти в этих стенах, ничтожно по сравнению с тем, что эти люди обрушат на вас, как только вы выйдете из этой двери, – сказал Джон. – Но если мы поймем вас, то сможем помочь... или облегчить для вас ситуацию.

Ответа не последовало, только профиль Сандоса на фоне окна сделался чуть более жестким.

– Ну ладно. Я вернусь через несколько дней. Когда вы почувствуете себя лучше, так? Могу ли я что-нибудь принести вам? Или связаться с кем-то по вашему поручению?

– Нет. – В голосе не угадывалось внутренней силы. – Благодарю вас.

Подавив вздох, Джон направился к двери. Взгляд его упал на крышку небольшого бюро, где лежал рисунок, выполненный на чем-то вроде бумаги, каким-то подобием чернил. С рисунка на него смотрела группа ВаРакхати. Лица, полные достоинства и несомненного обаяния. Необычайные глаза, окруженные пушистыми ресницами, защищающими от ослепительного света. Забавная деталь... Интересно, как можно понять, что существа эти необыкновенно красивы, если ты незнаком с нормами их красоты?

Джон Кандотти взял в руку рисунок, чтобы внимательнее

рассмотреть его... Сандос вскочил и сделал два шага в его сторону... Сандос, едва ли не вполосину меньше его и к тому же еще полудохлый... однако Джона Кандотти, ветерана чикагских уличных батальи, отбросило от бюро. Ощутив спиной стену, он прикрыл смущение улыбкой и положил рисунок на место.

– Красивый народ, надо признать, – проговорил он, пытаюсь развеять неведомую эмоцию, владевшую стоявшим перед ним человеком. – Э... люди на этой картинке... ваши друзья, похоже?

Сандос попятился, разглядывая Джона и словно просчитывая его реакцию. Свет от окна зажег ореол его волос и скрыл выражение лица. Если бы в комнате было светлее или если бы Джон Кандотти лучше знал этого человека, он мог бы заметить уродливую, но торжественную гримасу, предшествовавшую утверждению, которым Сандос рассчитывал развеселить и разгневать своего оппонента. Помедлив, он наконец отыскал нужное слово.

– Коллеги, – проговорил он наконец.

* * *

ИОГАНН ФЕЛЬКЕР закрыл свой планшет, заканчивая этим движением утреннее совещание с Отцом-генералом, однако не поднялся с места. Он внимательно смотрел на Винченцо Джулиани, пока старик сосредоточенно обду-

мывал планы на сегодняшний день, делал какие-то заметки относительно намеченных событий и только что обсужденных решений.

Тридцать четвертый генерал Общества Иисуса Джулиани обладал впечатляющей внешностью, симпатичной лысиной и вообще держался прямо и был еще силен для своего возраста. Историк по профессии, дипломат по природе, Винченцо Джулиани провел Общество через сложные времена, компенсировав долю ущерба, нанесенного Сандосом. Рекомендация заниматься гидрологией и изучать ислам в какой-то мере восстановила добрую волю. Без иезуитов в Иране и Египте не могло быть предупреждения о последней атаке террористов. Доверие там, где оно должно быть, думал Фелькер, терпеливо ожидая, когда Джулиани обратит на него внимание.

Наконец Отец-генерал вздохнул и посмотрел на своего секретаря, далеко не привлекательного, склонного к полноте мужчину на четвертом десятке лет, песочного цвета волосы которого липли к черепу. Сидевшего в кресле, сложив на округлом животе руки Фелькера можно было принять за молчаливую аллегория незаконченного дела.

– Ладно, выкладывай. Говори, что должен, – раздраженным тоном приказал Джулиани.

– Сандос.

– Что там с ним?

– То, что я уже говорил.

Джулиани посмотрел на свои заметки.

– Люди начали забывать, – продолжил Фелькер. – Возможно, всем было бы лучше, если бы он погиб, как и все остальные.

– Неужели, отец Фелькер? – сухо проговорил Джулиани. – Какая недостойная мысль.

Фелькер скривился и посмотрел в сторону.

Джулиани посмотрел на окна своего кабинета, опираясь локтями о полированную крышку стола. Фелькер, конечно же, был прав. Жизнь, вне сомнения, была бы проще, если бы Эмилио благополучно принял на Ракхате мученическую кончину. Теперь, с учетом общественного интереса, да и с точки зрения ретроспективы, Обществу приходилось расследовать причины постигшей миссию неудачи...

Потерев лицо ладонями, Джулиани встал.

– Мы с Эмилио – старые знакомые, Фелькер. Он – хороший человек.

– Он прелюбодей, – спокойно и точно определил Фелькер. – Он убил ребенка. Ему надлежит жить в кандалах.

Фелькер смотрел на Джулиани, который обходил комнату, брал в руки разные предметы и ставил их на прежнее место, даже не посмотрев.

– В любом случае ему не хватает внутреннего благородства, чтобы уйти в отставку. Пусть уходит, пока не причинил Обществу большего вреда.

Остановившись, Джулиани посмотрел на Фелькера:

– Мы не намереваемся лишать его сана. Неправильный поступок, даже если он хочет его. И, что более важно, он не сработает. В глазах всего мира он остается одним из Наших, пусть сам он так не считает.

Подойдя к окнам, он посмотрел на собравшуюся внизу толпу репортеров, разного рода исследователей и любопытных.

– А если медиа продолжают заниматься праздными спекуляциями и безосновательными измышлениями, мы просто расскажем все как есть, – произнес Отец-генерал с той легкой иронией, которой как огня боялись поколения выпускников. После чего повернулся, с прохладой оценивая своего секретаря, все это время безрадостно просидевшего за столом. Голос Джулиани не переменялся, однако Фелькер был ошеломлен произнесенными словами. – Отец Фелькер, не мне судить Эмилио, и тем более не прессе.

И уж точно не Иоганну Фелькеру, секретарю Общества.

Они завершили свое утреннее совещание парой деловых фраз, однако молодой человек понимал, что переступил границы собственной компетенции как в политическом, так и в духовном плане. Фелькер был квалифицированным и интеллигентным сотрудником, однако в отличие от большинства иезуитов придерживался норм полярного мышления: все было для него либо черным, либо белым, либо греховным, либо добродетельным: Мы против Них.

Тем не менее Джулиани полагал, что подобные люди мо-

гут быть полезны. Отец-генерал сидел за столом и вертел пальцами ручку. Репортеры считали, что мир имеет право знать все. Винченцо Джулиани не ощущал никакой необходимости потворствовать этой иллюзии. С другой стороны, надо было решить, что именно делать с этим Ракхатом. Кроме того, он понимал, что нужно каким-то образом привести Эмилио к какому угодно решению. Иезуиты не первый раз сталкивались с чуждой культурой, не в первый раз миссия заканчивалась неудачей, и Сандос не был первым опозорившим себя священником. Вся история, безусловно, достойна сожаления, однако искупление еще возможно.

Его еще можно спасти, упрямо думал Джулиани. У нас не так уж много священников, и нельзя вот так, без усилий, отречься от одного. Он Наш, он один из Нас. И откуда у Нас право называть миссию провальной? Возможно, семя посеяно. Всему воля Божья.

И тем не менее обвинения против Сандоса и всех остальных выглядели очень серьезно. Наедине с собой Винченцо Джулиани полагал, что миссия была обречена на неудачу с самого начала – после решения включить в ее состав женщин. Крушение дисциплины с самого начала, думал он. Другие были тогда времена.

* * *

РАЗМЫШЛЯЯ над этой же проблемой, Джон Кандотти

шагал к своей темной комнатухе, располагавшейся на восточной стороне Римского кольца; у него имелась собственная теория, объяснявшая причины неудачи. Миссия, по его мнению, пошла не так, как надо, благодаря целой последовательности логичных, разумных, тщательно продуманных решений, казавшихся великолепными в то время. Как бывает при самых колоссальных катастрофах.

Глава 2

Радиотелескоп

Аресибо, Пуэрто-Рико

2019 год

– ДЖИММИ, Я ТОЛЬКО ЧТО СЛЫШАЛА, что к тебе хотят приставить стервятника! – шепнула Пегги Сун, делая первый шаг к учреждению миссии на Ракхат. – Ты согласишься?

Джимми Куинн продолжал движение между линиями торговых автоматов... он выбрал *arroz con pollo*², баночку фасолевого супа и два сэндвича с тунцом.

Парень был абсурдно, нелепо высок. Он перестал расти в двадцать шесть, так и не набрав нужного веса, отчего всегда чувствовал голод. Джимми остановился, чтобы прихватить пару пакетов молока, два десерта и просуммировать расход.

– Ты согласишься, иначе будет труднее для всех остальных, – проговорила Пегги. – Сам видел, что случилось с Джеффом.

Джимми подошел к столику, за которым оставалось свободным только одно место, поставил поднос.

Пегги Сун остановилась позади его, бросив красноречи-

² Курицу с рисом (*исп.*).

вый взгляд на сидевшую напротив Куинна женщину. Та тотчас решила, что уже сыта. Обойдя столик, Пегги опустилась в еще теплое кресло. Какое-то время она просто наблюдала за вилкой Джимми, порхавшей на фоне груд риса и курятины, по-прежнему изумляясь его потребности в пище. После того как она выставила его из своего дома, расходы на бакалею снизились на 75 процентов.

– Джимми, – произнесла она наконец, – увильнуть тебе не удастся. Если ты не за нас, то против нас. – Она по-прежнему шептала, однако далеко не мягким голосом: – Если никто не пойдет на сотрудничество, всех нас уволить не смогут.

Джимми посмотрел ей в глаза; взгляд, голубой и кроткий, столкнулся с ее черным и вызывающим.

– Не знаю, Пегги. По-моему, они смогут заменить весь коллектив за пару недель. Я знаю одного перуанца, который возьмется выполнять всю мою работу за ползарплаты. А Джеффу, когда он уволился, дали хорошую рекомендацию.

– И он все еще сидит без работы! Потому что отдал стervятнику все, что у него было.

– Решать не мне, Пегги. И ты знаешь это.

– Вот дерьмо! – Несколько посетителей посмотрели на них. Пегги наклонилась поближе к нему и снова зашептала: – Ты не марионетка. Все знают, что ты помогал Джеффу после того, как он потерял место. Но теперь речь идет о том, чтобы не позволить им высосать нас досуха. Сколько

раз я должна объяснять это тебе?

Пегги Сун резким движением опустилась на место и посмотрела в сторону, пытаясь понять человека, который не в состоянии увидеть, что вся система рассыпается на части. Джимми понимал только то, что нужно усердно работать и никому не досаждать. И что это ему даст? Прижмут, и только.

– Ты по собственной воле пойдешь на контакт со стервятником, – ровным тоном сказала она. – Они могут приказать, но тебе придется самому решать, следует ли выполнять приказание. – Встав, Пегги забрала со столика свои вещи и снова внимательно посмотрела на Джимми. А потом повернулась к нему спиной и заторопилась к двери.

– Пегги! – Джимми тоже встал, подошел к ней поближе и легонько прикоснулся к плечу. Симпатичным его трудно было назвать. Слишком длинный и какой-то бесформенный нос, слишком близко и глубоко посаженные обезьяньи глаза, улыбка от уха до уха, рыжие кудряшки, как на детском рисунке, – несколько месяцев эта совокупность сводила ее с ума.

– Пегги, дай мне шанс, ладно? Позволь поискать такой способ, чтобы все остались довольны. В жизни не бывает, чтобы было только так и не иначе...

– Конечно, Джимми, – ответила она. Хороший мальчик. Туп, как дуб, но милашка.

Пегги посмотрела на его искреннее, открытое, домашнее

лицо и поняла, что он отыщет какую-нибудь благовидную и достойную причину оставаться хорошим мальчиком.

– Конечно, Джим. Ты сделаешь это.

* * *

СТОЛКОВЕНИЕ С ГРОЗНОЙ ПЕГГИ СУН заставило бы любого другого забыть про еду. Однако Джимми Куинн привык иметь дело с невысокими и настойчивыми дамами, и ничто не могло лишить его аппетита; мать его в подростковом возрасте жаловалась на то, что кормить сына – все равно что топить печку. И когда Пегги вышла из кафетерия, он занялся уничтожением прочей заготовленной снеди, позволив мозгу фильтровать информацию.

Джимми дураком не был, однако добрые родители любили его, потом его учили добрые учителя, и оба этих факта объясняли привычку к повиновению, озадачивавшую и возмущавшую Пегги Сун. Раз за разом в его жизни мнения авторитетов оказывались правильными, а решения родителей, учителей и боссов в конечном счете оказывались разумными. Конечно, он не испытывал радости, что его работы в Аресибо передадут Искусственному Интеллекту, однако затаил в душе обиду: хотя, возможно, и не стал бы возражать. Он проработал на телескопе всего восемь месяцев – время недостаточное для того, чтобы обзавестись собственническими чувствами в отношении работы, на которую его вы-

несло невероятное везение. В конце концов, получая ученые степени по астрономии, он не рассчитывал на ажиотажный спрос после окончания университета. Платили здесь скромно, конкуренция за место была просто дикарской, но в те дни так можно было сказать о любой работе. Мама – женщина невысокая и настойчивая – уговаривала его заняться более практичным делом.

Однако астрономия зацепила Джимми, и он уверял, что если ему суждено стать безработным, что статистически было вполне вероятно, то безработным он будет числиться именно в избранной им отрасли знания.

Целых восемь месяцев он имел возможность наслаждаться правильным выбором. Но теперь уже начинало казаться, что Эйлин Куинн все-таки права.

Убрав за собой весь мусор, рассортировав его компоненты в правильные баки, он отправился в свою каморку, ныряя и кланяясь по пути, как та летучая мышь, чтобы не врезаться в притолоку, осветительные приборы и какие-нибудь трубы, сотню раз в день угрожавшие его благополучию. Стол, за которым он сидел, выглядел щербатым, но даже и такой роскошью он был обязан отцу Эмилио Сандосу, пуэрториканскому иезуиту, с которым его познакомил Джордж Эдвардс, отставной инженер, работавший фактически бесплатно, за какую-то долю ставки доцента, при тарелке радиотелескопа в Аресибо и разнообразивший свою жизнь экскурсиями для детей и прочих посетителей. Жена его Энн работа-

ла врачом в устроенной иезуитами клинике, расположенной в общественном центре Ла Перлы, трущобного района, расположенного на окраине Старого Сан-Хуана. Джимми любил всех троих и посещал Сан-Хуан всякий раз, когда полагал, что сможет выдержать нудную поездку по забитому автомобилями сорокамильному шоссе.

Обедая в первый вечер в обществе Эмилио в доме Эдвардсов, Джимми смешил хозяев комичным погребальным плачем, описывающим ужасы жизни, ожидающей обычного человека в мире, сооруженном лилипутами для самих лилипутов. Когда он пожаловался на то, что всякий раз, садясь, утыкается коленями в крышку стола, священник наклонился вперед, блеснув искоркой в глазах на симпатичном и необычном лице, и промолвил с почти идеальным произношением жителя Северного Дублина:

– Выньте средний ящик из стола, и к хренам его.

Ответить можно было одним-единственным образом, и Джимми, сияя голубым ирландским взором, произнес эти слова:

– Точнее, к чертовой матушке.

Сценка повергла Энн и Джорджа в хохот, и после этого все четверо стали друзьями. Мысленно ухмыльнувшись, Джимми отправил Эмилио записку следующего содержания: «пиво у Клаудио, 8 вечера, жду ответа 5 минут», несколько не удивляясь тому, что приглашает в бар священника – факт, который в начале знакомства озадачивал его не меньше, чем

открытие, что у девиц на лобке тоже растут волосы.

Эмилио, должно быть, находился в Иезуитском центре, поскольку ответ пришел почти сразу:

«Хорошая мысль».

* * *

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА того же дня Джимми ехал по карстовым холмам и лесам, окружавшим телескоп Аресибо, к носившему то же имя приморскому городку, а потом свернул на восток, на береговую дорогу до Сан-Хуана. В двадцать минут девятого он нашел удобное для парковки место неподалеку от Эль Морро, возведенной в шестнадцатом столетии каменной крепости, впоследствии подкрепленной массивной городской стеной, окружавшей старый Сан-Хуан. Тогда, как и теперь, городская стена оставляла без защиты теснившуюся возле берега трущобу Ла Перла, которая, собственно говоря, смотрелась теперь совсем недурно с городской стены. Дома, спускавшиеся к морю с высоты шестью или семью ступенями, казались внушительными и большими только до тех пор, пока ты не узнавал, что внутри все они разделены на несколько квартир. Разумному англо рекомендовалось держаться подальше от Ла Перлы, однако рослый Джимми был вполне уверен в себе, кроме того, все знали, что он друг Эмилио, и потому, пока он сбегал к таверне Клаудио вниз по каскаду лестниц, его то и дело с уважением

приветствовали.

Сидя в дальнем уголке бара, Сандос попивал пиво. Этого священника было нетрудно разглядеть в толпе, даже когда он был без подходящего облачения.

Борода конкистадора, медная кожа, прямые черные волосы с пробором посередине головы, ниспадавшие на высокие и широкие скулы, сужавшиеся к удивительно изящному подбородку. Черты мелкие, но великолепно проработанные. Если бы Сандоса назначили в Южный Бостон, в прежний приход Джимми Куинна, экзотичный облик священника непременно даровал бы ему среди местных девиц традиционный для celibатных священников титул: Падре Какая Жалость.

Джимми помахал сперва Эмилио, потом бармену, сказавшему «привет» и немедленно пославшего Розу с пивом. Развернув одной рукой в обратную сторону тяжелое кресло, стоявшее напротив Сандоса, Джимми уселся на нем верхом, сложив руки на спинке, улыбнулся Розе, подавшей ему кружку, и сделал долгий глоток; Сандос невозмутимо наблюдал за ним со своего места.

– Ты какой-то усталый, – заметил Джимми.

Сандос энергично пожал плечами в манере еврейской мамеле.

– Еще что нового?

– Ты мало ешь, – продолжил Джимми привычный обмен любезностями.

– Да, мама, – послушно согласился Сандос.

– Клаудио, – гаркнул Джимми, обращаясь к бармену, – дайте этому человеку сэндвич.

Роза уже шла из кухни с закуской для них обоих.

– Так. Значит, ты приехал в такую даль затем, чтобы скормить мне сэндвич? – спросил Сандос.

На самом деле сэндвичи с тунцом, дополненные жареной треской и половинкой гуавы в кожуре, обычно доставались самому Джимми.

Роза знала, что священник предпочитает бобы с жареным луком и рассыпчатым рисом.

– Кому-то же надо это сделать. Послушай, у меня появилась проблема.

– Не волнуйся, Спарки. В Лаббоке от нее делают уколы.

– Де Ниро, – проговорил Джимми, проглотив огромный кусок.

Эмилио изобразил некое подобие компьютерного звонка.

– Вздор. Это не де Ниро? погоди. Николсон! Я всегда их путаю.

Эмилио никогда ничего не путал. Он помнил всех актеров и диалоги, начиная с «Лошадиных перьев».

– Ладно, побудь серьезным хоть десять секунд. Ты слышал о стервятниках?

Сандос выпрямился, вилка его повисла в воздухе, и проговорил уже профессорским тоном:

– Полагаю, что ты говоришь не о птице, питающейся падалью. Да. И даже работал с одним из них.

– Ты не шутишь? – проговорил Куинн, глядя на свои тарелки. – Я этого не знал.

– Ты еще многого не знаешь, детка, – неспешно произнес он в стиле Джона Уэйна. Фразу лишь немного портил едва заметный испанский акцент, ощущавшийся во время быстрых, как ртуть, переходов.

Джимми, по большей части пропускавший мимо ушей любимые Сандосом лингвистические развлечения, продолжал жевать.

– Доедать будешь? – спросил он после недолгого, посвященного еде молчания. Сандос поставил свою тарелку на место опустевшей тарелки Джимми и снова привалился к стене.

– Итак, каково это было? – спросил Джимми. – В смысле работать со стервятником. Мне предложили такой вариант. Как ты думаешь, стоит? Пегги выпотрошит меня, если я пойду на это, япошки – тоже, если я не соглашусь. Быть может, ты посоветуешь мне заняться поиском интеллектуального бессмертия и посвятить свою жизнь беднякам, каковым стану и я сам после того, как стервятник выключет мои мозги и меня вышвырнут из Аресибо.

Сандос не мешал ему. Джимми обычно приходил к каким-то выводам в процессе разговора, и Сандос привык делать вынужденные паузы. В данный момент его удивляло, как это Джимми удастся есть с подобной скоростью, при этом говорить и ни разу не поперхнуться.

– Так как ты думаешь, стоит мне соглашаться? – снова спросил Джимми, приканчивая пиво и промакивая луковый соус кусочком хлеба. Он помахал Клаудио, давая знак принести еще одно пиво. – Тебе заказать? – спросил он у Сандоса.

Эмилио покачал головой. И заговорил уже без актерства: – Повремени немного. Скажи, что у тебя есть кое-что интересное. Пока стервятник заинтересован, у тебя будет рычаг для воздействия. У тебя ведь есть нечто нужное им, так? А вот когда стервятник оприходует тебя, нужда в тебе упадет. Но если он ничего толком не сумеет сделать – войдешь в вечность гениальной посредственностью. – Пристыженный собственным советом, Сандос снова стал актерствовать, уступив место Эдварду Джеймсу Олмосу в ипостаси молодого гангстера, который прошипел: – *Horale... ese.*

– А кто работал с тобой?

– София Мендес.

Брови Джимми подпрыгнули.

– Латина?

Сандос неожиданно рассмеялся:

– В какой-то мере.

– И какое впечатление она произвела на тебя? Хорошее?

– Да. Вполне. Это было интересное приключение.

Джимми подозрительно смотрел на священника. Слово «интересное» в устах Эмилио часто подразумевало нечто чудовищное и ужасное. Джимми смотрел, однако Сандос, зага-

дочно улыбаясь, оставался в своем уголке. На какое-то время воцарилось молчание, так что Джимми переключил свое внимание на *sofrito*³. В следующий раз он посмотрел на священника уже с улыбкой. Проиграл по очкам.

Сандос засыпал быстрее, чем любой другой из всех его знакомых. Энн Эдвардс утверждала, что моторчик иезуита имеет только две скорости: «Полный вперед» и «Выключено».

Страдавший бессонницей Джимми, чей ум по ночам все крутил свое колесо, завидовал способности друга мгновенно засыпать, однако знал, что мгновенно засыпать Эмилио позволяет отнюдь не удачное нервное устройство. Рабочий день Сандоса обыкновенно составлял шестнадцать часов; он отключался от утомления. Джимми помогал ему всякий раз, когда подворачивалась такая возможность, а иногда даже хотел перебраться поближе к Ла Перле, чтобы чаще подставлять плечо.

Было даже такое время, когда Джимми подумывал, не стать ли и ему иезуитом. Родители, эмигрировавшие в Бостон со второй волной ирландцев, уехали из Дублина еще до его рождения. Мать достаточно откровенно выражалась о причинах, побудивших ее к отъезду.

– Старая хрычовка, – так она именovala свою родину, – всегда была отсталой, насквозь религиозной страной третьего мира, до края полной мелких диктаторов и сексуаль-

³ Жареный лук (*исп.*).

но увечных священников, постоянно совавших свои носы в спальни нормальных людей. – Так она заявляла всякий раз, когда ее спрашивали. И, несмотря на это, Эйлин считала себя воспитанной в «католической культуре», а Кевин Куинн предпочитал выбирать для сына иезуитские школы, полагаясь прежде всего на уровень дисциплины и преподавания. И в итоге они воспитали сына, наделенного благородной и щедрой душой, стремящегося исцелять раны и облегчать тяготы, неспособного оставаться праздным рядом с людьми, которые, подобно Эмилио Сандосу, тратили свою жизнь и энергию на всеобщее благо.

Джимми посидел еще какое-то время в раздумьях, а потом плавно перешел к подсчетам, умножив примерно на пять сумму, израсходованную им на сегодняшнюю трапезу.

– Плачу за ланчи на этой неделе. И следите за тем, чтобы он ел, Роза! Иначе он отдаст еду какому-нибудь мальчишке.

Роза кивнула, пытаясь понять, заметил ли Джимми, что сам съел половину всего, что предназначалось священнику.

– Я скажу вам, в чем тут дело, – самозабвенно продолжил Куинн. – Идей у него всегда на двести фунтов, а возможностей реализовать их всего на сто тридцать. Он работает на износ.

Остававшийся в своем уголке Сандос улыбнулся с закрытыми глазами.

– *Sí, Mamacita*⁴, – проговорил он, мешая сарказм с прияз-

⁴ Да, мамочка (исп.).

нюю. Резким движением поднявшись на ноги, он зевнул и потянулся. Вместе с Джимми они вышли из бара в сладостный морской воздух весенней Ла Перлы.

* * *

ЕСЛИ ЧТО-ТО И МОГЛО укрепить веру Джимми Куина в предельную разумность власти, так это начало карьеры отца Эмилио Сандоса. Ничто в ней не укладывалось в разумные рамки, если только не заглянуть в самый конец и увидеть, как коллективный разум Общества Иисуса терпеливо трудился в одном направлении, осознать которое индивидуальный ум был попросту не способен.

Среди иезуитов многие являлись полиглотами, но Сандос добился в этой области больше многих. По рождению пурэториканец, он с малолетства владел испанским и английским. Годы обучения церковной мысли требовали классического образования, и Сандос примерно в равной степени овладел греческим и латынью, которой пользовался как живым языком — в ежедневном общении, в научной работе и для эстетического наслаждения превосходно структурированной прозой. Впрочем, такой уровень не выходил далеко за пределы обыкновенного для схоластов Общества.

Однако во время исследования работы миссий, отправлявшихся в Квебек в семнадцатом веке, Сандос решил выучить французский язык, чтобы читать реляции отцов-иезу-

итов в оригинале. Потратив восемь рабочих дней на интенсивную работу с учителем, он впитал французскую грамматику, после чего составил собственный словарь. Завершив работу в конце семестра, он уже спокойно читал французские тексты, хотя даже не попытался освоить разговорную речь. Следующим его языком стал итальянский – отчасти в предвидении будущего перемещения в Рим, отчасти из любопытства, побудившего его узнать, насколько далеко этот язык ушел от латыни. За ним последовал португальский – просто потому, что ему нравилась эта речь, кроме того, он любил бразильскую музыку.

Иезуиты всегда поощряли лингвистические исследования. И неудивительно, что после посвящения в духовный сан Эмилио предложили писать диссертацию в области лингвистики.

Так что по прошествии трех лет все ожидали, что Эмилио Сандос, иезуит и доктор философии, будет назначен профессором в университет Ордена.

Однако вместо этого молодой лингвист получил предложение поучаствовать в проекте возобновления леса на Каролинских островах, одновременно работая в средней школе Ксавье на острове Чуук⁵. Потратив всего тринадцать месяцев на выполнение первого задания, на что обыкновенно

⁵ Лагуна Чуук (ранее атолл Трук) – атолл в центральной части Тихого океана примерно в 1800 километрах к северо-востоку от Новой Гвинеи, часть штата Чуук в составе Федеративных Штатов Микронезии.

назначается шесть лет, он был переведен в инуитский городок, расположенный на самую малость ниже Полярного круга, после чего посвятил год ликвидации неграмотности среди взрослых вместе со священником-поляком, после чего оказался в христианском анклав на юге Судана, где работал в пункте помощи кенийским беженцам вместе со священником из Эритреи.

Он привык ощущать себя неопытным работником, всегда находящимся вне поля своих интересов. Он заставлял себя быть терпеливым, когда общение не получалось, гася его любезностью или шуткой. Он усвоил умение успокаивать какофонию языков, рвущихся к власти в его голове, пользоваться жестами и собственной выразительной мимикой. За тридцать семь месяцев он освоил чуукезский⁶ язык, северный диалект инви-инупиака, польский, арабский (на котором говорил с заметным суданским акцентом), кикуйю и амхарский. Но что было более важно с точки зрения его начальства, частых перемещений и его собственного взрывного темперамента, Эмилио Сандос начал приучать себя к терпению и повиновению.

– Тебе пришло письмо от Провинциала, – сообщил Эмилио напарник, отец Тахад Кесаи, когда он вернулся в шатер после опаляющего жаром рабочего дня, на три часа позже окончания трапезы, которую еще можно было считать лен-

⁶ Чуукезский язык – язык малайско-полинезийской группы, на нем общаются 50 % населения Микронезии.

чем, спустя несколько недель после первой годовщины его появления в Судане.

Усталый и зеленый под тенью тента, Сандос остановился, не завершив шага, и уставился на коллегу.

– Что следует общей схеме, – произнес он, полным усталости движением опускаясь на походный табурет и открывая ноутбук.

– Может, это не новое задание, – предположил Тахад.

Сандос фыркнул; они оба знали, что на это надеяться не приходится.

– Козлийный помет, – с раздражением произнес Тахад, озадаченный обращением начальства с Сандосом. – Ну почему они никогда не дают тебе доработать до конца полную командировку?

Сандос ничего не ответил, поэтому Тахад снова занялся возвращением песка из палатки в родную среду, чтобы предоставить своему коллеге возможность прочитывать послание в приватной обстановке.

Однако молчание затянулось, и, повернувшись к Сандосу, Тахад с тревогой увидел, что тело того начало содрогаться и наконец он уткнулся лицом в руки.

Взволнованный Тахад шагнул к коллеге:

– Ты хорошо поработал здесь, Эмилио. Глупо постоянно выдергивать тебя и перебрасывать с места на место...

Тахад невольно умолк: теперь Сандос пытался утереть слезы с глаз, все еще подозрительно булькая. Не говоря

ни слова, он поманил Тахада рукой к экрану, чтобы тот прочел послание. Тахад исполнил приглашение, отчего пришел в еще большее недоумение:

– Эмилио, я не понимаю...

Застонав, Сандос едва не свалился табурета.

– Эмилио, что здесь смешного? – потребовал объяснений Тахад, волнение которого уже превращалось в недовольство.

Сандосу предписали явиться в Университет Джона Кэрролла⁷, находящийся рядом с Кливлендом в США, но не для того, чтобы получить пост профессора лингвистики, а для того, чтобы поработать с экспертом в области искусственного интеллекта, способным запрограммировать и оцифровать используемую им методику овладения языками в полевых условиях, чтобы будущие миссионеры могли использовать накопленный им опыт – во славу Божию.

– Прости, Тахад, это слишком сложно объяснить, – вздохнул Сандос, делая первый шаг на пути в Кливленд, чтобы послужить интеллектуальной пищей для стервятника от ИИ, *ad maiorem Dei gloriam*. – Просто этот запрос является объяснением затянувшейся на три года шутки.

* * *

ПО ПРОШЕСТВИИ ТРИДЦАТИ, может, двадцати,

⁷ Университет Джона Кэрролла – частный иезуитский университет в Юниверсити-Хайтс, штат Огайо.

но никак не меньше десяти лет, изможденный и неподвижный, лежа с открытыми глазами в полной темноте после захода всех трех солнц Ракхата, не ощущая более кровопотери и новых позывов рвоты, заново потрясенный вернувшейся способностью мыслить, Эмилио Сандос вдруг ощутил, что тот жаркий день в Судане, возможно, был всего лишь преамбулой к шутке, растянувшейся на всю его жизнь.

Учитывая все обстоятельства, эту мысль следовало называть странной. Он понимал это даже тогда. Однако, обдумывая ее, он с немыслимой ясностью ощутил, что, совершая свое путешествие в качестве иезуита, он не только стал первым землянином, ступившим на поверхность Ракхата, не только изучил некоторые области крупнейшего континента этой планеты, не только выучил два местных языка и полюбил нескольких ее жителей. Он также обнаружил внешний предел своей веры и, совершая свой путь, обнаружил границу отчаяния. В этот миг он подлинно научился страху Господню.

Глава 3

Рим

Январь 2060 года

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ИЛИ годом позже, через несколько недель дней после первого знакомства с Эмилио Сандосом, направляясь на новую встречу с ним, Джон Кандотти едва не провалился в Римскую империю.

В какой-то ночной час доставлявший продукты фургон наконец превзошел ту степень веса и вибрации, которую могла выдержать мостовая девятнадцатого века, проложенная над средневековой опочивальней, построенной в стенах сухой римской цистерны, и все безумное сооружение рухнуло. Дорожники сумели извлечь фургон, однако каким-то образом забыли поставить ограждения вокруг образовавшейся ямы. Как обычно спешивший Джон едва не свалился в нее. Только странным образом изменившееся эхо собственных шагов предупредило его об опасности, и он замедлил шаг, остановившись с поднятой ногой над ямой, буквально за мгновение до исторически многозначительной смерти от перелома шеи. Подобного рода неприятности, время от времени приключавшиеся с ним в Риме, постоянно держали его на взводе, однако в письмах домой он описывал их с комическим оттенком. Описание дней его жизни, про-

веденных в Вечном городе, на слух казалось более благоприятным, чем было на самом деле.

На сей раз Джон решил посетить Сандоса утром, надеясь застать его бодрым после ночного сна и кое-что втолковать ему. Кто-то же должен объяснить этому типу, между какими разновидностями молота и наковальни он пребывает. Если же Сандосу неуютно беседовать о миссии, экипаж корабля, вопреки всем препятствиям доставившего его обратно, не пострадал от застенчивости подобного рода. И люди, утверждавшие, что межзвездные путешествия невыгодны в экономическом отношении, вдруг обнаружили в своем распоряжении колоссальные коммерческие возможности повести о межзвездном перелете, которую можно было рассказать восьми с лишним миллиардам слушателей. Консорциум «Контакт» извлекал из драмы все возможное, раскрывая сюжет крошечными эпизодами, поддерживая в обществе постоянный интерес и извлекая из него хорошие деньги даже после того, как стало ясно, что на Ракхате погибли почти все участники миссии.

Наконец настало время и той части повествования, где присутствовал Сандос, и дерьмо полетело на провербиальный вентилятор. Гибель посланных иезуитами миссионеров превратилась из трагической тайны в неприглядный скандал: насилие, убийство и проституция скармливались обществу соблазнительными, щекочущими нервы дозами.

Первоначальное восхищение общества научной базой

и быстрой решительностью, сделавшими возможным сам полет, развернулось на 180 градусов; новости излагались с безжалостной злобой. Ощутив запах крови в воде, медиаакулы начали выслеживать среди населения всех, кто мог знать членов иезуитской миссии.

Подробности личной жизни Д. У. Ярброу, Марка Робиншо и Софии Мендес были выставлены на свет божий и благочестиво высмеяны комментаторами, собственное поведение которых осталось неизвестным миру. Единственный выживший, Сандос был обвинен сразу во всех грехах и сделался фокусом всеобщей ненависти, невзирая на то что люди, знавшие его до полета, как правило, вспоминали его с любовью и как минимум с уважением.

Даже если окажется, что Сандос чист, как новорожденный младенец, думал Джон, это ничего не решит. Для здешних он – вор и убийца. Чтобы довести котел до кипения, никаких новых скандалов не требуется.

– Мне нечего сказать. Я должен выйти из Общества, – по-прежнему настаивал Сандос, когда его припирали к стене. – Мне нужна хотя бы небольшая передышка.

Возможно, он полагал, что, если ляжет на дно, интерес к нему схлынет сам собой; а может, считал, что сумеет выдержать травлю и общественное давление. Джон сомневался в этом, пресса сожрет Сандоса заживо. Его знали в лицо по всему миру, а эти его руки, исковерканные ладони, были печатью Каина. На всей Земле для него не осталось другой

тихой гавани, кроме Общества Иисуса, но даже здесь он был парией, выродком.

Джон Кандотти однажды вмешался в уличную драку просто потому, что посчитал шансы сторон слишком неравными. В порядке благодарности за хлопоты ему сломали нос, да и парень, которому он помог, особой благодарности не выказал. Тем не менее он поступил тогда правильно. Как тяжело ни оступись бы Сандос на Ракхате, думал Джон, теперь ему нужен друг, так о чем беспокоиться? Этим другом могу оказаться и я.

* * *

В ЭТОТ САМЫЙ МОМЕНТ Эмилио Сандос размышлял не о мерах, которые следует предпринять, чтобы его не съели живьем, но о еде. Он рассматривал тост, нашедшийся на подносе с завтраком, который брат Эдвард только что внес в его комнату. Должно быть, Эдвард решил, что ему пора пожевать чего-нибудь. Оставшиеся зубы явно тверже сидели в деснах. Эмилио было стыдно, что его пищу превращали в пюре, что все приходилось пить через трубочку... быть инвалидом...

Забытые слова сами собой возвращались к нему, прорываясь в ум, как воздух сквозь воду. Слово «инвалид» имеет в английском языке два смысла, два произношения: «ошибочный» и «бессильный». «Я инвалид», – подумал он.

Эмилио напрягся в ожидании бури, но ощутил только пустоту. С этим кончено, подумал он, приступая к тосту. Еще не доверяя возвращению способности говорить без предварительной подготовки, он заранее продумал предложение.

— Брат Эдвард, — произнес он наконец. — Будьте любезны, разломите хлеб на несколько кусочков, а потом оставьте меня.

— Конечно, сэр, — произнес Эдвард, склоняясь к подносу и устраивая его так, чтобы можно было легко до всего дотянуться.

— Я сказал все это на английском, так?

— Да, причем на очень хорошем, сэр.

— Если я буду путать слова, скажите мне.

— Конечно, сэр.

Подобным образом нередко проявляются последствия пыток и изоляции: потеря ориентации, смешение языков. Эдварду Беру нередко приходилось иметь дело с такими людьми — разбитые вдребезги тела, свернувшиеся в комки души. Учитывая конкретную ситуацию и оказавшегося в ней человека, брат Эдвард принял на себя личину британского дворецкого, с одной стороны развлекавшую Сандоса, а с другой позволявшую ему сохранять достоинство в самых недостойных ситуациях его нынешней жизни. Сандос требовал очень аккуратного обращения. Физически он находился в самом удручающем состоянии, политическое положение его было ничуть не лучше... и потом, разве можно было легко

забыть о том, скольких друзей этот человек потерял на Ракхате, как быстро миссия превратилась из многообещающей в потерпевшую неудачу и насколько недавно для него это происходило. Будучи вдовцом, Эдвард Бер умел замечать чужое горе.

– Когда-нибудь все наладится, – проговорил Эдвард, разглядывая тост и пододвигая тарелку ближе к Сандосу. – Старайтесь терпеливее относиться к себе.

Повернувшись к окну, Эдвард потянулся, чтобы отодвинуть занавеску, до предела вытянув свое объемистое тело. Жена в порыве нежности называла его Мишкой Тедди, потому что он и в самом деле напоминал игрушечного мишку.

– Если вам что-то понадобится, – обратился он к Сандосу, – я рядом. – И вышел из комнаты.

Эстетически непривлекательный процесс потребления единственного тоста занял полчаса, однако никто не наблюдал за ним, и Сандос справился с делом. А потом, к собственному непрекращающемуся удивлению, он ощутил сонливость и отключился в кресле возле окна.

Стук в чуть приоткрытую дверь разбудил его уже через несколько минут. Сам он не был в состоянии повязать платок на дверную ручку, согласно почтенной иезуитской традиции означавший: «Не беспокоить». Он мог попросить об этом брата Эдварда, однако не сообразил. Он вообще почти ни о чем не думал теперь. И это было милостью. Но сны, конечно, жалости не знали... Стук повторился.

– Входите, – пригласил он, полагая, что это Эдвард пришел за тарелками. Однако вместо него увидел странным образом жесткого и мягкого одновременно секретаря Отца-генерала, Иоганна Фелькера. Удивленный Сандос поднялся на ноги и отступил назад, оградившись от вошедшего креслом.

* * *

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ И ВЫСОКИЙ ГОЛОС Иоганна Фелькера звенел в небольшой и полупустой комнатухе Сандоса, и Джон Кандотти услышал его еще в коридоре. Дверь в комнату, как всегда, оставалась открытой, так что Джон был избавлен от необходимости входить без стука.

– Конечно же, доктор Сандос, – говорил Фелькер, когда Джон вошел в комнату, – Отцу-генералу хотелось бы услышать, что вы решили остаться среди нас...

– Отец-генерал очень добр, – прошептал Сандос, с опаской глянув на Джона, остановившегося в углу комнаты, спиной к стене.

– Я ненадолго. И не побеспокою вас дольше необходимо-го.

– Вот. Видите ли, Кандотти? – проговорил Фелькер, поворачиваясь к Джону. – Он непреклонен. Как жаль, что существуют такие обстоятельства, когда расставание человека с Обществом служит всеобщему благу. – Отрывисто прого-

ворив эти слова, Фелькер обратился к Сандосу: – И я должен назвать ваше решение благородным. Естественно, мы будем рады видеть вас у себя до тех пор, пока силы не вернутся к вам полностью, доктор Сандос.

Вот твоя шляпа, подумал Джон Кандотти, откуда такая спешка? Рассерженный, он уже собирался послать австрийца подальше, когда заметил, что Сандос начал дрожать. Сначала Джон объяснил это болезненным состоянием: Сандос вообще едва не умер и до сих пор оставался слишком слабым.

– Сядьте, отче, – произнес Джон и подошел к Сандосу, чтобы помочь ему сесть в кресло. Зайдя за спину Сандоса, он бросил на Фелькера свирепый взгляд.

– Отец Фелькер, по-моему, отцу Сандосу нужно отдохнуть.

– О боже. Я утомил вас. Простите меня. – Фелькер без дальнейших понуканий заторопился к двери.

– Фелькер – дурак, – произнес уверенным тоном Джон Кандотти, когда шаги секретаря генерала Ордена затихли в конце коридора. – Не разрешайте ему докучать вам. Вас никто не ограничивает во времени. Мы не мечтаем сдать вашу комнату следующему квартиранту.

Он присел на краешек кровати Эмилио, поскольку сестра больше было некуда.

– Как вы себя чувствуете? По внешнему виду можно подумать... – «Что вы испуганы», – подумал он, но сказал: – Что у вас болит живот.

– Трудно... трудно, когда вокруг тебя столько народа.

– Могу себе представить, – автоматически произнес Джон, но тут же исправился: – Простите. Я сказал глупость. На самом деле я не могу этого представить, так?

Короткая безрадостная улыбка подтвердила:

– Думаю, что да.

Отрезвев, Джон оставил все идеи относительно чтения этому человеку лекций о сегодняшней жизни.

– Вот что, отче, надеюсь, вы не обидитесь на то, что я думал, что можно сделать с вашими руками, – сказал он чуть погодя, не совсем понимая, почему это могло обидеть Сандоса, который не пытался как-то скрывать их. Возможно, потому, что подумал о чем-то таком, чего тот не мог сделать самостоятельно. Подстричь ногти, побриться, самостоятельно сходить в туалет. Неприятно даже думать об этом. Порывшись в своем портфеле, Джон извлек пару тонких кожаных перчаток с обрезанными пальцами, кожа была аккуратно завернута и прострочена. – То есть я хочу сказать, что хирург, наверное, сможет в какой-то мере восстановить ваши руки, однако пока что я подумал, что перчатки могут помочь вам брать предметы. Особой сноровки вы не достигнете, однако думаю, что брать вещи научитесь. – Сандос смотрел на него округлившимися глазами. – То есть вы можете попробовать. Если не поможет, ничего страшного. Пара перчаток... пустяк?

– Благодарю вас, – странным голосом произнес Сандос.

Обрадованный тем, что его предложение не задело Сандоса, Джон помог ему заправить невероятно длинные, покрытые шрамами пальцы в перчатки. «Какого черта они сделали с ним это?» – гадал Джон, пытаясь не задеть свежие, недавно заросшие ранки. Все мышцы кистей Сандоса были аккуратно срезаны с его ладоней, удвоив длину пальцев, и теперь ладони его напоминали Джону скелетики, продающиеся на Хеллоуин.

– Теперь, на трезвую голову, – проговорил Джон, – мне кажется, что хлопковые подойдут лучше. Но хорошо. Если эта пара поможет, я сделаю другую. Я придумал, как приспособить перчатки для ложки, надо сделать особую петельку, чтобы вам стало удобнее есть. Иногда, как вы знаете, лучший результат дает простейший способ.

«Заткнись, Джон, ты болтаешь пустое», – приказал он себе. Погрузившись в процесс надевания перчаток, он даже на миг не заметил слез, стекавших по изможденному и бесстрастному лицу Сандоса. Закончив со второй перчаткой, Джон посмотрел вверх и пришел в ужас, улыбка его померкла.

Сандос плакал безмолвно, как плачет икона, минут, наверное, пять. Джон оставался с ним, сидя на постели он ожидал возвращения своего подопечного из того места, куда он удалился.

– Отец Кандотти, – наконец произнес Сандос, оставленные без внимания слезы высыхали на его лице, – если я од-

нажды решу исповедаться, то обращусь к вам.

Утратив на мгновение дар речи, Джон Кандотти начал подозревать, зачем именно его вызвали в Рим.

– Спасибо, что вы пришли, – добавил Сандос.

Кандотти кивнул, раз, а потом еще раз, словно подтверждая что-то, и, ничего более не говоря, ушел.

Глава 4

Аресибо, Пуэрто-Рико

Март 2019 года

РЕШЕНИЕ ПРИШЛО В ГОЛОВУ, когда Джимми Куинн брился, пригибаясь, чтобы посмотреть в зеркало, неизбежно повешенное слишком низко для того, чтобы в нем можно было увидеть его голову. Лучшие из идей часто посещали его подобным образом – согнувшегося в душе, так чтобы голова могла оказаться под водой. Не приводит ли каким-то образом наклон головы к усилению кровообращения мозга? Энн Эдвардс должна знать, надо бы спросить, когда он будет в следующий раз обедать у них. Он не без удовольствия несколько раз обсосал эту идею. Джимми обещал Пегги Сун, что найдет способ уравновесить интересы работников и владельцев Аресибо, однако пока так ничего и не придумал. И это удивило Джимми, поскольку обыкновенно он умел находить способ порадовать себя и в то же время осчастливить своих родителей, учителей, приятелей и подружек. Сделать это было несложно, если удавалось поставить себя на место человека, которого хотелось порадовать.

Джимми нравилось ладить с людьми. А пока что, однако, ему удалось найти только один способ ладить с японским руководством радиотелескопа Аресибо – вести себя тихо и де-

лать в точности то, что тебе говорят.

В иерархии пользователей тарелки радиотелескопа среди научного персонала он занимал более чем скромное место. Когда телескоп не использовали для более важных работ, Джимми удавалось поработать по стандартным руководствам SETI, поискать в небе радиопередачи инопланетян. О том, насколько низко пал статус программы Поисков Внеземного Разума, можно судить уже потому, что именно Джимми увяз на этой работе. Впрочем, большую часть своего времени он тратил на получение и обработку радиосигналов, пришедших из какой-либо определенной точки неба. Астрономы, работавшие в оптическом диапазоне, иногда замечали что-нибудь интересное и просили Аресибо просмотреть тот же участок неба, чтобы сравнить результаты радио- и оптических наблюдений. При всей автоматизации радиотелескопа кому-то приходилось принимать заявку, вносить изменения в график наблюдений, проверять исполнение, просматривать результаты и отправлять их автору запроса. Работа не совсем секретарская, однако Нобеля на ней не зарабатываешь.

Так что вопрос стоял так: зачем тратить деньги на такого первоклассного стервятника, как София Мендес, когда адекватный хакер может автоматизировать такую работу задешево?

После магистерской диссертации в Корнельском университете Джимми получил работу в Аресибо, потому что не ис-

кал высокой зарплаты, потому что ему хватило ума изучить испанский и японский языки, а еще потому, что он разбирался в некоторых моментах оптической и радиоастрономии. Свою работу он любил и хорошо справлялся с ней. И в то же время прекрасно понимал, что существенную часть его обязанностей можно автоматизировать. Он понимал, что от Ма-сао Яногути под дулом пистолета требуют сокращения расходов на эксплуатацию тарелки телескопа, так как получалось, что в конечном счете лунная горнорудная программа закончилась пшиком и сократить расходы можно было только одним способом: исключить людей из рабочего процесса.

Яногути руководил работой Аресибо с тех пор, как ИКАН, японский Институт космических и аэронавтических наук, выкупил радиотелескоп у правительства США. В общем контексте японской космической индустрии радиотелескоп Аресибо можно было приравнять к бантику, однако Джимми знал, что японцы весьма довольны тем, что он принадлежит им. Соединенные Штаты дважды пытались заставить Японию играть по принятым на Западе правилам, самым решительным образом перекрывая ей доступ к сырью и рынкам. И дважды Штаты были ошеломлены взрывной реакцией: в первом случае завоеванием Азии и покорением космоса во втором. На сей раз не было допущено ни одной фатальной ошибки масштаба Перл-Харбора.

Джимми прослушал пару курсов лекций по японской культуре и теперь пытался применить свои знания, но, про-

работав почти год на тарелке радиотелескопа Аресибо, он не мог более воспринимать японцев как отчаянных игроков. Однако преподаватели его настаивали на обратном, опираясь на всю историю этой страны. Время от времени японцы ставили все на кон, на единственный титанический бросок костей. Жуткие последствия той единственной ошибки в Перл-Харборе сделали их самыми расчетливыми, дотошными и скрупулезными игроками, но тем не менее игроками. Как сказал в сухом комментарии один профессор: тот на Западе, кто понимает это, иногда может сыграть краплеными картами и выиграть.

Когда идея наконец осенила его, Джимми расхохотался и даже пустился в пляс, одновременно промокая кровь. Масао Яногути не уволит его, во всяком случае сейчас. Мадырка Пегги не выпотрошит его, а может, даже похвалит за сообразительность. Он может получить в стервятники Софию Мендес, и Эмилио будет доволен. Черт побери, теперь он сможет даже получить тему для докторской диссертации.

– Ты снова сделал это, Куинн, – обратился он к своему окровавленному отражению и привел себя в порядок, чтобы скорее добраться до тарелки.

* * *

– ВХОДИТЕ, входите, мистер Куинн. – Масао Яногути жестом пригласил Джимми войти в открытую дверь его ка-

бинета. – Прошу, садитесь.

Оба они играли роли: Яногути – дружелюбного в американском стиле босса; Куинн – робкого японского служащего, которому неудобно сидеть в присутствии начальника, обнаруживая свое смятение. Поговорив несколько минут о приближающемся матче за Кубок мира, Джимми наконец перешел к делу.

– Доктор Яногути, я тут размышлял над программой ИИ, – начал Куинн. – Я понимаю, что моя работа носит достаточно механический характер, и поскольку она так и напрашивается на то, чтобы ее автоматизировали, начал подумывать о том, чтобы вновь обратиться к соисканию докторской степени, и тут мне пришло в голову, что моя тема может заинтересовать вас и ИКАН.

Джимми сделал паузу и, подняв бровь, посмотрел на начальника, ожидая разрешения продолжать. Яногути кивнул, явно испытывая облегчение оттого, что Куинн пришел не за тем, чтобы с боем добиваться дополнительного финансирования. Удовлетворившись искренностью собственных слов, Джимми перешел к теме:

– Итак, сэр, мне хотелось бы предложить небольшой пилотный проект, заключающийся в сравнении результатов исследования астрономических программ с помощью ИИ и человеческого фактора. Мне хотелось бы, чтобы первоклассный аналитик ИКАН разработал эту программу. Тогда я непосредственно сопоставлю эти результаты с полученными

ми мной за последнюю пару лет.

Яногути распрямился на какой-нибудь миллиметр. И Джимми непринужденно внес поправку в свое предложение:

– Конечно, достаточно будет года, а может быть, и шести месяцев, а потом я смогу составить запрос на грант. Потом, после, мне хотелось бы вернуться на работу сюда, но уже с оплатой по гранту.

– Мистер Куинн, – наконец отреагировал Яногути, – можно возразить, что результаты подобного сравнения навсегда останутся сомнительными, потому что субъект всегда может утаить критически важную информацию.

– Да, это так, сэр. Однако так можно сказать обо всех тех, кто пожалел о том, что оказался объектом применения анализа с помощью ИИ, сэр. Простите меня, доктор Яногути, однако всем известно, что большинство людей надеются на то, что программа откажет. Я думаю, что использование по-настоящему хорошего ИИ-аналитика поможет снизить шансы на то, что субъект о чем-то умалчивает. Далее, я персонально заинтересован в том, чтобы полученные данные были максимально надежными, поскольку буду использовать их в своей диссертации.

Яногути молчал, но поскольку он только молчал, а не хмурился, Куинн продолжил:

– На мой взгляд, сэр, ИКАН должен заинтересоваться возможностью получения жесткой компаративной базы данных

для оценки каждой программы ИИ, так? Чтобы понять, что такого программа упускает из вида, что мог бы заметить человек? Ну, а если это не так, тогда Институт может продолжить использовать искусственный интеллект для устранения работ невысокого класса, таких как моя, поскольку уровень работы зависит от компетенции исполнителя. Это всего лишь один аспект системы, который можно четко определить, сэр.

Выждав пару мгновений, Джимми задумчивым тоном промолвил:

– Конечно, это всего лишь небольшой пилотный проект. Если у меня ничего не получится, вы рискуете моим полугодовым окладом. Если же результат окажется положительным, Аресибо выигрывает...

А с ним и Масао Яногути, который все еще молчал. Джимми продолжил натиск:

– Если вы не возражаете, сэр, мне хотелось бы узнать, нельзя ли пригласить для выполнения анализа Софию Мендес. Я слышал, что она очень хороша и...

– Дорого берет, – отметил Яногути.

– Но один из моих друзей знаком с ней, и он говорит, что она может взяться за эту работу рекламы ради. Если созданная ею программа окажется сильнее, ведущий ее дела брокер может воспользоваться этим фактом и потребовать повышения оплаты. Возможно, мы сможем как-то договориться с ним. Если выиграет она, ИКАН сможет удвоить обыч-

ную плату?

– Тогда, если она проиграет, брокер не получает ничего? – задумчивым тоном предположил Масао Яногути.

Над этим стоит подумать, Джимми мысленно поторопил Яногути. Риск не слишком велик. Рискни же, про себя проговорил он. Впрочем, Джимми не ожидал ответа и не настаивал на нем. Яногути никогда не говорил «да», не получив одобрения всего начальства ИКАН, а может, и за пределами Института. Искусственным интеллектом занималось множество народа. И в этом заключалась вся красота его замысла: чем дольше японец будет принимать решение, тем дольше у него будет работа. А если они скажут да, тогда он будет здесь те месяцы, которые потребуются стервятнику, чтобы разобраться в его мозгах, а потом еще три месяца на то, чтобы произвести сравнение. Если он превзойдет программу, то сумеет остаться на работе, и если это произойдет скоро, то, может быть, ИКАН по меньшей мере изменит политику и установит испытательный срок после выполненного ИИ анализа, что не может не порадовать Пегги, потому что предоставит передышку ее людям, способным, кстати, победить соперничающий ИИ в честном испытании. Ну а если победит программа, тогда ему, возможно, придется вернуться в университет...

Посмотрев на открытую невинную физиономию, Масао Яногути вдруг расхохотался.

– Мистер Куинн, – проговорил он достаточно любезным

тоном, – вы начинаете проявлять тонкость мышления.

Пойманный с поличным, Джимми чуть покраснел.

– Тем не менее вы сделали интересное предложение. – Яногути поднялся, чтобы проводить Джимми до двери. – Пожалуйста, представьте мне этот материал в письменном виде.

Глава 5

Кливленд, Огайо

Август 2014 – май 2015 года

ЕСЛИ БЫ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ в Штаты из лагеря для суданских беженцев произошло не столь неожиданным образом, Эмилио Сандос, возможно, воспринял бы первую встречу с Софией Мендес более адекватным образом. В реальности потрясение это выпало на его долю, когда он еще находился под воздействием культурного шока и разницы во времени между точками перелета, так что прошло несколько недель, прежде чем он сумел взять под контроль свою реакцию на эту женщину.

За каких-то двадцать часов он переместился из зоны военных действий на африканском Роге в пригородный кампус Университета Джона Кэролла, место мирное, окруженное милыми старинными и ухоженными домами, где дети верещали, носились, смеялись и шалили... где в игре их не было места отчаянию, голоду и ужасу. Он был изумлен собственным восприятием этих детей. Сады также ошеломили его – почвой, черной, как молотый кофе, роскошным смешением летнего цветения и пестрой, декоративной листвы, расточительной тратой дождей и плодородия...

Ему требовалась передышка, пауза хотя бы в несколько

дней, однако встреча была уже назначена. И ему пришлось встретиться с Софией Мендес на второй день после возвращения из Африки, в ресторане кампуса, где подавали турецкий кофе, являвшийся для нее жизненно необходимым и часто употребляемым топливом. На следующее утро Эмилио пораньше явился в кофейню и сел подальше от входа, так чтобы видеть дверь, безмолвно впитывая окружавшие его волны смеха и остроумных и пустых разговоров, заново привыкая к английскому языку. Даже если бы ему не пришлось провести предыдущие три года в полевой обстановке, а перед этим более десяти лет в иезуитской школе, он все равно чувствовал бы себя чужаком в обществе этих студентов – молодых людей в броских и ярких, сложным образом плиссированных куртках, подчеркивавших ширину плеч и зауженных в талии, восхитительных молодых женщин, наделенных осиными талиями, облаченных в платья из переливчатых тканей цвета лепестков пиона и мороженого. Он был заморожен совершенством ухода за внешностью и внимания к деталям: укладкой волос, изяществом обуви, идеальным подбором косметики... Невольно вспомнились неглубокие могилы Судана, и он подавил гнев, понимая, что источником его отчасти является утомление. София Мендес вступила в этот сад рукотворных радостей земных и в его собственное жесткое неприятие этой роскоши вполне осмысленно и целенаправленно. Заметив ее, каким-то образом осознав, что это именно та женщина, которую он ждет, Эмилио вспомнил

слова мадридской учительницы танцев о том, каким образом должна держаться идеальная испанская танцовщица.

– Голова вверх, княжеская поза. Спина прямая, руки *suavamente articuladas*⁸. Грудь, – продолжила она чуть неуместно, отчего он рассмеялся, – как бычья рога, но *suave, no rígido*⁹.

Мендес держалась настолько хорошо, что, поднявшись ей навстречу, он удивился, что ростом она оказалась чуть выше пяти футов. Волосы гладко зачесаны на традиционный манер, красная блузка и черная юбка. Трудно было представить больший контраст с окружавшими их студентками.

Приподняв брови, она коротко пожала его руку и оглянулась на толпу, сквозь которую только что прошла.

– Милы... прямо полная ваза срезанных цветов, – аккуратно и холодно определила София.

И тут юношеский пыл и девичьи чары разом обрели в его глазах какой-то временный характер. Эмилио вдруг увидел, кого из этой молодежи ждет уродливая старость, кто из них уже скоро расплывется и кто скоро расстанется с юношеской блажью и мечтаниями о славе. И Эмилио изумился точности, с которой этот образ соответствовал его настроению, да, наверное, и ее собственному.

И все. Месяц за месяцем никаких разговоров на общие темы. Они встречались три раза в неделю для совеща-

⁸ Легкие, четкие (исп.).

⁹ Мягкие, не жесткие (исп.).

ния, которое скорее напоминало Сандосу безжалостный допрос. Скоро выяснилось, что он в состоянии выдержать всего девяносто минут подобного разговора за раз; такой сеанс выматывал его полностью до конца дня, так что ему сложно было сконцентрироваться на элементарном курсе латыни и семинарах для выпускников, которые он должен был проводить во время своего пребывания в университете. София никогда не здоровалась и не предлагала поболтать. Войдя в кабинку, она сразу же открывала блокнот и начинала расспрашивать его о способах, которыми он овладевал языками, о тех хитростях, которые изобретал, о привычках, которые у него появлялись, о методах, которые он вырабатывал почти инстинктивно, и, конечно же, о более формальных и академических техниках, которые он использовал при овладении языком почти произвольно. Когда он пробовал несколько оживить сеансы шутками, отступлениями, анекдотами, София без всякого интереса взидала на него, пока он не сдавался и не возвращался к теме.

Любезности вызывали открытую враждебность. Однажды, в самом начале собеседований, он поднялся, как только она села, и ответил на ее первый деловой вопрос изящным и ироничным поклоном в стиле Сизара Ромеро:¹⁰ «Доброе утро, сеньорита Мендес. Как поживаете? Как вам сегодняш-

¹⁰ Сизар Роберт Ромеро – американский актер, певец и танцор. Получил наибольшую известность благодаря роли Джокера в телесериале 1960-х годов «Бэтмен».

няя погода? Не хотите ли печенья к своему кофе?»

София смотрела на него сузившимися непроницаемыми глазами, пока он, стоя, ожидал от нее живого... что там, простого вежливого приветствия.

– Испанский идалго при всем его благородстве не имеет никакого отношения к нашим беседам, – невозмутимо отозвалась она, помолчала мгновение, а потом взгляд ее вернулся к блокноту. – Вернемся к нашим занятиям, хорошо?

Ему не потребовалось много времени для того, чтобы изгнать из своей головы юнгианское восприятие своей партнерши как идеального архетипа испанской женщины. К концу месяца он уже начал воспринимать свою собеседницу как реальную личность. Английский язык не был для нее родным, Сандос не сомневался в этом. Грамматически она говорила безупречно, зубные согласные были чуть глуховаты, а свистящие несколько затянуты. Невзирая на имя и внешность, акцент ее не был испанским. Или греческим. Или французским. Или итальянским... любым из тех, которые он мог бы определить. Нежелание уклоняться от темы он объяснил тем, что ей платят за конкретный проект: чем быстрее она будет работать, тем больше получит. Предположение это как будто бы подтвердилось однажды, когда она отчитала его за опоздание.

– Доктор Сандос, – сказала София. Она никогда не называла его отцом, патером или падре. – Ваше начальство пла-

тит мне огромные деньги за этот анализ. Некрасиво попусту тратить их средства и мое время.

Единственный раз она сказала что-то о себе в конце сеанса, смутив его настолько, что этот обмен репликами даже приснился ему однажды, уколов нелепостью воспоминания.

– Иногда я начинаю с песен, – сказал он, наклоняясь к ней над столом, не думая о том впечатлении, которое произведут эти слова. – Они предоставляют мне нечто вроде скелета грамматики. Песни желания в будущем времени, песни сожаления о прошлом в прошедшем времени, песни любви в настоящем.

Осознав свою фразу, он покраснел, чем сделал ситуацию еще хуже, однако она не обратила внимания на двусмысленность... словно бы не заметила даже самую возможность. И под впечатлением совпадения, чуть приоткрыв рот, посмотрела в окно кафе.

– Интересно, – заметила она таким тоном, будто все, что услышала от него доселе, ни малейшего интереса не представляло, и задумчиво продолжила: – Я делаю то же самое. А вы заметили, что колыбельные часто устроены в командном тоне?

И мгновение миновало, за что Эмилио Сандос возблагодарил Бога.

ЕСЛИ СЕАНСЫ ОБЩЕНИЯ с Мендес изматывали и отчасти повергали в депрессию, утешение он находил в изучавшей латынь необычной студентке. Энн Эдвардс, возраст под 60, густые седые волосы заплетены в аккуратную французскую косу, невысокая, быстрая и интеллектуально бесстрашная, очаровательный звонкий смех которой часто звучал в аудитории.

В конце второй недели курса Энн дождалась того момента, когда остальные студенты покинули аудиторию. Эмилио, собиравший свои бумаги со стола, вопросительно посмотрел на нее.

– А вас ночами выпускают из келий? – спросила она. – Или таким душкам, как вы, назначен комендантский час до старости лет?

Стряхнув в воздухе пепел с воображаемой сигары, он шевельнул бровями:

– Что это у вас на уме?

– Ну, я уже было собралась предложить вам порвать с обетами и предложить на уик-энд слетать в Мехико, чтобы предаться там любовным излишествам, но вовремя вспомнила, что у меня есть *домашнее задание*, – последнюю пару слов она произнесла нараспев, – поскольку один шукин сын, такой латинский профессориска, стремится как можно ско-

рее преподать нам аблятив, так что, с моей смиренной точки зрения, вы вполне можете прийти ко мне на обед в пятницу вечером.

Откинувшись на спинку кресла, он рассматривал ее, не скрывая восхищения.

– Мадам, – произнес Сандос, – разве можно ответить отказом на подобное приглашение? – И, наклонившись вперед, спросил: – Кстати, а ваш муж будет дома?

– Естественно, черт побери, но он человек чрезвычайно либеральный и толерантный, – заверила его Энн и, ухмыльнувшись, добавила: – А кроме того, он рано засыпает.

* * *

ДОМ ЭДВАРДСОВ представлял собой квадратное, вполне рациональное на взгляд сооружение, окруженное садом, в котором, к восхищению Эмилио, цветы чередовались с помидорами, выющимися тыквами, латуком, перцами и грядками с морковью. Ставив с рук садовые перчатки, Джордж Эдвардс приветствовал его перед домом и пригласил войти внутрь. Хорошее лицо, отметил Эмилио, приветливое и веселое. Наверное, ровесник Энн, тоже седовласый, но слишком худой... хроник... либо ВИЧ... либо гипертиреоз... либо любитель бега, скорее бегун, подумал он про себя. Явно находится в прекрасной форме.

Нет, улыбнулся про себя Эмилио, этот не из тех, кто за-

сыпает в начале вечера. Энн возилась на просторной и светлой кухне, заканчивая готовку. Эмилио сразу же уловил знакомый запах, но не сразу смог дать ему имя, но когда это произошло, со стоном повалился в кухонное кресло и простонал: «*Díos mío, bacalaitos!*»

Энн рассмеялась:

– И *asopao*. С *tostones*. А на десерт...¹¹

– Забудем про домашнее задание, дорогая леди. Бежим немедленно, – возопил Эмилио.

– *Tembleque!* – Победным тоном объявила она с улыбкой, понимая, что угодила гостю. – С меню мне помогла знакомая пуэрториканка. На запад от нашего дома находится великолепная *colmado*. Там есть все, что угодно: йаутия, батат, *тамариллос*¹² – все, что захочешь.

– Наверное, вы не знаете, – проговорил Эмилио с деланой серьезностью, но заранее веселясь, – что в семнадцатом веке в Пуэрто-Рико жил еретик, утверждавший, что Иисус поднял Лазаря из мертвых запахом *bacalaitos*. Епископ приказал сжечь его на костре, однако казнь отложили на послеобеденное время, и грешник умер счастливым.

Джордж со смехом подал Сандосу и Энн широкие запотевшие бокалы, по кремовой жидкости плавала пена.

¹¹ Боже мой, треска! И асопао (густой суп из мяса, риса и фасоли). С гренками (исп.).

¹² Темблеке (сладкое блюдо из молока, кокосового ореха, сахара и риса; закусочная; йаутия (корнеплод); тамариллос (плод томатного дерева) (исп.).

– Бакарди Аньехо, – с восхищением выдохнул Сандос. Джордж поднял свой бокал, и они выпили в честь Пуэрто-Рико.

– Итак, – серьезным тоном произнесла Энн, с вежливым интересом поднимая тонкую бровь, воплощенная благопристойность, собирающаяся пригубить глоток рома. – Что вы скажете про целибат?

– Изрядная хрень, – мгновенно, с полной искренностью отпарировал Эмилио, и Энн поперхнулась. Эмилио подал ей салфетку, чтобы вытереться и, не дожидаясь, пока та придет в себя, поднялся на ноги и с самым добродетельным видом провозгласил, как бы обращаясь к воображаемому собранию¹³ старомодной организации Двенадцати шагов: – Привет. Меня зовут Эмилио, и хотя я не могу этого вспомнить, обитающее во мне и не имеющее выхода наружу дитя вполне могло оказаться созависимым секс-аддиктом, поэтому я полагаюсь на воздержание и на веру в Высшие Силы. У вас капля на носу.

– Я очень высококвалифицированный анатом, – заявила Энн с безупречным достоинством, промокая блузку салфеткой, – и могу объяснить вам точный механизм, посредством которого напиток из бокала попадает в нос.

– Энн не блефует, – предостерег его Джордж. – Она это

¹³ Программы Двенадцати шагов представляют собой организации взаимопомощи с целью выздоровления от наркотических и поведенческих зависимостей. Нечто вроде общества анонимных алкоголиков.

может. А вам не случилось представлять себе программу Двенадцати шагов для болтунов? Можно назвать ее Снова, Снова и Опять.

– О боже, – простила Энн. – Старые всегда лучше новых.

– Шутки или мужа? – изобразил невинность Эмилио. Так и продолжился вечер.

Когда он пришел к ним обедать в следующий раз, Энн встретила его в дверях, взяла его обеими руками за щеки, поднялась на цыпочки и запечатлела на лбу целомудренный поцелуй.

– В первый раз ты пришел к нам гостем, – сообщила она ему, заглянув в глаза. – Ты уже свой, считай себя родственником, дорогой. И вот тебе ваше мужское поганое пиво.

После этого он совершал долгие и приятные прогулки до дома Эдвардсов по меньшей мере раз в неделю. Иногда оказывался там единственным гостем. Иногда бывали другие: студенты, друзья, соседи, интересные незнакомцы, замеченные Энн или Джорджем и приглашенные ими домой. Разговор – о политике, религии и бейсболе, о войнах в Кении и Центральной Азии и прочих интересовавших Энн предметах – всегда складывался шумно и весело, и последними анекдотами гости обменивались уже на улице, под звездным небом. Дом этот сделался его пещерой – здесь всегда были рады иезуиту, здесь он мог расслабиться и отдохнуть, здесь он мог заряжаться чужой энергией, а не раз-

давать свою собственную. Собственно говоря, дом Эдвардсов стал первым настоящим домом Эмилио Сандоса.

Сидя на занавешенной от солнца задней веранде, с бокалом в руке, он узнал, что Джордж был инженером и занимался недавно системами жизнеобеспечения подводных горнодобывающих комбайнов и что в технологическом плане карьера его началась с логарифмической линейкой в руках, продолжилась с ILLIAC IV¹⁴ и FORTRANом, а далее – нейтральными сетями, фотоникой и нанотехникой. Оставив работу, Джордж использовал первые недели свободы на обход старого дома, выискивая неисправности и поломки, и теперь гордился тщательно пригнанными деревянными оконными рамами, аккуратной кирпичной кладкой, опрятной мастерской. Книги он читал запойно. Он расширил сад, построил беседку, облагородил гараж, после чего расслабился и успокоился, смертельно страдая от скуки.

– Вы бегаєте? – с надеждой спросил он у Сандоса.

– В школе бегал кроссы.

– Остерегитесь, мой друг, он намеревается облапошить вас. Старый пердун активно готовится к марафону, – пояснила Энн, компенсируя грубое слово промелькнувшим в глазах восхищением. – Если он не бросит эту дурь, нам придется ремонтировать его колени. С другой стороны, если он откинет копыта во время забега, я сделаюсь отвратительно бога-

¹⁴ ИЛЛИАК IV – суперкомпьютер, построен в 1965 году Университетом Иллинойса для НАСА, с быстроедействием до миллиарда операций в секунду.

той вдовой. Я верю в страхование.

Как он обнаружил, Энн поступила к нему на курс, потому что многие годы пользовалась медицинской латынью и захотела узнать, какое отношение она имеет к породившему ее языку. Энн с самого начала хотела стать врачом, однако, убоявшись биохимии, оставила эту мысль и начала свою карьеру в качестве биоантрополога. Защитив докторскую, она нашла работу в Кливленде, где преподавала общую анатомию в Университете Кейс-Вестерн-Резерв¹⁵. Годы работы с будущими медиками в общей лаборатории никоим образом не послужили укреплению благоговейного отношения к медицинской тематике, поэтому в сорок она вновь поступила в университет, где занялась экстренной медициной, требующей невозмутимого отношения к окружающему хаосу, а также практического владения самыми разными отраслями этой науки, начиная с нейрохирургии и кончая дерматологией.

– Обожаю жесткость и силу, – пояснила она педантичным тоном, передавая Эмилио салфетку. – А хочешь, я объясню тебе, как это случается... как функционирует нос? Тут задействована интересная анатомия. Надгортанник как сиденье унитаза охватывает гортань...

– Энн! – воскликнул Джордж.

¹⁵ Кейс-Вестерн-Резерв университет – частный исследовательский университет в Кливленде, штат Огайо, США. По версиям различных рейтингов входит в число 200–250 лучших университетов мира.

Она показала ему язык.

– В любом случае экстренная медицина – удивительно интересная вещь. За какой-нибудь час тебе привозят больного с раздавленной грудной клеткой, потом с огнестрельной раной и на сладкое ребенка с сыпью.

– Детей нет? – однажды вечером, к собственному удивлению, спросил их Эмилио.

– Никак нет. Как оказалось, мы не из той породы, которая размножается в неволе, – без смущения проговорил Джордж.

Энн рассмеялась:

– О боже, Эмилио. Тебе это понравится. А мы-то все эти годы рассчитывали мой месячный цикл! – Глаза ее округлились. – Мы думали, что дело именно *в нем!*

Все расхохотались.

Ему нравилась Энн, он доверял ей с самого начала. Шли недели, чувства его приобретали все более запутанный вид, и он ощущал, что все более и более нуждается в ее совете и заранее был уверен в том, что дурного Энн не посоветует. Однако признание всегда давалось ему с трудом; прошла половина осеннего семестра, и однажды вечером, после того как они с Джорджем убрали со стола, он набрался духа и предложил Энн пройтись.

– Чтобы без вольностей, – распорядился Джордж. – Я стар, но стреляю без промаха.

– Спокойно, Джордж, – бросила Энн через плечо, когда они спустились на дорожку. – Похоже, что я пробездельни-

чала полсеместра, и профессор хочет вежливо проинформировать меня об этом.

Поначалу, квартала два, они просто по-дружески болтали, рука Энн лежала на руке Эмилио, ее серебряная голова чуть не доставала до его темной. Он начинал дважды, но каждый раз останавливался, не находя нужного слова. Наконец она вздохнула и сказала:

– Ладно, выкладывай мне о ней все.

С нервным смешком Сандос провел ладонью по волосам.

– Это настолько очевидно?

– Нет, – заверила она его вполне дружеским тоном. – Просто я несколько раз видела тебя в кампусе... в кофейне, в обществе великолепной молодой женщины, и сложила два и два. Итак. Выкладывай!

Что он и сделал. Рассказал об алмазной непреклонности Мендес. О ее акценте, который он мог воспроизводить в совершенстве, но определить не мог. О реакции на идалго, совершенно не соответствовавшей его скромной попытке установить более дружественные отношения. О ее неприязни, которую он чувствовал, однако причины понять не мог. И, наконец, о том буквально физическом ударе, который ощутил в момент первой встречи с ней. Заключавшемся не в потрясении ее красотой, не в плотском влечении, а в ощущении... что он каким-то образом уже знаком с ней.

Выслушав его исповедь, Энн произнесла:

– Ну, пока что это просто догадка, но мне кажется, что

она сефардка.

Он замер на месте.

– Ну, конечно. Еврейка испанского происхождения. – Он посмотрел на Энн. – Она полагает, что это именно мои предки в 1492 году выгнали ее пращуров из Испании?

– Что могло бы многое объяснить. – Энн пожала плечами, и они пошли дальше. – Лично мне, мой дорогой, твоя борода нравится, однако она превращает тебя в некий эквивалент Великого Инквизитора. Ты можешь раздражать ее одновременно по нескольким пунктам.

Юнгианские архетипы работают в обе стороны, подумал он, и, помолчав, продолжил:

– Балканы... Акцент может быть балканским.

Энн кивнула:

– Возможно. Многие сефарды после изгнания переселились на Балканы. Должно быть, она родом из Румынии или Турции. Или Болгарии. Откуда-то оттуда. – Вспомнив про Боснию, она присвистнула: – И я кое-что скажу тебе про Балканы. Если тамошние думают, что вот-вот забудут какую-то обиду, то сочиняют эпическую поэму и заставляют детей произносить ее вслух перед сном. Ты столкнулся с пятью веками старательно сохраненной злой памяти о Католической имперской Испании.

Молчание продлилось чуть дольше, чем требовалось для того, чтобы следующая его фраза могла оказаться заслуживающей доверия:

– Ну, я только хотел в какой-то мере понять ее.

Услышав эти слова, Энн скривилась, явно говоря своей гримасой – ну конечно.

Эмилио продолжил прежним путем:

– Мы работаем вместе над достаточно сложной темой. Враждебность только мешает нам.

Энн попыталась сказать нечто нейтральное. Фразу эту она не произнесла, однако Эмилио прочитал эти слова по ее лицу и фыркнул: «Да повзрослей ты, наконец». Отчего Энн хихикнула, как какая-нибудь двенадцатилетка, только что понявшая смысл нескромных шуток. Энн взяла его под руку, и они повернули к дому, прислушиваясь к звукам закупоривавшегося на ночь квартала. Их облаивали собаки, листва шелестела и шептала. Чья-то мать позвала: «Хезер, пора спать! Второй раз звать не буду!»

– Хезер. Цвет вереска. Сколько же лет назад я в последний раз слышала это имя. Наверное, назвали в честь бабушки. – Энн вдруг остановилась, и Эмилио снова повернулся лицом к ней.

– Черт, Эмилио, не знаю, как сказать... возможно, Бог столь же реален для тебя, как мы с Джорджем друг для друга... Нам обоим едва исполнилось двадцать в те допотопные времена, когда мы с ним поженились. И, поверь мне, никто не может прожить вместе сорок лет, не заметив на этом пути пару-тройку привлекательных альтернатив.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, однако она подняла

руку.

– Подожди. Я намереваюсь одарить тебя добровольным советом, мой дорогой. Я понимаю, что он может показаться тебе легкомысленным, только не надо изображать, что ты не чувствуешь того, что чувствуешь на самом деле. Я о том, как все проваливается в пекло. Чувства представляют собой неопровержимый факт, – проговорила она чуть более жестким тоном, трогаясь с места. – Их надо видеть, с ними надо как-то справляться. Надо видеть себя насквозь, самым честным и решительным образом. Если Бог – белый пушистый пригородный зайка из среднего класса, что далеко не так, насколько я понимаю, дело заключается в том, что *делать* с тем, что тебе действительно важно.

Они уже видели Джорджа, сидевшего в пятне света на приступке возле крыльца, дожидаясь их. Голос ее прозвучал едва ли не нежно:

– Возможно, Бог сильнее возлюбит тебя, когда потом ты вернешься к Нему, исцелив свое сердце.

Эмилио на прощание поцеловал Энн, помахал Джорджу и направился в кампус университета, осознавая, что теперь ему есть над чем подумать. Энн остановилась на крыльце возле Джорджа. Однако, прежде чем Эмилио успел достаточно удалиться, окликнула:

– Эй, а что там я получила за контрольную середины семестра?

– Восемьдесят шесть. Напутала в творительном падеже.

– Вот дерьмо! – воскликнула она, провожая его во тьму звонким смехом.

В понедельник, к утру, Эмилио пришел к кое-каким выводам. Он не стал сбривать бороду, однако несколько подправил свои манеры, сделавшись столь же нейтральным англосаксом как Бо Бриджес¹⁶. София Мендес определенным образом слегка расслабилась. Не позволяя себе лишних слов, он принял тот ритм вопросов и ответов, который наиболее устраивал ее. Работа пошла более гладко.

Он начал встречаться с Джорджем Эдвардсом на тренировочном круге и пробегать с ним часть дистанции. Эмилио решил пробежать десять километров в предстоящем весной соревновании. Джордж, намеревавшийся бежать марафон, был рад обществу.

– Десятки стыдиться не стоит, – заверил он Эмилио, ухмыляясь. Кроме того, он нашел себе работу в средней школе, находящейся в бедном районе Восточного Кливленда. Свою энергию он приносил Богу.

В конечном счете Эмилио был вознагражден неким подобием дружеского общения. София Мендес несколько недель откладывала встречи, а потом дала знать, что может кое-что показать ему. Он пригласил ее в свой кабинет, и она запросила систему, вызвав файл из сети.

Пригласив его сесть в кресло и усевшись возле него, ска-

¹⁶ Бо Бриджес – американский актер, неоднократный обладатель премий «Золотой глобус» и «Эмми».

зала:

– Начнем с начала. Итак, вас направили в миссию, причем местный язык вам неизвестен, вы его не изучали и никакими формальными инструкциями не располагаете.

Он выполнил полученное указание. И через несколько минут начал вертеться в кресле, задавать случайные вопросы, следуя разного уровня инструкциям. Присутствовал весь накопленный им за годы опыт, даже использование песен. Все, что он знал и умел, упорядоченное и систематизированное, пропущенное через призму ее блестящего интеллекта. По прошествии нескольких часов он отодвинулся от стола и посмотрел ей в глаза, светившиеся радостью.

– Красота, – произнес Эмилио несколько двусмысленно, – какая красота.

И впервые увидел ее улыбку, короткую, лишь на мгновение вытеснившую привычную маску жесткого достоинства. Она встала.

– Спасибо.

Она помедлила, а потом произнесла уверенным тоном:

– Это была интересная работа. Мне было приятно работать с вами.

Эмилио поднялся, так как было ясно, что девушка собирается уйти.

– И чем же вы займетесь теперь? Получите деньги и на пляж... загорать?

Она внимательно посмотрела на него:

– Ну, вы действительно ничего не знаете обо мне.

– То есть вы ведете очень уединенный образ жизни, неверное. – Теперь уже он, не понимая, глядел на нее.

– Значит, вы не знаете, что это такое? – спросила она, показав на металлический браслет, который всегда был на ее руке. Конечно, он замечал это бесхитростное украшение, соответствующее ее привычке просто одеваться. – Я получаю только стипендию, средства на жизнь. Плата за работу уходит моему брокеру. Он заключил со мной контракт, когда мне было пятнадцать лет. Он платил за мое образование, и пока я не расплачусь с ним, меня нельзя нанимать напрямую. Я не могу снять идентификационный браслет. Он защищает интересы брокера. Я думала, что подобные договоренности являются общеизвестной практикой.

– Но это же незаконно, – возразил Эмилио, когда к нему вернулся дар речи. – Это рабство.

– Пожалуй, интеллектуальная проституция будет более точным определением. С точки зрения закона, это скорее работа по контракту, чем рабство, доктор Сандос. Мой контракт не на всю жизнь. Когда я выплачу долг, стану свободной. – Произнеся это, она собрала свои вещи, готовясь уходить. – И, на мой взгляд, подобная зависимость лучше физической проституции.

Это было уже слишком.

– И куда вы теперь направляетесь? – спросил он, все еще в растерянности.

– Военный колледж армии США. Профессор военной истории выходит в отставку. До свидания, доктор Сандос.

Пожав ей руку, он проводил ее взглядом. Прямая спина, княжеская осанка.

Глава 6

Рим и Неаполь

Март–апрель 2060 года

В МАРТЕ РЕПОРТЕР, ПРЕДЪЯВИВШИЙ ОХРАНЕ краденые документы иезуита, сумел войти внутрь и вломился прямо в комнату Эмилио Сандоса. К счастью, на пути туда находился Эдвард Бер. Он, услышав град вопросов, которыми журналист засыпал Сандоса, влетел в дверь, как пушечное ядро. Импульс его движения вжал незваного гостя в стену и какое-то время продержал неудачливого репортера, хриплым голосом звавшего на помощь.

К несчастью, весь эпизод транслировался по телевидению от личной микрокамеры репортера. Даже несмотря на это, Эдвард впоследствии был доволен тем, что мир, пусть и случайно, обрел долю уважения к атлетическим качествам невысоких и толстых астматиков.

Вторжение стало тяжелым ударом для Сандоса, который воспринял ситуацию как чистый кошмар. Однако еще до этого происшествия стало ясно, что в ментальном плане состояние его не слишком улучшается, хотя физически он окреп. С худшими симптомами цинги удалось справиться, хотя усталость и синяки никуда не ушли. Доктора полагали, что долгое пребывание в космосе повредило его организм,

утративший способность усваивать аскорбиновую кислоту. Космос отрицательно воздействовал на физиологию и генетику человеческого организма; правда, космические горняки отчасти избегали опасного воздействия, так как их защищали каменные толщи. Однако экипажи шаттлов и персонал космических станций неизменно страдали от рака и авитаминозов.

В любом случае Сандос не спешил выздоравливать. Зубные импланты были невозможны; ему сделали пару мостов, так что он мог нормально есть, однако отсутствие аппетита не позволяло ему набрать нормальный вес. А хирурги опасались даже прикасаться к его рукам.

– Не стоит даже пытаться, – сказал один из них, – соединительная ткань тонка, как паутинка. Если ее не трогать, она продержится какое-то время. Может быть, год...

Посему Общество обратилось к отцу Сингху, индийскому мастеру, известному своими ортопедическими приспособлениями и искусственными конечностями, соорудившему нечто вроде протезов, укрепивших пальцы Сандоса и позволивших ему кое-как оперировать ими. Тонкие связки, похожие на сахарную сетку, надевались на его ладони и доставали до локтей. Сандос, как всегда, держался любезно, хвалил работу и благодарил отца Сингха за помощь. Он тренировался каждый день с упорством и настойчивостью, сначала встревожившими, а потом испугавшими брата Эдварда.

В конечном счете им сказали, что Сандосу следует на-

учиться всего лишь пользоваться мышцами, разгибающими кисть, чтобы активировать сервомоторы, питающиеся от электрических потенциалов, генерирующихся в мышцах предплечья. Но даже после месяца упорных трудов ему никак не удавалось совершить нужное движение, и попытки овладеть кистями забирали до последней капли все имеющиеся у него силы. Поэтому брат Эдвард старался по возможности сократить сеансы, согласуя достигаемый Эмилио прогресс с ценой, оплачивавшейся слезами их обоих.

* * *

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ поймали еще одного репортера, лезшего по наружной стене к спальне Сандоса, и Отец-генерал вызвал к себе Эдварда Бера и Джона Кандотти, как раз после ежедневного утреннего совещания с секретарем. К неудовольствию Джона, Фелькер остался.

– Отец Фелькер считает, что Эмилио станет лучше в каком-нибудь уединенном приюте, – начал Винченцо Джулиани, бросив на Кандотти взгляд, без слов говоривший: помалкивай и принимай к исполнению. – Кроме того, он любезным образом предложил лично заняться с ним «Духовными Упражнениями»¹⁷. Меня интересует ваше мнение.

¹⁷ «Духовные Упражнения» – комплекс размышлений и молитв, составленный в 1522–1524 годах испанским священником Игнатием Лойолой, теологом и основателем Общества Иисуса, рассчитанный на 28–30 дней, помогающий стремя-

Брат Эдвард шевельнулся в кресле и наклонился вперед, не решаясь заговорить первым, но явно имея собственное мнение о предложении. Но прежде чем он сумел сформулировать его, заговорил Иоганн Фелькер:

– Нас учат не предпринимать никаких решений во времена уныния и отчаяния. Очевидно, что человек этот пребывает в духовной тьме, чему не следует удивляться. Сандос духовно парализован и не способен сделать даже шаг вперед. Я рекомендую ему пребывание в уединении в обществе наставника, который поможет сфокусироваться на стоящем перед ним задании.

– Как знать, быть может, ему станет лучше, если никто не будет дышать ему в затылок, – проговорил Джон с непринужденной улыбкой, думая про себя: ах ты, хренов педант.

– Простите меня, Отец-генерал, – поспешил вступить в разговор брат Эдвард, зная, что вражда между Кандотти и Фелькером приобрела уже легендарный характер. – При всем моем почтении, «Упражнения» имеют очень эмоциональный характер, не думаю, что Эмилио уже готов к ним.

– Должен согласиться с этим, – любезным тоном проговорил Джон и про себя добавил: а назначить Иоганна Фелькера духовным наставником Сандоса можно только в самую последнюю очередь. Делай свое дело или брысь с горшка, сы-

щимся к духовному совершенству укрепить свою веру. Не утратил своей актуальности и по сей день.

нок.

– Впрочем, с точки зрения безопасности, – продолжил Эдвард Бер, – мне хотелось бы перевезти его куда-нибудь. Здесь, в Риме, он чувствует себя со всех сторон осажденным людьми.

– Ну, что ж, в известной мере так оно и есть, – произнес Отец-генерал. – Я согласен с отцом Фелькером в том, что Эмилио обязан овладеть ситуацией, но сейчас этому еще не время, и Рим – не место. Итак. Мы согласны, что Эмилио следует вывезти из резиденции, пусть и руководствуемся при этом разными мотивами, так?

Джулиани встал из-за стола и подошел к окну, за которым угрюмая толпа чего-то ждала, прячась под зонтиками. Иезуитам повезло с погодой: холод и сырость этой зимой разогнали всех репортеров, кроме самых настойчивых.

– Уединенный домик к северу от Неаполя предоставит ему больший покой, чем это возможно в Риме.

– Проблема, на мой взгляд, состоит в том, чтобы незаметным образом извлечь Сандоса из комнаты дома номер 5, – проговорил Эдвард Бер. – Фокус с хлебным фургоном второй раз не удастся.

– Репортеры увязываются за каждым автомобилем, – подтвердил Фелькер.

Джулиани отвернулся от окна.

– Тоннели, – проговорил он.

Кандотти удивился:

– Простите, не понял?

– Нас соединяет с Ватиканом комплекс тоннелей, – проинформировал его Фелькер. – Мы можем вывезти его через собор Святого Петра.

– И мы по-прежнему имеем доступ к ним? – нахмурясь, поинтересовался Бер.

– Да, если знать, кого спрашивать, – невозмутимо проговорил Джулиани, направившись к двери своего кабинета, давая тем самым понять, что совещание окончено. – И кстати, пока наши планы не обрели законченный вид, рекомендую ничего не говорить Эмилио. И вообще кому бы то ни было.

* * *

ИТАК, С ДОМОМ НОМЕР 5 покончено. Джон Кандотти остановился возле входных дверей с зонтом в руке, самым иррациональным образом негодую на слишком затянувшуюся непогоду. И это называется солнечной Италией, фыркнул он.

Протиснувшись сквозь толпу журналистов, окружившую его сразу, как только он показался в дверях, Джон устроил себе извращенное удовольствие, заключавшееся в представлении особого благочестия, выражавшегося в цитатах из Писания, коими наугад он отвечал на любые вопросы. Но когда репортеры остались за спиной, мысли его сразу же обратились к только что закончившемуся совещанию. Джули-

ани явным образом согласился с тем, что неразумно подвергать Сандоса воздействию «Упражнений» в его нынешнем состоянии, думал Джон, шагая к своей комнате. Так какой же смысл имело только что окончившееся представление с участием Фелькера?

Копаться в возможных мотивах было не в природе Джона Кандотти. Да, есть такие люди, которые любят поиграть в организационные шахматы, поссорить людей друг с другом, интриговать, строить козни, просчитывать все на три хода вперед, однако у Джона не было способностей к подобным размышлениям, и он понял, в чем дело, только перед самым домом, вляпавшись в свежую кучку собачьего помета.

Дерьмо, подумал он, наблюдая и одновременно комментируя ситуацию. Он стоял под дождем, рассматривая свой ботинок с появившимся на нем украшением и размышляя над собственной безгрешной и благой природой. Сегодняшнее совещание, как он понял, представляло собой нечто вроде доброго полицейского, уравнивающего полисмена злого, чего и добивался Джулиани. Во! Отличная мысль, Шерлок! – уязвил он сам себя.

Одно дело послушание. Но когда тебя используют... пусть даже это делает сам Отец-генерал, подобный факт воспринимается иначе. Он был оскорблен, но также и смущен тем, что потратил столько времени на то, чтобы сообразить это. И даже подозревал какой-то сговор, потому что Джулиани слишком легко согласился на то, чтобы увезти Сандоса из горо-

да. Однако, отскребая дерьмо с ботинка и размышляя, Джон также ощущал себя польщенным; в конце концов, его вызвали сюда в такую даль из Чикаго, потому что его Орденское начальство прекрасно знало, что он почти генетическим образом запрограммирован на презрение к задницам, подобным его возлюбленному брату во Христе Иоганну Фелькеру.

Джон настолько стремился улизнуть из Рима, что даже не хотел слишком вникать в полученное от Отца-генерала разрешение. Карты надо разыгрывать так, как они легли, сказал он себе, остается только надеяться на то, что Бог на стороне Эмилио.

* * *

В ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ Ватикан буквально кишел верующими: собравшиеся на праздник 250 000 человек готовы были принять от Папы благословение, чтобы молиться, глазеть, покупать сувениры, подставлять свои карманы мошенникам. Джихад грозил бомбами, секьюрити принимали самые жесткие меры, и никто не обратил внимания на больного согбенного человека, укутанного в одеяло, спасавшее от апрельской прохлады, которого катил с площади рослый мужчина в популярной среди туристов куртке с надписью ВЕЗУВИЙ – 2, ПОМПЕИ – 0. Если бы кто-то наблюдал за ними, он мог бы только удивиться тому, как легко они остановили городское такси.

– Кто водитель? – спросил Сандос, когда Джон пристегнул его к заднему сиденью. В голосе его закипали слезы. Толпа, предположил Джон, толпа и шум. Страх. Он боится, что его узнают и окружают.

– Брат Эдвард, – сказал Джон.

Эдвард Бер в униформе таксиста помахал в знак приветствия с водительского сиденья пухлой, в ямочках, ладонью и обратил все свое внимание на дорогу. Запрет движения частных автомобилей позволил снизить интенсивность движения, но создал дарвиновский селекционный отбор для самых воинственных водителей. Эдвард Бер, со своей стороны, имел самые веские причины быть чрезвычайно осторожным водителем.

Джон Кандотти занял сиденье, находившееся рядом с Сандосом, и устроился поуютнее, довольный собою, текущим днем и окружающим миром.

– Чисто ушли, – проговорил он, когда Эдвард вырулил на загруженную автостраду, ведущую в Неаполь. Джон повернулся к Сандосу, надеясь на то, что и он подцепил этот заразный, мальчишеский дух свободы, когда ты что-то окончил или прогулял школу ради дня украденной воли... Но вместо этого увидел рядом с собой осевшего на сиденье автомобиля беспредельно уставшего человека с зажмуренными глазами, вытерпевшего все досаждавшие ему звуки и толчки поездки, новую боль, наложившуюся на уже привычные геморрагические цинготные боли, и превыше всего

жуткую, пронизавшую его тело до мозга костей усталость, которую не мог исцелить отдых.

В полном молчании взгляд Джона соприкоснулся со взглядом брата Эдварда, наблюдавшего за ними обоими в зеркале заднего вида, и он увидел, как померкла улыбка на лице Эда, следом за его собственной. После этого оба они молчали, так что брат Эдвард мог полностью сосредоточиться на вождении, перышком пролетая повороты и стараясь сглаживать все неровности дорожного полотна, не сбавляя скорости, насколько это было возможно.

* * *

КАК ВСЕГДА, жуткое путешествие по маршруту Рим–Неаполь еще более осложняли вставленные по пути дополнительные пункты досмотра, однако Джулиани облегчил их путь, и они проехали из города в город достаточно быстро, останавливаясь лишь для того, чтобы молоденькие солдатики могли заглянуть под автомобиль и мельком обыскать багажник. И к неапольскому дому, возведенному архитектором Джованни Тристано в начале 1560-х годов, сооружению отнюдь не вдохновенному, но крепкому и практичному, они подъехали уже в сумерках. У дверей их встретил священник, к счастью, оказавшийся неразговорчивым, и без всякого шума распределил приезжих по комнатам.

Брат Эдвард провел Сандоса в его комнату, и проследил

за тем, как Эмилио опустился на кровать и откинулся на спину, заслонившись рукой от верхнего света.

– Могу ли я распаковать ваши вещи, синьор? – спросил Эдвард, опуская чемодан на пол.

Уловив тихий вздох, означавший согласие, Эдвард начал убирать одежду в шкаф. Вынимая протез из чемодана, он помедлил: именно он, а не Эмилио начал искать причины для того, чтобы уклониться от упражнений.

– Может, сегодня обойдемся без тренировок, синьор? – предложил он, распрямляясь над ящиком письменного стола, куда хотел уложить их. – Давайте я принесу вам чего-нибудь поесть, а потом вы сможете уснуть.

Сандос усмехнулся, коротко и жестко:

– Уснуть? Разве что подремать. Нет, Эдвард, сегодня мне нужен не сон.

Спустив ноги с постели, он сел и протянул вперед руку.

– Давай займемся делом.

Этого теперь и боялся Эдвард: мгновения, когда ему придется вправлять эти жуткие пальцы в плетеные провололочные вместилища, натягивать и закреплять эти сооружения на предплечьях, так чтобы электроды надежно располагались на атрофировавшихся мышцах, от которых требовались теперь двойные усилия.

Синяки с рук Эмилио не сходили. Часто, как и в этот раз, неловкий от желания не причинить никакого беспокойства, Эдвард возился слишком долго, и Эмилио, на лице которого

читалась мука, шипел от боли, пока Эдвард шептал бесполезные извинения. А потом наступало молчание, Сандос открывал влажные глаза и начинал методический процесс запуска сервомоторов, соединявших большой палец с указательным и со всеми остальными, по очереди, палец за пальцем, правую ладонь, потом левую, снова и снова, под спазматический шелест микрошестерней.

Как я ненавижу этот процесс, снова и снова рассуждал брат Эдвард, наблюдая за происходящим. Ненавижу... Глядя на часы, чтобы прекратить упражнение при первой же возможности.

Сандос не произносил при этом ни слова.

* * *

РАСПАКОВАВ ВЕЩИ, Джон Кандотти отыскал трапезную. Убедившись в том, что брат Эдвард уже позаботился о своей и Эмилио еде, Джон перекусил в кухне, поболтав с поваром об истории этого дома и о том, что творилось здесь, когда взорвался вулкан.

– Мы здесь топим дровами, – сказал Джону брат Козимо, пока тот приканчивал тарелку пасты с мидиями. – Это незаконно, однако здесь, на берегу, не заметят. Ветер унесет дым.

– Как насчет бренди, падре? – осведомился Козимо, вручая Кандотти бокал и не имея никаких разумных возражений против этой чрезвычайно привлекательной идеи. Джон,

следуя указанию повара, перебрался к очагу, дабы без всяких упреков со стороны совести поблаженствовать в тепле.

В гостиной было темно, только в камине мерцал огонек. Джон видел мебель у стен комнаты, однако направился прямо к одному из двух высоких мягких кресел, поставленных у огня, и опустился в одно из них, погружаясь в уют с неприужденностью кота. Его окружала прекрасная обстановка: сочные каштановые панели, богато украшенная каминная доска, вырезанная несколько веков назад, однако отполированная заново этим же утром. Кроме того, он обнаружил, что может представить себе время, когда деревья росли в таком обилии, что древесину можно было использовать без всяких ограничений – в том числе для украшения и отопления.

Протянув ноги к огню, он подумал, что знаком состоявшихся выборов будущего Папы может стать плакат с надписью «Белый дым», когда, приспособившись к темноте, заметил Сандоса возле одного из высоких, разделенных средним окон, глядевшего вниз, на далекий берег, на блестящие под луной камни, на кружева волн у берега.

– Я думал, что вы уже спите, – проговорил Джон. – Дорога была тяжелой.

Промолчав, Сандос стал расхаживать по комнате, невзирая на очевидную усталость, потом сел в кресло, стоявшее поодаль от Кандотти, а затем снова встал. Замкнут, подумал Джон. Очень замкнут.

Но когда Сандос заговорил, слова его были далеки от того,

что ожидал или на что надеялся Джон – на искупительный надлом, на признание, позволяющее человеку простить себя самого, на некую историю, требующую понимания. На какого-то рода эмоциональную вспышку.

– Переживали ли вы близость Бога? – без всяких преамбул спросил его Сандос.

Странное дело, насколько неуютным показался Джону этот вопрос. Общество Иисуса редко привлекало внимание мистиков, обыкновенно тяготевших к кармелитам¹⁸, или к траппистам¹⁹, либо к каким-нибудь харизматам²⁰.

¹⁸ Кармелиты – общее название католических нищенствующих монашеских орденов и конгрегаций, исторически связанных с традициями латинского монастыря отшельников на горе Кармил (Кармель), основанного в конце XII – начале XIII в. Все кармелиты обязаны полностью или частично соблюдать устав патриарха Иерусалимского и католического святого Альберта. Для кармелитов характерно особое почитание Пресвятой Богородицы и пророка Илии.

¹⁹ Трапписты (официально – Орден цистерцианцев строгого соблюдения) – католический монашеский орден, ответвление цистерцианского ордена, основанный в 1664 году А.-Ж. Ле Бутилье Де Рансе, первоначально коммендатором с 1662 года аббатом цистерцианского монастыря в Ла-Траппе во Франции (откуда и название), как реформистское движение, в ответ на послабление правил и высокий уровень коррупции в других цистерцианских монастырях. Женская ветвь ордена была основана Луизой, принцессой де Конде. Монахи некоторых северных монастырей зарабатывали на жизнь изготовлением ликеров, а в Бельгии – известного пива. Другие монастыри производили сыр, хлеб, одежду и грибы.

²⁰ Харизматики – движение внутри христианства, появившееся в XX веке в основном среди протестантских общин, но также получившее распространение среди католиков, провозглашающее, что в его деятельности в соответствии с Писанием (1 Кор. 12:7–10) проявляются Дары Святого Духа: исцеление, пророче-

Иезуиты считали себя людьми, обретавшими Бога в своих трудах, будь то ученые занятия или практическая служба людям, – каким бы ни было их призвание, они целиком посвящали себя ему и трудились во имя Господне.

– Не личную. Не как друга или персону, наверно. – Джон подумал. По совести говоря, не переживал ее ни в едином, самом тихом, шепчущем звуке. Какое-то время он смотрел на пляшущие в камине языки пламени. – Я бы сказал, что нахожу Бога в служении детям Его. **«Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне»²¹.**

Слова парили в воздухе над треском и шипением огня. Сандос остановился и замер в дальнем углу комнаты, лицо его пряталось в тенях, огоньки мерцали на экзоскелетах рук.

– Не надейтесь на большее, Джон, – проговорил он. – Бог сокрушит ваше сердце.

И вышел.

* * *

И В ОДИНОЧЕСТВЕ направился к предоставленной ему комнате, перед дверью которой застыл как вкопанный, уви-

ство, различие духов, чудотворение, говорение языками.

²¹ Евангелие от Матфея (Мф. 25:35–40).

дев, что она закрыта. Попытавшись открыть ее руками, он ощутил кипучий гнев, но заставил себя успокоиться, сконцентрировавшись на простом деле, повернуть ручку, войти, оставить за собой открытую щель в ладонь шириной, – ужас оказаться запертым в клетке теперь лишь немного превышал желание захлопнуть ее. Ему отчаянно хотелось что-то ударить, или блевануть, и он попытался взять под контроль свои порывы, сидя в деревянном кресле, сгорбившись и раскачиваясь. Верхний свет оставили включенным, отчего головная боль усилилась. Он боялся встать и подойти к выключателю.

Тошнота улеглась, и, открыв глаза, он заметил на ночном столике возле кровати старый планшет с выведенной на экран поверх текста запиской. Он встал, чтобы прочесть записку.

Доктор Сандос, – гласила она, – за годы вашего отсутствия образ Марии Магдалины был пересмотрен самым серьезным образом. Возможно, новое восприятие заинтересует вас. – Ф.

Его рвало до тех пор, пока рвать стало уже нечем. Когда дурнота улеглась, покрытый испариной, он поднялся на дрожащие ноги. А потом приказал своим рукам поднять планшет и запустить им в стену, после чего утер рот рукавом и повернулся к двери.

Глава 7

Кливленд и Сан-Хуан

2015–2019 года

ЗАКОНЧИВ РАБОТУ В УНИВЕРСИТЕТЕ ДЖОНА Кэрролла, Эмилио Сандос получил возможность высказать собственные пожелания относительно места будущей работы, и попросил, чтобы его послали обратно в Пуэрто-Рико, в Ла Перлу. Запрос его должен был попасть на административную обработку в Антильской провинции, однако Эмилио ничуть не удивился, когда ему позвонил Дальтон Уэсли Ярброу, провинциал Нового Орлеана.

– Милито, ты уверен? Мы приготовили тебе профессорскую кафедру в Ле Мойне²², раз уж перестали дергать тебя по свету. Рей все уши прожужжал, чтобы взяли тебя на лингвистику, – сказал Д. У. на чистом техасском, непонятном для всех, кроме природных его знатоков. Д. У. вполне владел и стандартным английским, однако, как он сказал однажды Эмилио: «Сыне, если учесть все наши обеты, особых возможностей для развлечения нам не оставлено. Так что я стараюсь потешить душу при любой возможности».

²² Колледж Ле Мойн – частный иезуитский колледж в Сиракузах. Основан Обществом Иисуса в 1946 году и назван в честь миссионера-иезуита Саймона Ле Мойна.

– Я это знаю, – ответил Эмилио, – и Ле Мойн – превосходное заведение, но...

– И погода в Сиракузах не настолько уж плоха, – бодрым тоном соврал Д. У. – А Ла Перла ничего не забыла, сынок. Встречать тебя с музыкой никто не будет.

– Я это понимаю, Д. У., – серьезным тоном сказал Эмилио. – Вот почему я и хочу вернуться туда. Нужно успокоить былые тени.

Ярброу задумался. Что же заставляет Сандоса соглашаться: сочувствие или вина? Д. У. всегда ощущал на себе долю ответственности за то, как складывались дела, будь то хорошо или плохо. Это было самонадеянно, но Эмилио принимал собственные решения. Однако Д. У. видел в мальчишке потенциал и без малейших колебаний воспользовался предоставившимся ему шансом вытащить парня из Ла Перлы. Эмилио более чем оправдал его ожидания; так что за ним оставался долг, и долг этот следовало выплатить.

– Ну хорошо, – сказал Д. У. наконец. – Посмотрю, что здесь можно сделать.

Войдя в свой кабинет пару недель спустя и включив компьютер, Эмилио заметил значок свежей почты. Слегка трясущимися руками, – готовый обвинить в этом неблагочестивую привычку наслаждаться кофе по-турецки, хотя и понимал, что дело в волнении, – он открыл файл. А признав это, сумел вернуть спокойствие. *Non mea voluntas sed Tua fiat*²³, –

²³ Да будет воля не моя, но Твоя (лат.).

подумал он, готовясь сделать то, что ему прикажут.

Оба заинтересованных провинциала без комментариев приняли его предложение.

* * *

В ДЕКАБРЕ он позвонил из Сан-Хуана Энн и Джорджу Эдвардс, израсходовав лишние деньги на видеозвонок, так как хотел видеть их лица и чтобы они видели его.

– Не хотите потрудиться у меня? – предложил он. Клиника теряла врача Национальной службы, и замены ему не было. Не возьмется ли Энн? Джордж, всеведущий инженер с огромным жизненным опытом и домохозяин, может заняться ремонтом и обновлением домов, обучать подростков сотням полезных умений, возобновить сеть, которая свяжет Энн с более крупными госпиталями, а детей – со сторонними преподавателями.

Прежде чем они отреагировали, он рассказал им о Ла Перле, прибегнув исключительно к жесткой статистике. Сам он никаких иллюзий на сей счет не испытывал и не хотел, чтобы они возникли у Эдвардсов. Они могли рассчитывать только на то, что им удастся спасти горстку жизней из тысяч душ, населявших трущобный район.

– Ну, не знаю, – с сомнением в голосе проговорила Энн, однако, заглянув ей в глаза, он все понял. – Обещай мне, что там нас ждет сплошная поножовщина.

Подняв руку, он присягнул:

– Богом клянусь! По пятницам и субботам обязательно. И огнестрельные раны каждую неделю. Ну и автокатастрофы, конечно.

Все они понимали, что это – юмор висельника. Будут младенцы, рожденные тринадцатилетними мамашами, явившимися в клинику с «болью в животе».

Сломанные руки и позвоночники, вывихи и растяжения кистей и запястий, порванные сухожилия колен на фабрике, занятой обработкой древесного пуха капока. Руки в порезах, воспаленные занесенной инфекцией и токсинами рыбьих потрохов на рыбообрабатывающей фабрике. Сепсис, диабет, меланомы, неквалифицированные аборты, астма, туберкулез, недоедание, венерические болезни. Алкоголизм, наркомания и безнадежный гнев людей, втоптаных в сточную канаву жизни. «Нищих всегда имеете с собой», – сказал Иисус. Интересно, подумал Эмилио: предостережение это или приговор?

Он увидел, что Энн посмотрела на Джорджа, погрузившегося в раздумья.

– Дурацкий бэби-бум заканчивается. Шестьдесят девять тысяч старых пердунов играют в гольф и жалуются на геморрой, – фыркнул Джордж. – Вот-вот кто-нибудь откроет семейную погребальную контору.

– Не вижу причин, запрещающих нам заняться гольфом, – проговорила Энн. – Так что можно и перебраться туда,

как по-твоему?

– Отлично, считай, что мы уже там, – объявил Джордж.

Так, в мае 2016 года Энн и Джордж Эдвардс переехали в арендованный дом в старом Сан-Хуане, расположенный всего в восьми лестничных маршах над клиникой, которую возглавила Энн. Эмилио на какое-то время отпросился с работы, чтобы помочь им устроиться. Ну а получив в свое распоряжение кровать, они первым делом принялись искать большой деревянный стол с креслами вокруг него.

* * *

ЭМИЛИО НАЧАЛ свою работу самым простым образом: произвел полную уборку всех помещений миссии и занялся организационными и управленческими делами, неспешно и заново знакомясь с окрестностями. Он работал в рамках существовавших программ – сначала бейсбольная лига, потом устройство выпускников.

Однако он всегда учитывал возможность того, что тот или другой ребенок может выбраться на волю из социальной клетки, если ему помочь. Он покупал билеты болиты²⁴, щедро раздавал их, но всегда приглядывал за детьми, имеющими

²⁴ Болита (*исп.* мячик) – разновидность лотереи, популярной в конце XIX – начале XX века на Кубе и во Флориде среди трудящихся испанского, итальянского и негритянского происхождения. В мешочек помещаются 100 пронумерованных шариков, ставки, весьма небольшие, делаются на номер вынутого шарика.

вкус к статистике, заманивая их таким образом к Джорджу, который запускал их в интернет и начал учить двоих мальчишек, наделенных математическими способностями. Эмилио обнаружил девочку, еще ребенка, рыдавшую над сбитой машиной собакой, и привел к Энн первую помощницу, Марию Лопес, одиннадцатилетнюю девочку, добрую и стремящуюся учиться.

А потом объявился малолетний кошмар по имени Фелипе Рейес, раскладывавший краденые вещи прямо перед клиникой и притом наделенный таким даром сквернословия, которого Энн Эдвардс при всем своем опыте даже представить не могла. Выслушав, как этот парнишка на двух языках полирует ничего не купившего у него прохожего, Эмилио сказал:

– Парень, торговец ты никудышный, хуже тебя не встречал, но говорить мастер!

Он научил Фелипе латинским ругательствам, потом уговорил его посещать мессу и помогать в Иезуитском центре.

Первые проведенные в клинике месяцы Энн потратила на чтение историй болезней, пробудивших в ней негодование по поводу практиковавшихся здесь медицинских методик. Кроме того, она провела инвентаризацию и инспекцию всея и всего, обновила оборудование, приобрела расходные материалы, при этом отвечая на экстренные вызовы: оторванный палец сменяли инфекционные больные, беременных при высокой степени риска и преждевременных родов – заразив-

шиеся лямблиями²⁵, и, наконец, получившие огнестрельные ранения. А кроме того, узнала, кто из коллег на острове готов принимать направленных ею больных.

Джордж устроился не хуже ее, он составлял бесконечные списки необходимых дел, менял замки на всех дверях, окнах и складах клиники, следил за всем софтом, связывавшим Иезуитский центр с сетевыми архивами и библиотеками, устанавливал подержанное, но необходимое Энн медицинское оборудование. Для собственного удовольствия он записался доцентом на радиотелескоп Аресибо, поскольку давно питал интерес к астрономии.

Там он и встретил Джимми Куинна, которому предстояло повести их на Ракхат.

* * *

– ДЖОРДЖ, – спросила Энн мужа за завтраком, через несколько месяцев после того, как они перебрались в Пуэрто-Рико, – Эмилио когда-нибудь рассказывал тебе о своей семье?

– Нет, не помню такого, не обращал внимания.

– Мне кажется, что теперь нам следовало бы познакомиться с его родными. Впрочем, не знаю. Здесь под поверхностью

²⁵ Лямблиоз (жиардиоз) – заболевание, вызываемое простейшими – лямблиями, паразитирующими в двенадцатиперстной кишке и начальном отделе тонкого кишечника.

прячутся разные противотечения, которых я не понимаю, — призналась Энн. — Дети обожают Эмилио, но старшее поколение держится отстраненно.

Скорее даже не отстраненно, а враждебно, подумала она.

— Ну, в Ла Перле насчитывается несколько крошечных евангелических церквочек. Может, неприязнь к нему основана на религиозном соперничестве? Трудно сказать.

— А что, если мы устроим прием, у себя в клинике то есть. Может, это растопит лед.

— Возможно. — Джордж пожал плечами. — Бесплатное угощение всегда привлекательно.

Поэтому Энн с помощью нескольких соседок, с которыми успела подружиться, наготовила закусок и напитков. К ее удивлению, доселе никак не проявлявший даже подобия отеческих чувств Джордж с огромным воодушевлением принял участие в приготовлениях и самом празднике: он раздавал сладости и мелкие игрушки, запуская фейерверки, надувал воздушные шары, дурачился с детьми. Удивил ее Эмилио: среди прочего он показывал фокусы, заводил собравшихся детей профессиональными и вовремя произведенными воплями и приступами хохота, привлекая к веселью матерей, бабушек, тетюшек, а также старших братьев и сестер.

— И где и каким образом ты научился этим фокусам? — шепнула она ему потом, когда стайки малышни устремились за мороженым, огибая взрослых и едва ли не проползая между ног.

Эмилио возвел к небу глаза.

– А ты знаешь, сколько длится ночь за Полярным кругом? Я нашел книгу. И у меня была *уйма* времени для тренировок.

Когда вечеринка закончилась, и, проводив последнего из детей, Энн вернулась к себе в кабинет, она застала обоих близких ей мужчин в состоянии горячего спора.

– Он поверил тебе, – воскликнул Эмилио, замечая клочки цветной бумаги и конфетти.

– Да нет же! Он понял, что шучу, – проговорил Джордж, стряхивая мусор в мешок.

– Что? Кто и во что поверил? – переспросила Энн, приступая к уборке мусора, оставшегося от мороженого. – Там под столом я вижу блюдо, милый. Не поднимешь ли за меня?

Выудив блюдо из-под стола, Эмилио поставил его к остальным.

– Один из ребят спросил у Джорджа, сколько ему лет...

– И я сказал ему, что сто шестнадцать. Он понял, что это шутка.

– Джордж, малышу всего пять лет! Он поверил тебе.

– Вот так-так. Отличный способ знакомиться с соседями, Джордж. Врать их детям! – сказала Энн, ухмыляясь и хохоча, пока мужчины приступили к философским рассуждениям об определении нравственного различия между вынужденным обманом детей и откровенной комедией. Им бы обоим быть отцами, подумала Энн, наблюдая за разговором, еще удовлетворенная тем, что им удалось порадовать детей.

Мысль эта немного опечалила женщину, однако она не стала задерживаться на ней.

Эта первая фиеста оказалась настолько удачной, что за нею последовали другие, более масштабные и веселые. С этими праздниками всегда сочеталась какая-нибудь тема из области здравоохранения. Энн раздавала кондомы всем подросткам старше одиннадцати лет и наделяла информацией из области контроля за рождаемостью, делала прививки детям младше шести лет, проверяла на наличие вшей, измеряла давление взрослым. На следующей за праздником неделе поток пациентов всегда увеличивался, приходили люди с «пустяковыми вопросами», часто оказывавшимися серьезными заболеваниями, которые люди терпели много лет. Джордж начал проводить больше времени в Иезуитском центре, куда к нему стала приходиться пара новых учеников. Скромный сей персонал тем не менее радовался достигнутому прогрессу. Окрестный люд был доволен новыми жильцами.

С течением времени Энн узнала кое-какие отрывки из биографии Эмилио, которые подразумевали существование бедной и неудачливой семьи, занимавшейся неправомерным делом. Не слишком удивительно, если подумать. Как член поколения, надрывавшего нутро на публике по поводу недостойных побед олимпийского уровня, Энн воспринимала молчание Эмилио со смешанными чувствами. Непродуманная настойчивость способна испортить и отра-

вить жизнь; с другой стороны, способность стиснуть зубы и жить восхищала ее. Эмилио, вне сомнения, имел полное право не открывать неприглядные подробности своего детства даже своим друзьям. Или даже тем более своим друзьям, чье хорошее мнение о нем может не пережить откровения. Так что, любопытствуя, Энн тем не менее считала свой интерес бестактным и никогда не расспрашивала его о родных.

Конечно, это не мешало ей приглядываться к окрестным людям и выискивать похожих на Эмилио. С ее точки зрения как антрополога, Эмилио отличался чрезвычайно переменчивой внешностью. Вот только что он выглядел как типичный голливудский испанец – черная борода, властный взгляд, умное, яркое и живое лицо; и буквально в следующий миг взгляду открыта только загадочная жесткая структура под кожей, въевшаяся в кость выносливость и стойкость таино²⁶. Те же самые качества она видела во внешности одной достойной женщины на цветочном рынке, которая вполне могла бы оказаться его старшей сестрой. Однако Эмилио никогда не упоминал о своих сестрах и братьях, и Энн пони-

²⁶ Таино – собирательное обозначение ряда аравакских племен, населявших к моменту открытия Америки острова Гаити, Пуэрто-Рико, Куба, Ямайка, Багамские острова и ряд северных Малых Антильских островов до острова Гваделупа на юго-востоке. Среди них различаются классические таино на Гаити, Пуэрто-Рико и востоке Кубы, западные таино в средней части Кубы, на крайнем юго-западе Гаити, на Ямайке и Багамских островах и восточные таино на северных Малых Антильских островах.

мала, что человек обычно умалчивает о таком вполне обыкновенном предмете, только имея вескую на это причину. Так что нельзя было сказать, что она была полностью не готова к ситуации, указавшей на то, что у Эмилио действительно есть брат.

Удивила ее скорее собственная реакция на случившееся со священником.

В тот вечер, находясь одна в доме, она читала литературу по поводу особенной деформации стопы, которой страдал один из ее пациентов, когда Эмилио позвонил и попросил ее прийти к нему в госпиталь. Говорил он неразборчиво, поверить в то, что такой человек мог напиться, она не могла.

– Эмилио, что случилось? Что с тобой? – спросила она, удивленная собственным испугом.

– ...сню потом, когда придешь. Трудно говорить.

Джордж был в горах, у телескопа Аресибо на каком-то особенно интересном ему эксперименте. Энн немедленно позвонила ему, чтобы известить о происходящем, хотя и сама толком ничего не знала, и попросила немедленно приехать домой, а потом поспешила вниз, в клинику, по восьмидесяти ступенькам. Когда она оказалась у дома, помещение показалось ей совсем безлюдным, и Энн даже испугалась, что неправильно поняла просьбу Эмилио. Однако, к собственному облегчению, обнаружила, что входная дверь не заперта, а Эмилио, не зажигая свет, ждет ее в темноте.

Щелкнув выключателем, Энн охнула при виде него,

но в следующее мгновение решительным шагом отправилась в хирургический кабинет, надела халат и перчатки.

— Итак, отец мой, — сухим тоном произнесла она, взяв его голову ладонью под подбородок, и поворачивала ее из стороны в сторону, рассматривая лицо и компенсируя тон мягкостью движений. — Насколько я могу судить, ты подставлял другую щеку, причем неоднократно. И не улыбайся, снова порвешь губу.

Она достаточно хорошо была знакома с подобными ситуациями и потому тут же посмотрела на его руки, разыскивая ссадины и переломы. Но на руках ничего не было. Она нахмурилась, глядя на него, однако он спрятал взгляд. Вздыхнув, она поднялась на ноги, отперла кладовую и, войдя в нее, открыла шкаф, достав из него все необходимое. Зрачки Эмилио правильно реагировали на свет, он сумел позвонить ей; искажение речи не имело неврологического характера; сотрясения мозга не было, однако лицо его было превращено в кашу. Пока она собирала необходимое, из соседней комнаты донесся тихий голос:

— По-моему, еще сломано ребро. Я слышал хруст.

Немного поколебавшись, она вернулась к нему, заряжая инъекторный пистолет дозой вакцины от столбняка.

— Это из-за порезов, — пояснила Энн, показывая ему прибор. — Ты в состоянии расстегнуть рубашку или тебе нужна помощь?

Эмилио справился с пуговицами, однако не сумел выта-

щить окровавленную рубашку из джинсов. Возможно, избивший его не знал, что имеет дело со священником, подумала она, хотя, быть может, и этот факт никак не мог помешать ему. Она помогла ему снять рубашку, вынуть руки из рукавов, стараясь без необходимости не прикасаться к телу. Кожа его оказалась цвета кленового сиропа, решила она, но сказала только:

– Ты прав насчет ребра.

Она заметила на его спине синяк в том месте, куда пришелся удар, выгнувший кость наружу. Этот неизвестный ударил Эмилио ногой, когда он лежал. Метил в печень, но попал чуть выше. В легких шумов не было, однако она помогла ему перебраться к портативному рентгеновскому аппарату и просветила торс, чтобы проверить состояние внутренних органов. Ожидая, пока аппарат выдаст снимок, она сделала инъекцию и побрызгала анестетиком рассеченную бровь.

– Ее придется зашить, но остальное можно обработать биоадгезивом.

Снимок оказался вполне приличным. Перелом по типу зеленой ветки правого шестого ребра, трещина в седьмом. Безвредно, но неопасно для жизни. Анестетик подействовал быстро. Эмилио молча сел, подставил ей для обработки лицо.

– Хорошо, – наконец сказала она. – А теперь самая неприятная часть. Подними руки вверх и позволь перебинтовать грудную клетку.

– Да, я знаю, – негромко произнесла Энн, когда он охнул. – Тебя ждет тяжелая неделя и чуть побольше. Не советую тебе чихать.

Она была искренне удивлена тем, насколько ее смутила телесная близость к нему. До этого самого мгновения она была искренне уверена в том, что давно примирилась со своей собственной старостью и бездетностью. Этот прекрасный мужчина невольно заставил ее пересмотреть оба мнения. Он то обретал фокус, то выпадал из него – то ли сын, то ли любовник. И то, и другое было полностью неуместно. Однако Энн Эдвардс не обнаруживала склонности к самообману и понимала собственные чувства.

Обклеив Эмилио со всех сторон пластырями, она дала ему передохнуть, а потом зарядила инъекционный пистолет. Не спрашивая разрешения, она во второй раз прижала прибор к его коже и сказала:

– Завтра вознесешь к небу свои страдания. А сегодня отправляйся спать. У нас есть примерно двадцать минут на то, чтобы довести тебя до постели.

Эмилио спорить не стал; в любом случае было уже слишком поздно. Она убрала инъектор, помогла ему надеть рубашку, оставив застегивать пуговицы, а сама взялась за уборку.

– Хочешь что-нибудь рассказать мне? – проговорила она наконец присаживаясь на край собственного стола. Эмилио посмотрел на нее сквозь пряди, свалившиеся на лоб, черные

по контрасту с повязками. Синяк на его щеке завтра обретет весьма живописный вид, подумала Энн.

– Не хотелось бы...

– Ну и ладно, – проговорила она невозмутимым тоном, помогая ему устоять на ногах. – Не сомневаюсь, что ты дрался не из-за девчонки в баре, но если ты не захочешь удовлетворить мое вульгарное любопытство, я могу прийти к более страшным предположениям.

– Я ходил повидаться с братом, – ответил Эмилио, посмотрев ей в глаза.

Итак, у него есть брат, подумала она.

– И он сказал: рад встрече, Эмилио, и разделал тебя под орех?

– Примерно так. – Эмилио помолчал. – Я пытался, Энн. Я честно пытался.

– Не сомневаюсь в этом, мой дорогой. А теперь пошли домой.

Они покинули клинику и начали подниматься по лестнице, священник к этому моменту уже погружался в забвение и едва стоял на ногах, чтобы обращать внимание на взгляды и вопросы, от которых Энн отмахивалась движением головы. Джордж встретил их на полпути. Притом что Эмилио был не слишком тяжел, Эдвардсы с трудом довели его по последней лестнице до дома. Он стоял, раскачиваясь на ногах, пока Энн стелила гостевую постель, а Джордж раздевал его.

– Может, без простыней? – пробормотал он неразборчи-

во, явно опасаясь запачкать кровью постельное белье.

– Простыни никого не волнуют, – сказал ему Джордж. – Ложись в постель.

Эмилио уснул еще до того, как его укрыли покрывалом.

* * *

ЗАКРЫВ ДВЕРЬ гостевой комнаты Энн припала к груди Джорджа, в его знакомые объятья. И разрыдалась, что не удивило их обоих. Они долго стояли, обнявшись, а потом отправились на кухню. Разогревая ужин, Энн рассказала ему часть истории, и он догадался о большем, чем она ожидала от него. Затем они перешли в столовую, сдвинули в сторону господствовавший на обеденном столе завал, и какое-то время молча ели.

– А знаешь, почему я влюбился в тебя? – вдруг спросил Джордж. Энн помотала головой, удивленная тем, что он задал этот вопрос именно сейчас. – Я услышал твой смех, тогда, в коридоре, когда шел в тот день на занятия испанским языком. Я не видел тебя, только слышал твой смех, разбегавшийся на целую октаву, от верха до низа. И понял, что должен ежедневно слышать его.

Она аккуратно положила вилку и, обогнув стол, остановилась рядом с сидевшим мужем. Он обхватил ее рукой за бедра, и она ласковым движением привлекла его голову к своему животу.

– А давай-ка будем жить вечно, старый мой, – проговорила Энн, отодвигая с его лица серебряные волосы и наклоняясь, чтобы поцеловать.

Улыбнувшись, он согласился:

– Давай, хотя бы ради того, чтобы взбесить этого страхового агента, у которого ты берешь полисы.

И она рассмеялась на полную октаву от верхнего *до*, рассыпавшегося серебряными колокольчиками.

* * *

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Энн встала рано после бессонной ночи, надела белый махровый халат и пошла взглянуть на Эмилио. Он лежал, забывшись тяжелым сном, почти в той самой позе, в которой они оставили его. Она слышала, что Джордж на кухне делает кофе, однако не чувствовала себя готовой к разговору. Вместо этого она отправилась в ванную комнату и заперла дверь. Сбросив халат с плеч, Энн повернулась в полный рост к зеркалу.

Там перед ней предстал результат жизни, отданной дисциплине питания и десятилетиям упорных упражнений в балетном классе. Вынашивание ребенка не отяжелило ее тело. В менопаузе она начала следить за гормонами, якобы потому, что находилась в рискованном состоянии по поводу сердца и остеопороза – хрупкая синеглазая блондинка, курившая двадцать лет и отказавшаяся от этой слабости в ме-

дицинском колледже. Не имея детей, она утешалась иллюзией относительной молодости за счет искусственного продления зрелых лет. А быть старой совсем неплохо, если не вглядываться внимательно. В конце концов, то, что она увидела в зеркале, ее удовлетворило.

И она заставила себя представить взгляд Эмилио, попыталась придумать какой-либо разумный сценарий, какой мог бы привести его к ней, находящейся в таком, как сейчас, виде. Она заставила себя не отворачиваться от зеркала, тренируя волю. И наконец, отвернувшись от зеркального двойника, включила душ. Зять, подумала она, ощущая на плечах струйки воды.

Зять, с которым старая пила-теща может шутить и нагло флиртовать при всей разделяющей их разнице в возрасте. Примерно это ей было нужно. Помилуй, антропология... в таком-то возрасте. Затем она замерла и попыталась представить, что нужно Эмилио. Сын, решила она, какое-то подобие сына.

Выключив воду, она шагнула на коврик, вытерлась, влезла в джинсы и тенниску. Занятая утренним ритуалом, она почти забыла ночные тревоги. И все же, прежде чем выйти из ванной комнаты, напоследок еще раз посмотрела на себя в зеркало. Не так уж плохо для старой крысы, решила она, и удивила проходившего мимо Джорджа тем, что ущипнула его за попу.

КОГДА ЭМИЛИО проснулся, в доме царила полная тишина. Он не стал вставать, приходя в себя и припоминая, каким образом оказался в этой кровати. Наконец тупая боль в голове убедила его попробовать, а не будет ли лучше в сидячем положении. Напрягая руки и мышцы живота, стараясь не беспокоить грудную клетку, он сел. А потом встал, держась за изголовье кровати.

На стуле возле его постели лежал сложенный купальный халат, из кармана которого торчала свежая зубная щетка, так чтобы он не смог не заметить ее. Его одежда, приведенная в порядок, лежала стопкой на бюро. На тумбочке возле кровати стояла баночка с таблетками, а под ней записка от Энн. *«Две, когда проснешься. Две перед сном. Без них будешь чувствовать себя как боксер после нокаута. Кофе на кухне».*

Он попытался представить себе, как именно чувствует себя боксер после нокаута. Судя по контексту – муторно, решил он, однако надо потом уточнить.

Стоя в душевой, он решил воздержаться от душа, не зная, как вода подействует на пластырь, удерживавший его ребро. Помывшись по мере возможности, он без энтузиазма уставился на собственное отражение в зеркале, отмечая радужные цвета и опухлости.

И тут на Эмилио накатила волна паники, когда он попы-

тался представить, какой сейчас день и час... не воскресенье ли, и не ждет ли его появления негодующая из-за опоздания небольшая паства. Но нет, вспомнил он. Сегодня суббота, и в капелле может оказаться только юный Фелипе Рейес, готовый служить. Он уже было начал смеяться, представляя ожидавшие его отборные латинские комментарии из уст Фелипе, однако боль в груди приморозила его к месту, и он понял, что поднять Гостию на завтрашней воскресной службе будет не так уж просто. Он вспомнил, как Энн сказала:

– Завтра вознесешь свои страдания.

Она съехидничала, но состояние его предсказала точно.

Одевался он медленно. Энн и Джордж оставили для него в кухне хлеб и апельсины. Желудок еще ныл, так что он ограничился только чашкой черного кофе, облегчившей головную боль.

Созрел для выхода на люди он только к двум часам дня. Позволив себе разок крепко и от души выругаться, Эмилио постарался настроиться на самый благопристойный спуск к своей крошечной квартирке, находившейся недалеко от пляжа.

Каждого из тех, кто останавливал его, он наделял новой историей, и по мере приближения к дому объяснения его становились все смешнее, экстравагантнее и фантастичней. Люди, никогда не заговаривавшие с ним, смеялись его словам и неуклюже предлагали помощь. Подростки суеились вокруг, исполняли его поручения, приносили угощения от ма-

терей. Фелипе ревновал.

Да, в это утро он с трудом возносил освященный хлеб и вино, но на мессу в то воскресенье собралось много больше народа, чем обычно после возвращения в Пуэрто-Рико. Пришла даже Энн.

Глава 8

Аресибо

Май 2019 года

ТОЙ ВЕСНОЙ ПИСЬМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, поданное Джимми Куинном доктору Яногути, прошло по всем каналам ИКАН, было утверждено и одобрено. Наняли Софию Мендес, заключив договор с ее брокером, согласившимся на соревновательный характер предложения. Мендес самостоятельно сформулировала кристально четкие критерии удачи и неудачи. Переговоры затянулись на какое-то время, однако в итоге ИКАН принял ее условия. В случае успеха брокер должен был получить плату, в три раза превышающую обычную стоимость ее услуг, чего заведомо хватало для того, чтобы рассчитаться с долгом. В случае неудачи ИКАН мог принять программу с известными ограничениями, но не платить ничего. Брокер же получал право продлить ее контракт на время, в три раза большее, чем она потратит на работу с ИКАН. Джимми был в восторге.

София Мендес, в конце апреля сворачивавшая свой сингапурский проект и готовившаяся к работе на ИКАН, никакого восторга не испытывала. Она придерживалась холодной и нейтральной точки зрения, концентрируя внимание на том, что есть, а не на том, что может быть, она и выжила-то

благодаря наследственности и опыту, научившим ее видеть реальность за пеленой эмоций. Этот дар верой и правдой век за веком служил ее семье.

До изгнания евреев из Испании в 1492 году старые Мендесы были банкирами, финансировавшими королей. После выдворения из Иберии их приютила Оттоманская империя, охотно принимавшая сефардов – торговцев и астрономов, врачей и поэтов, архивариусов, математиков, переводчиков и дипломатов, философов и банкиров, подобных Мендесам, которых Католические величества Фердинанд и Изабелла выставили из Испании. Сефарды скоро стали самым производительным и энергичным народом империи, верхи их общества служили сменявшим друг друга султанам, как предки их служили при испанском дворе. Культура, давшая миру Талмуд и великого врача и философа Маймонида²⁷, снова сделалась влиятельной и уважаемой.

Но времена меняются. Оттоманская империя превратилась в простую Турцию. В двадцатом столетии Мендесов представляли тихие и культурные люди, не хваставшие былой славой своего рода перед чужаками, однако не позволявшие своим детям забыть о ней. Они не тратили времени на плачи о прошлом; но делали все, что было возможно в тех обстоятельствах, в которых оказывались, и это возмож-

²⁷ Маймонид (1135–1204), известный в еврейских источниках как Рамбам (акроним от *ивр.* «рабейну Моше бен Маймон» – наш учитель Моисей сын Маймона), – крупнейший раввинистический авторитет и кодификатор Галахи, философ, ученый и врач; самый прославленный ученый постталмудической эпохи.

ное, как правило, оказывалось великолепным. В этом София была наследницей своих стариков. Деньги и влияние ушли из семьи, но гордость, светлая голова и ясный ум остались при них.

Когда обезумевший от Второй Курдской войны Стамбул начал разрушать сам себя, Софии Мендес было тринадцать. Ее мать, музыкантша, погибла перед самым днем рождения дочери: жизнь ее унес случайный минометный снаряд. Через несколько недель пропал без вести ее отец-экономист, должно быть, тоже погибший; отправившись на поиски еды, он так и не вернулся к руинам своего дома. На этом закончилось ее детство, с его книгами, музыкой, любовью и школой. Бежать из города, окруженного войсками ООН и оставленного на голодную смерть, было невозможно. Беспомощная девочка осталась одна в мире, занятом бессмысленным кровопролитием. Однако, согласно восьмивековой сефардской традиции, с возраста в двенадцать с половиной лет она считалась *богерет эль реицут нафша* – взрослой женщиной, властной над собственной душой. Тора учила: выбирай жизнь. И потому, вместо того чтобы гордо умереть, София Мендес стала торговать тем, что имела, и потому выжила.

Клиентами ее в основном были подростки, обезумевшие от насилия, и мужчины, возможно, в прошлом являвшиеся добродетельными мужьями и отцами, но теперь сделавшиеся ополченцами, состоящими в сотне озлобленных друг на друга группировок, на которые разделилось неко-

гда блестящее в своей космополитической сущности общество, прежде процветавшее в национальном разнообразии, подобно Сан-Франциско, Сараево, Бейруту. Она научилась сперва брать плату деньгами или продуктами и привыкла думать о чем-то другом, пока клиенты пользовались ее телом. Она узнала, что смертельный страх превращается в смертоносный гнев, что мужчины, только что страстно стонавшие на ней, охотно убьют ее уходя. Она научилась тому, чему учатся все во время войны. Она научилась выживать.

Француз выбрал ее из ряда девиц на углу, потому что даже после полутора лет, проведенных на панели, она оставалась прекрасной. Жан-Клода Жобера всегда привлекали контрасты, то есть в ее случае белая кожа, черные волосы, четко прорисованные брови, аристократическая осанка и грязная школьная форма – юность в сочетании с опытом. Деньги у него были, а в Стамбуле еще можно кое-что купить, если есть чем заплатить. Он передел ее в пристойную одежду, привел в гостиницу, в которой из кранов шла вода, и она смогла искупаться, а потом покормил, и она постаралась есть без жадности. Она приняла все это и все, что последовало потом, без благодарности или стыда. Он отыскал ее еще раз, и после, за обедом, они обсудили войну, мир за окном и бизнес Жобера.

– Я зарабатываю на будущем, – сказал, он, откидываясь на спинку стула и укладывая живот на пояс. – Я представляю группу инвесторов, спонсирующих многообещающих моло-

дых людей, находящихся в трудных обстоятельствах.

Состояние свое он составил в обеих Америках, где искал в трущобах и сиротских домах решительных и одаренных детей, чьи обессиленные или умирающие родители не могли обеспечить своих отпрысков средой или образованием, соответствующим их потенциалу.

– Бразилия, конечно, стала первой страной, приватизировавшей сиротские дома, – сообщил он ей. Правительство, обремененное сотнями тысяч детей, брошенных родителями или осиротевших из-за ВИЧ, туберкулеза или холеры или просто беспризорных, наконец-то перестало даже изображать, что способно что-либо сделать для этих детей. Коллеги Жобера действовали другим способом.

– Это выгодно всем, – пояснил Жан-Клод Жобер. – Облегчается бремя налогоплательщиков, дети накормлены, воспитываются правильным образом, получают правильное образование, а инвесторы получают в свой черед долю будущих доходов детей.

Постепенно возник вторичный рынок, биржа, на которой можно было вложиться в восьмилетнего мальчишку с неординарными математическими способностями или обменять права на заработок студента-медика на права на одаренного биоинженера. Либералы пребывали в ужасе, но подобные Жоберу люди понимали, что практика наделяет детей денежной стоимостью и таким образом уменьшает вероятность их гибели в уличных столкновениях во время чисток трущоб.

– Однако, – сказал ей Жобер, – я считаю, что наиболее одаренные и вдохновенные люди впадают в депрессию, если связывать их пожизненными контрактами. Они выгорают, отказываются работать. Наверно, ты можешь понять, какая это потеря.

Жобер предложил ей более свободный контракт, сроком лет на двадцать, с учетом сумм, потраченных инвесторами на ее образование.

– Брокер, я например, найдет работу для подопечного таланта, который будет получать приличные средства на жизнь. По окончании контракта вы, мадемуазель, будете обладать деловой репутацией, опытом и контактами – твердым основанием, на котором можно будет строить дальнейшую жизнь.

Кроме того, он полагал, что Софии придется пройти обследование на предмет обнаружения болезней и физических дефектов, которые могут помешать дальнейшей работе.

– В случае обнаружения чего-нибудь непристойного, – продолжил Жобер, – тебя вылечат, если возможно, естественно с твоего согласия, *ma cherie*. Стоимость медицинского обследования и лечения будет добавлена к установленному контрактом долгу.

София, со своей стороны, добавила примечание, согласно которому она имела право выкупить свои обязательства у Жобера, если сумеет заработать необходимую для этого сумму плюс четыре процента от нее на предполагаемую ин-

фляцию, ежегодными выплатами в течение двадцати лет, на которые был рассчитан контракт.

Француз был в восторге:

– Мадемуазель, аплодирую вашим деловым способностям. Какое удовольствие работать с особой, обладающей столь же выдающейся красотой, как и деловой сметкой!

Примечание это наделяло ее мотивом зарабатывать как можно быстрее и больше к обоюдной их выгоде.

После этой встречи отношения их приобрели чисто дружеский характер. После рукопожатия, которым они скрепили сделку, он более не прикасался к ней: Жобер придерживался собственного этического кодекса.

Учителя и наставники считали ее самообучающейся машиной. Будучи полиглотом от рождения, она разговаривала на ладино²⁸, древнееврейском, литературном французском, коммерческом английском, а также на турецком – языке своих соседей и школьных знакомых.

По решению инвесторов она добавила к ним японский и польский языки, чтобы расширить область возможного применения ее усилий. Она обнаружила природную склонность к разработке искусственного интеллекта, каковую ее инвесторы всячески поощряли. Следуя великой сефардской традиции, написанные ею программы отличались строгой и логичной прозрачностью, переходы от одного предмета

²⁸ Ладино (сефардский или иудео-испанский) – разговорный и письменный язык евреев испанского происхождения.

к другому оформлялись изящно и просто.

Коллеги поздравляли с удачей процветавшего на их фоне Жобера. Он сам ощущал, какую ценность спас, вовремя наткнувшись на Софию Мендес. Француз заметил самообладание и интеллект под коркой грязи и голода, и проявленная проницательность приносила ему хороший доход.

И теперь София Мендес трезвым, незамутненным оком видела, что пора заканчивать кабалу. В данный момент ей предстояло освоить профессию астронома и выполнить его работу быстрее, дешевле и более точно, чем мог бы сделать он сам. Она боролась с надеждой и страхом. Ибо они рожают слабость.

* * *

ДОКТОР ЯНОГУТИ познакомил ее с Джорджем Эдвардсом в первый же день появления ее на территории радиотелескопа.

– Мистер Эдвардс является самым компетентным нашим волонтером, – сказал Яногути, пока она обменивалась рукопожатием с худощавым и седоволосым мужчиной, способным оказаться ровесником ее отца, если бы тот не погиб. – Нас посещают и туристы, и группы ученых. Джордж проведет с вами стандартную экскурсию, однако не стесняйтесь задавать вопросы: он знает все! А когда закончите, можете сразу начать работу с Джимми Куинном.

Размеры тарелки радиотелескопа Аресибо – трехсотметровой в диаметре чаши, поставленной в природном углублении между гор, – удивили ее. Над чашей висела регулируемая антенна весом в несколько сотен тонн, державшие ее тросы уходили к опорным башням, поставленным на соседних холмах.

– Наш телескоп работает, как старомодная спутниковая телеантенна, – пояснил Джордж, подумав, не слишком ли она молода для того, чтобы помнить телевещание. Сказать было трудно; девушке с равным успехом могло оказаться и двадцать четыре, и тридцать четыре года. – Радиотелескоп фокусирует все приходящие волны и направляет их в центральную точку. Отражаясь от тарелки, сигналы поступают в систему усилителей и частотных преобразователей, подвешенных над чашей. – Он показывал ей все оборудование, пока они шли вдоль края. – Отсюда сигналы поступают в здание, где находится обрабатывающее сигнал оборудование.

Ветер мешал Джорджу говорить, и он кричал:

– Астрономы используют для этого весьма сложный спектрометр, анализирующий поляризацию, интенсивность и длину радиоволн. Джимми Куинн может изложить вам все подробности, но можно спросить и меня.

Прежде чем войти внутрь, Джордж повернулся к Софии:

– Вам уже случалось работать с чем-то подобным такой системе?

– Нет, – ответила она, поежившись и укорив себя, что

не подумала о том, что наверху будет холодно. А заодно и ощутила легкий трепет перед началом проекта. Она всегда начинала с нуля, и всегда существовал шанс, что на сей-то раз она ничего не поймет, что эта задача окажется за пределами ее возможностей. Приосанившись, София сказала себе: «Я – Мендес, для меня нет ничего невозможного». И сказала вслух: – Справлюсь.

Джордж искоса посмотрел на нее, а потом протянул руку к двери в главное здание мимо Софии.

– Нисколько не сомневаюсь. И вот что, если у вас нет никаких планов на следующий уик-энд, почему бы не спуститься вниз, в Сан-Хуан, и отобедать с нами...

И они вошли внутрь.

* * *

ПОЗНАКОМИВШИСЬ с мистером Куинном, София Мендес отметила в уме, что день этот явно предназначен для того, чтобы изумлять ее масштабами. Она вполне привыкла к положению самой маленькой женщины почти в любой компании, однако ей не приходилось еще стоять рядом со столь высоким человеком, как Джимми Куинн. Чтобы подать ему руку, ей пришлось привстать на цыпочки, и на какой-то миг ей показалось, что ей снова десять лет и она здороваается с кем-то из друзей отца.

Она последовала за ним на его рабочее место. Проходя

по коридорам мимо рабочих кабинок, сооруженных из старомодных подвижных панелей, Куинн то и дело подныривал под притолоки и какие-то трубы. По пути он показал ей, где находится кофейная машина и туалет, явно не замечая, что она не способна видеть сквозь перегородки, поднимавшиеся выше ее роста, но ему не достававшие и до груди. Оказавшись в его кабине, София заметила, что средний ящик его стола отсутствует, так как, наверное, Джимми упирался в него коленями во время работы.

Джимми, со своей стороны, уже успел наполовину влюбиться в Софию Мендес еще до того, как они сели работать. Во-первых, такой красавицы, как она, он еще не видел за всю свою жизнь. А кроме того, она произвела на него впечатление уже тем, что никак не прокомментировала его рост. И если бы она еще продержалась хотя бы одну минуту, не вспомнив какую-нибудь глупость из области баскетбола, или не произнесла стандартный вопрос из серии «ну как там у вас наверху?», он готов был поклясться, что женится на ней. Однако, прежде чем Джимми успел сделать предложение, София открыла свой блокнот и попросила его изложить содержание будущей работы.

Эмилио уже предупредил его о том, что эта женщина не склонна к пустым разговорам, так что Джимми начал объяснять ей процесс сбора данных на примере яркого небесного участка, обозначаемого как 12–75.

– В центре этого участка располагается некая стабильная

конфигурация, из которой в противоположных направлениях исходят две мощные струи под прямым углом к его плоскости, которые выбрасывают материю со скоростью в половину скорости света.

Рассказ он подкреплял рисунками на открытом экране, так чтобы она могла делать заметки, пока он говорит.

– Работающая в оптическом диапазоне астроном Элизабет Кингери считает, что обнаружила новый способ определить, не находятся ли там две галактики, обращающиеся вокруг расположенных в их центрах черных дыр и, ясное дело, вокруг друг друга. И она хочет сопоставить данные с квазарами, которые считаются сдвоенными галактиками подобно 12–75. Понятно?

Оторвавшись от своих заметок, Мендес пронзила его холодным взглядом. Действительно, очень умна, как и предупреждал его Эмилио. Ее нельзя недооценивать. Джимми вежливо кашлянул.

– Итак, идея заключается в том, чтобы создать синхронную карту региона в оптическом и радиодиапазонах. Проводящий такую работу астроном назначает обсерваториям по меньшей мере два или три пригодных для наблюдений момента времени. Нам приходится учитывать положение небесной сферы и погоду на Земле.

– Почему вы не используете орбитальные обсерватории?

– У Лиз не хватает для этого финансирования и влияния. Однако многое можно сделать и с данными, полученными

на Земле. Значит, так. В любом случае мы договариваемся об общей схеме исследования, а потом остается надеяться на то, что не пойдет дождь или не случится чего-то такого, что может помешать наблюдениям. Иногда, если существует узкое окно, мы пренебрегаем им и производим наблюдение даже в плохих условиях. Вам рассказать об этом подробнее?

– Потом. Пока ограничимся общим обзором.

– Конечно. Итак, раз мы решили идти дальше, первым делом я должен проверить уровень шума. – София посмотрела на него. – Это значит, что я должен убедиться в том, что сигнал, исходящий от интересующего нас региона, обладает достаточной силой для того, чтобы его можно было выделить из общего фона. Все электрическое оборудование генерирует электрические шумы – электроны бомбардируют металлические конструкции самих приборов. Мы охлаждаем приемники жидким гелием, чтобы они остыли по-настоящему, так как холод замедляет движение электронов и это уменьшает... – Снова холодный взгляд. – Хорошо. Вам это известно. Если сигнал действительно очень слабый, мы начинаем осматриваться и отключаем компьютеры, которые не используются в эксперименте, свет, кондиционеры... все что угодно. Затем я выбираю калибровочный сигнал – известный источник радиоизлучения – и использую его для настройки системы.

– Как вы выбираете калибровочный сигнал? Вкратце, пожалуйста.

– Существует огромный каталог таких источников, и мы выбираем из их числа какой-нибудь расположенный рядом с изучаемым объектом. Обычно я проверяю сигнал с помощью виртуального осциллографа. Нам заранее известно, как должен выглядеть сигнал от калибровочного источника.

– А если сигнал отличается от ожидаемого?

Все по делу, как и говорил Эмилио. Что ж, ей придется проглотить...

– Мистер Куинн, так что произойдет, если сигнал будет отличаться от ожидаемого? – указывая шариковой ручкой, повторила она, хмуря темные брови.

– А тут уже начинается искусство. Любая из этих тарелок сделана вручную. У каждой свой норов – проблемы с проводами, с заземлением. На них влияют погода, время суток, шумы окружающей среды, то есть приходится хорошо знать свойства используемого тобой оборудования. А потом, после того как устранены все возможные источники ошибки, звать на помощь интуицию, чтобы понять, что еще может вызывать искажение сигналов. Однажды, – произнес он, опять заводясь, – мы решили, что получаем сигнал от внеземной цивилизации. Он приходил в течение нескольких месяцев, однако от других обсерваторий подтверждения не было. Оказалось, что этот сигнал давала система зажигания дряхлого школьного автобуса, и мы слушали его всякий раз, когда он привозил сюда детей из школы.

И снова Взгляд. На сей раз с заглавной буквы.

– Вот что, – сказал он самым серьезным тоном, – в данный момент я не трачу попусту ваше время на забавные истории. Вы должны знать подобные вещи, иначе ваша программа обнаружит разумную жизнь на Марсе. А ведь всем известно, что там живут одни австралийцы, правда?

София против воли улыбнулась.

– Ага, – проявил проницательность Джимми. – Вижу, вы работали с австралийцами.

Какое-то мгновение она пыталась сохранить серьезность, но все-таки рассмеялась.

– Пиво не может быть настолько теплым, чтобы его нельзя было выпить, – проговорила она с отменным австралийским акцентом.

Рассмеялся и Джимми, однако он разумным образом не стал развивать тему.

* * *

– И КАК ИДУТ ваши дела? – поинтересовался Джордж Эдвардс примерно через месяц после того, как она приступила к работе. Они часто встречались за ленчем, и София копила вопросы для того, чтобы задать, когда он появлялся у чаши радиотелескопа.

– Неспешно. Мистер Куинн очень квалифицированный консультант, – проговорила София, посмотрев на Джорджа поверх толстостенной кофейной чашки, которую держала

обеими руками, — однако легко отвлекается.

— На вас, — предположил Джордж, которому было интересно увидеть ее реакцию, тем более что он знал, что Джимми самым жалким образом увлечен этой женщиной, заинтересованной лишь в том, чтобы безжалостно, клетка за клеткой препарировать его мозг. София, не думая краснеть, кивнула. Итак, никакого сочувствия, отметил Джордж. Не из романтических натур, можно не сомневаться.

— А это усложняет работу. С враждебностью справиться проще, — проговорила она, глянув на столик, за которым сидела Пегги Сун. Джордж скривился: Пегги умела достать кого угодно. — Но, с другой стороны, увлеченность предпочтительнее снисхождения. Мне приятно, что вы относитесь ко мне как к профессионалу, мистер Эдвардс. И нравится работать без чьего-то покровительства. И без болтовни.

— Надеюсь, что вы не воспримете мое предложение как стремление заболтать вас, — сухо промолвил Джордж, — однако приглашение на обед остается в силе. Что скажете?

Поразмыслив, она уже решила принять его приглашение, если он его повторит.

Окружающие часто относились враждебно к ее деятельности, а как следствие и к ней самой; а уж к кому-то домой ее не приглашали с самого детства.

— Буду рада побывать у вас дома, мистер Эдвардс.

— Хорошо. Энн хочет познакомиться с вами. В воскресенье днем? Около двух?

– Отлично. Благодарю вас. У меня есть еще несколько вопросов по поводу влияния погоды на радиоприем, если вы не против, – проговорила она, отставляя в сторону тарелку и доставая блокнот. И они приступили к делу.

* * *

В ВОСКРЕСЕНЬЕ София заранее отправилась в Сан-Хуан, с запасом времени на неизбежные пробки. Припарковалась она не без труда, а цветочный киоск отыскала мгновенно и купила там букет для доктора Эдвардс. В Пуэрто-Рико на деле ей нравилось, и она с удовольствием отмечала сходство между испанским языком и ладино. Существовала разница в произношении, различался словарь, однако основные слова и грамматика часто совпадали. Она спросила у продавца цветов, как пройти к дому Эдвардсов, и поднялась по ступеням, служившим здесь улицей, к желтовато-розовому дому, адрес которого ей указали. Двери на железный балкон, выходящий на улицу, были открыты, как и окна, так что она ясно услышала женский голос:

– Джордж? А ты починил тот насос в клинике?

– Нет, совсем забыл о нем. – Она узнала голос мистера Эдвардса. – Черт. Надо взяться. Он у меня в списке.

Прозвучал переливчатый смех:

– Как и мир во всем мире. Насос будет нужен мне завтра. София постучала. Дверь открыла Энн Эдвардс, седые во-

лосы которой были забраны на затылке в неаккуратный пучок.

– О нет! – воскликнула она. – Не только умница, но еще и красавица. Надеюсь, что в порядке компенсации у вас жуткий характер, моя дорогая. Иначе я потеряю веру в божественную справедливость.

София не знала, что на это сказать, однако из кухни донесся голос Джорджа Эдвардса:

– София, не верьте ей. Веру в справедливого Бога она потеряла в прошлом году, когда Кливленд продул «Мировую серию»²⁹. И молится она только на девятом иннинге.

– И в ночь перед президентскими выборами, если на то пошло. Бог – республиканец и родом из Техаса, – заявила Энн, провожая Софию в гостиную.

– Заходите в кухню и составьте нам компанию. Обед практически готов. Цветы очаровательны, моя дорогая, и вы тоже.

Они прошли гостиную, являвшую приятное для глаз, хоть и хаотичное, смешение книг, акварелей и гравюр с разношерстной, но тем не менее уютной мебелью и вполне качественным турецким ковром. Заметив внимательный взгляд Софии, Энн удрученно всплеснула руками.

– Мы живем здесь всего только год. Я все думаю, что

²⁹ «Мировая серия» – решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола, право играть в которой сейчас имеют лучшие команды Американской и Национальной лиги.

в этой комнате надо навести порядок, однако всякий раз не нахожу времени. Ну, разве что когда-нибудь...

– А мне нравится так как есть, – искренне произнесла София. – В этой комнате легко просто уснуть на софе.

– Вы действительно великолепны! – восторженным тоном воскликнула Энн. Эмилио часто дремал здесь. – Вы правы, много приятнее воспринимать эту комнату как место для отдыха, чем как обыкновенный хаос!

Они присоединились к Джорджу в кухне. Он усадил Софию на так называемый в этой семье Табурет Кибитцера³⁰, вмещающегося в любую игру и дающего непрошенные советы, и подал ей бокал вина, которое она попивала, пока Джордж заканчивал нарезать овощи для салата, а Энн вернулась к своему занятию, связанному с мукой.

– Всякие нарезки – дело Джорджа, – объяснила Энн. – Я не могу позволить себе ни одного пореза. Слишком большой риск заработать какую-нибудь инфекцию. Находясь в кабинете первой помощи или в клинике, я одеваюсь как астронавт, однако лучше не делать руками ничего опасного. Это печенье, случайно, не кажется вам знакомым?

– Отчего же... Моя мама пекла такое, – произнесла София, несколько удивленная воспоминанием о печенье, покрытом меренгами.

– Значит, угадала, – пробормотала Энн. Меню было

³⁰ Кибитцер – наблюдатель (карточный термин; *от нем.*: kiebitzen – подглядывать, вмешиваться в чужую игру) (*Прим. ред.*)

для нее легким, и Энн получила удовольствие, составляя его. Сефардская кухня по природе своей являлась разнообразно-средиземноморской – легкой и сложной, подчеркивающей овощи и специи.

Она отыскала рецепт *pandericas*, «хлеба богатой дамы», который сефарды выставляли на стол на Рош Хашана³¹ и по случаю других праздников. Мороженое с кусочками персика и взбитыми сливками и печенье пошли на десерт.

– Скажите мне, если рецепт вам понравится, я нашла его в книге.

* * *

ОТОБЕДАВ и взяв с собой кофе по-турецки, они перешли в гостиную, и разговор обратился к музыке. Заметив, что София посматривает на стоящее у стены старое пианино, Джордж проговорил:

– Мы не часто пользуемся этим инструментом. Его оставил здесь предыдущий жилец. Мы хотели отдать его кому-нибудь, однако вдруг оказалось, что Джимми Куинн умеет играть, и на той неделе мы настроили пианино.

– А вы, София, умеете играть? – спросила Энн. Простой вопрос неожиданно заставил девушку задуматься.

³¹ Рош Хашана – еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей (тишри) по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь).

– Моя мама преподавала музыку, так что в детстве она учила играть и меня, – наконец произнесла София. – Даже не помню, когда я в последний раз сяду за пианино.

Тем не менее она помнила. И время дня, и косые солнечные лучи, проникающие сквозь окно музыкальной комнаты, и мать, кивавшую, объяснявшую и присаживавшуюся за инструмент, чтобы показать, как надо играть фразу; кошку, вспрыгнувшую на клавиатуру затем лишь, чтобы ее бесцеремонно ссадили на ковер, перестрелки и грохот минометного снаряда, разорвавшегося неподалеку. Она могла бы вспомнить все, если бы только позволила себе.

– А если попробовать, – предложил Джордж.

– Всякий человек, умеющий создавать музыку своими руками, для меня недостижимый авторитет. Сама я умею только включать и выключать радиоприемник. Садитесь же, София, – попросила Энн, радуясь тому, что какое-то действие может заменить неловкий разговор. София оказалась благодарным, но тихим гостем, и обед прошел в более спокойном ключе, чем привычный Энн и удовлетворяющий ее. – И как настройщик сделал свое дело – вполне благопристойно или же в духе всепобеждающей пуэрториканской коррупции?

– Нет, я действительно ничего не помню, – попросила пощады София.

Возражения ее были отвергнуты решительно, но любезно, и хотя она была несколько недовольна этим, стали

вспоминаться какие-то музыкальные отрывки. На несколько минут она забылась, привыкая к инструменту, но только на несколько минут. Поднявшись, она была уже готова откланяться, но Джордж напомнил ей о мороженом, и она решила еще немного задержаться.

Пока они ели десерт, Энн пригласила ее приходить в любое время и пользоваться пианино, но, зная настроение Софии, добавила:

– Однако должна предупредить вас. Джимми Куинн нередко заходит к нам пообедать, так что в итоге вы можете рано или поздно столкнуться с ним. – А потом непринужденно, как будто она и не намеревалась сказать это с самого начала знакомства, произнесла: – Кстати говоря, у нас бывает еще один общий знакомый. Эмилио Сандос, помните такого?

– Лингвиста? Конечно.

– Вы имели полное право сказать: тесен мир! На самом деле мы находимся здесь из-за него, – сказал Джордж, вкратце набросав историю их появления в Пуэрто-Рико.

– Так, значит, вы тоже миссионеры, – проговорила София, пытаясь не выдать голосом овладевший ею ужас.

– Нет, нет, упаси боже! Мы всего лишь полные сочувствия к ближним и дальним, до боли в заду добродетельные либеральные благотворители, – пояснила Энн. – Я родилась в католической семье, но давным-давно отошла от церкви.

– Энн еще может изобразить католичку после пары кру-

жек пива, но я сам абсолютный атеист. Однако, – признал Джордж, – иезуиты делают много добра...

Они поговорили какое-то время о клинике и Иезуитском центре. Однако потом разговор как-то сам собой перешел на радиотелескоп и работу Софии, и Энн самым нехарактерным для себя образом примолкла, пока Джордж объяснял технические тонкости молодой женщине, проявлявшей молниеносную быстроту мышления во время работы, интересным образом контрастировавшую с милой неловкостью в обычном общении.

Да, думала Энн, наблюдая за ней, теперь я вижу ее притягательную силу.

* * *

ПОЗЖЕ, УЖЕ В ПОСТЕЛИ, Энн устроилась под боком несколько запыхавшегося Джорджа. Черт, подумал он, надо снова начинать бегать.

– «О, сладкая тайна бытия, наконец я нашла тебя»³², – пропела Энн.

Джордж рассмеялся.

– Очаровательная девочка, – отметила Энн, мысли которой вдруг переключились на Софию, с точки зрения

³² Строчка из песни Джанет Макдональд (1903–1965), американской актрисы и певицы, наиболее известной по своим ролям в музыкальных фильмах 1930-х годов вместе с Морисом Шевалье.

Энн принадлежавшую к числу тех немногих женщин, которых можно назвать роскошными... крошечная и совершенная. Но такая замкнутая. Такая настороженная. Она ожидала найти больше тепла в девушке, очаровавшей Эмилио и Джимми. И, кажется, и Джорджа, насколько она может судить, а она разбиралась в таких делах.

– Теперь понятно, каким образом она сумела произвести такое впечатление на Эмилио. И на Джимми тоже, – добавила она напоследок.

– Гм-м-м, – пробормотал, уже засыпая, Джордж.

– Если бы я захотела, то вполне могла бы стать еврейской мамеле. Иисуса на самом деле подвело то, что он не сумел найти для себя хорошей еврейской девочки, – рассудила Энн, – и создать с ней семью. Но это же чистое богохульство, правда?

Приподнявшись на локте, Джордж посмотрел на нее:

– Держись подальше от этой темы, Энн.

– Ладно, ладно тебе. Я пошутила. Давай спать.

Однако оба заснули не сразу, размышляя о своем в темноте.

Глава 9

Неаполь

Апрель 2060 года

ДЖОН КАНДОТТИ БЫЛ НА НОГАХ, едва рассвело, и уже одевался, когда в дверь постучали.

– Отец Кандотти? – спокойный, но настойчивый голос брата Эдварда доносился из коридора. – Отец мой, вы не видели Эмилио Сандоса?

Джон открыл дверь.

– Не видел. С прошлого вечера. А что?

Взъерошенный коротышка Бер казался встревоженным.

– Я только что заглянул к нему в комнату. Постель не тронута, его стошнило, и в доме его нет.

Натягивая свитер, Джон протолкнулся мимо брата Эдварда и бросился в комнату Сандоса, не в силах поверить в то, что того нет на месте.

– Я убрал за ним. Выблевал весь вчерашний ужин, – пыхтя, говорил Эдвард за его спиной. – Хотя и съел-то немного. Я уже обошел уборные. Его там нет, говорю вам.

Джон тем не менее заглянул в комнату, откуда все еще пахло блевотиной и мылом.

– Вот черт, – шепнул он с отчаянием в голосе. – Черт, черт, черт. Следовало ожидать чего-нибудь в этом роде!

Я должен был находиться рядом с ним. Я бы услышал его.

— Это я должен был находиться рядом, отец мой. Даже не знаю, почему я не настоял на том, чтобы меня поместили в соседнюю с ним комнату. Но теперь ему больше не нужна моя помощь ночами, — проговорил Эдвард, пытаясь объяснить свою оплошность не только Кандотти, но и себе самому. — Мне следовало заглянуть к нему вечером, но я не стал вмешиваться, раз он... Он сказал мне вчера, что хочет поговорить с вами. Я думал, что он мог...

— Я тоже так думал. Постойте. Он не может уйти далеко. Вы смотрели в трапезной?

Стараясь не паниковать, они осмотрели весь дом. Джон, со своей стороны, почти ожидал увидеть тело Сандоса за каждым углом. Он уже начал обдумывать, что делать дальше, звонить ли Отцу-генералу или обращаться в полицию, когда в голову ему пришло, что Сандос родом с острова и, скорее всего, находится внизу, у воды.

— Давайте поищем снаружи, — предложил он, и они вышли из дома с западной стороны.

Солнце едва выбралось из-за горизонта, и каменный балкон еще находился в тени, как и весь берег внизу. Корявые и низкорослые деревья, скрюченные ветрами Средиземноморья, уже прятались в золотой и зеленой дымке, фермеры начинали пахать, однако весна оставалась серой и холодной — чего вы хотите рядом с Везувием, говорили все. Тревога и холод соединили свое воздействие, и Джон, опираясь на стенку

балкона и обшаривая взглядом побережье, начал трястись.

Наконец он заметил Сандоса и, охваченный облегчением, одолевая ветер, прокричал:

– Брат Эдвард? Брат Эдвард!

Сгибаясь под ветром, охватив пухлыми руками объемистую грудь, Эдвард направлялся к гаражам, чтобы пересчитать велосипеды. Услышав зов Кандотти, он обернулся.

– Я его вижу! – прокричал Джон, указывая вниз. – Он на берегу.

– Мне сходить и привести его? – откликнулся Эдвард, возвращаясь к балкону.

– Нет! – выкрикнул Джон. – Я сам приведу его. Только возьмите ему пальто, хорошо? Он, должно быть, замерз.

Брат Эдвард потрусил за тремя пальто. Вернувшись через несколько минут, он помог Джону влезть в самое большое, передал предназначенное для Сандоса и надел на себя третье. Не дожидаясь его, Джон начал спуск по длинной веревке лестниц, спускавшихся зигзагом к воде. Но прежде чем он успел зайти достаточно далеко, брат Эдвард остановил его возгласом:

– Отец Джон, будьте осторожны.

Какая странная мысль, подумал Джон, которому представилось на момент, что брат Эдвард опасается того, что он поскользнется на влажных ступенях. А потом он вспомнил, каким Сандос пришел к нему в тот первый день в Риме.

– Не беспокойтесь, все будет в порядке. – На лице брата

Эдварда заметны были сомнения. — Надеюсь. Если он не покалечился сам, то едва ли может причинить вред кому-то другому.

И хотя слова его были полны уверенности, сам он таковой не ощущал.

* * *

ВЕТЕР УНОСИЛ ЗВУК его шагов в сторону от Сандоса. Не желая пугать его, Джон откашлялся и постарался произвести как можно больше шума, ступая по смеси песка с мелким гравием. Сандос не повернулся, но остановился и стал ждать возле большого скалистого выступа, части геологической формации, поделившейся своей материальной сущностью с древними зданиями, стоявшими на горе за их спинами.

Поравнявшись со своим подопечным, Джон остановился и посмотрел на море, над которым в сером небе реяли и вились то и дело садившиеся на серую воду птицы.

— А я страдал в городе от отсутствия горизонта, — непринужденным тоном объявил он. — Как хорошо, когда имеешь возможность остановить взгляд на чем-то далеком.

Холод впивался в лицо и руки Джона. Он уже дрожал и не понимал, каким образом Сандос может оставаться настолько неподвижным.

— Ну и напугали вы нас сегодня. Когда в следующий раз

решите выйти из дома, предупредите кого-нибудь из нас, хорошо? – Он сделал шаг в сторону Сандоса, протянув ему куртку. – Вы не замерзли? Я принес вам пальто.

– Если вы подойдете ближе, – заявил Сандос, – то поплатитесь кровью.

Джон опустил руку, не замечая того, что длинная куртка коснулась песка. Теперь, оказавшись рядом с подопечным, он заметил, что то, что он принимал за спокойствие, на самом деле оказалось покоем взведенного курка, напряженной до предела пружины, невидимой издали. Сандос повернулся и пошел к ряду крупных, с кулак, камней, заметных на верху природного скального уступа, вдруг вспыхнувшего под лучом поднявшегося над скалами солнца. Ощущая, как инстинктивно шевелятся в помощь Сандосу его собственные мышцы, Джон следил за тем, как движутся под взмокшей от пота рубашкой мускулы на спине Сандоса, пытавшегося подцепить пальцами камень.

Снова повернувшись к морю, теперь уже заискрившемуся под солнечным светом, Сандос развернулся с заученной грацией опытного игрока в мяч, наклонился и бросил камень, но пальцы его не разжались вовремя, и камень упал в песок у его ног.

Он методично отправился назад к полке, снова взял с нее камень, повернулся, замахнулся и бросил. Израсходовав свой запас, он отправился собирать их, один за другим, наклоняясь в пояснице, он брал их левой рукой, иногда с тру-

дом, и аккуратно ставил рядом на скалистый уступ. Большинство камней, к полному сожалению, находились всего в нескольких шагах от того места, с которого он бросал их.

* * *

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда солнце поднялось над головой, Кандотти уже избавился от собственного пальто и теперь просто сидел на пляже, молча наблюдая за происходящим. Присоединившийся к нему брат Эдвард тоже наблюдал, и скатывавшиеся по его пухлым щекам слезы мгновенно сушил морской ветер.

Около десяти, когда синяки начали откровенно кровоточить, Эдвард попытался уговорить Сандоса:

– Прошу вас, Эмилио, остановитесь. Хватит уже.

Остановившись, тот посмотрел сквозь коротышку таким взором темных глаз, будто Эдвард совсем не существовал. Джон понял, что им не остается ничего другого, кроме права пребывать свидетелями, и осторожно отвел Эда в сторону.

По прошествии еще пары часов мучительной тренировки они с братом Эдвардом отметили достигнутый Сандосом прогресс. Пальцы понемногу начали подчиняться его воле, камни чаще падали в воду, чем не долетали до нее, новые камни занимали место утонувших на плоской скале. Наконец он сумел забросить в воду далеко от обреза воды двенадцать камней подряд. После этого посеревший, дрожащий

и вымотанный Сандос бросил на море долгий взгляд и направился мимо двоих людей, составлявших ему компанию все долгое утро. Минуя их, он не стал останавливаться, даже смотреть на них, только произнес мимоходом:

– Я не Магдалина, а Лазарь.

* * *

ЕСЛИ ВИНЧЕНЦО Джулиани и был тронут зрелищем, за которым наблюдал в то утро с балкона, никаких признаков этого чувства на лице его не наблюдалось, когда он следил за тем, как трое мужчин поднимались по каменным ступеням от берега. По пути вверх Эмилио дважды споткнулся. Раскаленный добела гнев, владевший им на рассвете, выгорев, превратился в оскаленную обиду... Джулиани видел, как он отмахнулся от помощи Джона Кандотти и брата Эдварда, попытавшихся помочь ему, когда он упал.

Все трое внизу не имели представления о том, что Отец-генерал в данный момент пребывает не в Риме. На самом деле прелат прибыл в неапольский дом раньше их и занял комнату, соседнюю с той, которую подготовили для Сандоса, где терпеливо ожидал запланированного им надлома. Еще в тринадцатом столетии доминиканцы решили, что цель оправдывает средства, напомнил себе Джулиани. Иезуиты подхватили эту философию, однако в свой черед умножили возможный диапазон средств, делая то, что считали угодным Бо-

гу для блага грешных душ. Обман в данном случае казался ему более предпочтительным, чем прямое обращение. И по-сему Винченцо Джулиани подписал свою записку буковкой «Ф», зная, что один только Фелькер именует Сандоса «доктором». Реакция Эмилио как будто бы подтвердила подозрения консорциума «Контакт» в отношении того, что произошло на Ракхате. И, как и рассчитывал Джулиани, сама идея того, что Фелькер знает, обрушила хрупкий самоконтроль Эмилио.

На подъем к вершине горы небольшой отряд потратил почти полчаса. Когда трое приблизились, Отец-генерал отступил в тень, дожидаясь, чтобы негромкие и неожиданные слова произвели должное впечатление.

– В самом деле, Эмилио, – произнес Винченцо Джулиани сухим, полным скуки голосом, – почему бы вам не споткнуться еще разок, на тот случай, если кто-то из нас еще не заметил символизм? Не сомневаюсь в том, что брат Эдвард медитировал на тему Голгофы на всем вашем пути наверх, однако отец Кандотти – человек практичный, и факт такого внушительного опоздания к завтраку наверняка смущал его.

Джулиани без недостойного удовлетворения заметил огонек гнева, который заново разожгли его слова, и потому продолжил в том же непринужденном ироничном тоне:

– Жду вас в моем кабинете через пятнадцать минут. Приведите себя в порядок. В моем кабинете постелены ценные

ковры. Будет жаль, если вы замараете их своей кровью.

* * *

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ввели в кабинет Джулиани двадцать минут спустя, был воистину приведен в порядок, отметил Джулиани, однако он не ел с тех пор, как его вырвало вчерашним вечером, и не спал после утомительной поездки из города в город. Лицо Сандоса сделалось восковым, кожа под глазами приобрела пурпурный оттенок. Кроме того, совсем недавно он подверг себя адскому испытанию. Хорошо, подумал Джулиани. Он не стал предлагать Сандосу сесть, но оставил его стоять посреди комнаты. Сам он сидел за широким письменным столом, спиной к окну, и понять выражение его лица было невозможно. Если не считать тиканья старинных часов, в комнате не было слышно ни звука. Когда наконец Отец-генерал заговорил, слова его были полны кротости и спокойствия:

– Не существует такой разновидности пыток или казни, которую не перенесли бы миссионеры-иезуиты. Нас вешали, колесовали и четвертовали в Лондоне, – продолжил он невозмутимо. – Потрошили эфиопы. Сжигали заживо ирокезы. Травили в Германии, распинали в Таиланде. Морили голодом в Аргентине, обезглавливали в Японии, топили на Мадагаскаре, расстреливали в Эль Сальвадоре. – Он встал и начал неторопливо бродить по комнате, отдавая дань ста-

рой привычке профессора, преподавателя истории, однако вдруг остановился возле книжного шкафа, достал из него какой-то старинный томик и, так и этак поворачивая его в руках, продолжил свое хождение, монотонно разговаривая на ходу: – Нас терроризировали и запугивали. Нас оговаривали, нас незаслуженно обвиняли, до конца жизни держали в тюрьме. Нас били. Увечили. Насиловали. Мучили. И ломали.

Он остановился перед Сандосом, так чтобы видеть блеск его глаз. Выражение лица Эмилио не переменилось, однако заметно было, как его колотит дрожь.

– И мы, принесшие обеты целомудрия и покорности, – проговорил Отец-генерал мягким и проникновенным тоном, не отрывая взгляда от глаз Эмилио, – в одиночестве, не имея поддержки, принимаем решения скандальные и заканчивающиеся трагедией. В одиночестве мы совершаем ужасающие ошибки, которых никогда не совершили бы, находясь в обществе.

Джулиани рассчитывал увидеть в глазах Эмилио признание, смиренное понимание неприглядной истины. И на мгновение усомнился в собственной правоте. Однако он видел стыд, видел отчаяние, сомнений в этом не могло быть.

– Неужели вы почли себя единственным, попавшим в подобную ситуацию? Не гордыня ли вдруг овладела вами? – спросил он, явно недоумевая. Сандос заморгал. – Неужели вы решили, что лишь вам одному пришло в голову усомнить-

ся в том, что плоды наших деяний стоят той цены, которую пришлось заплатить за них? Неужели вы искренне поверили в то, что лишь вы, единственный из всех ушедших туда прежде нас братьев, утратили веру в Бога? Неужели вам не понятно, что у нас не было бы имени для греха отчаяния, если бы только вы один испытали его?

Отдав должное отваге своего собеседника, не ставшего прятать взгляд, Джулиани изменил тактику. Вновь усевшись за стол, он открыл экран ежедневника.

– Из последнего полученного мной отчета о вашем здоровье следует, что состояние ваше не настолько плохо, как может показаться. Какими терминами воспользовался врач? Ах да, психогенное соматическое расстройство. Мерзкий жаргон. Насколько я понимаю, он хотел сказать, что вы находитесь в состоянии депрессии. Только я высказался бы более откровенно. На мой взгляд, вы утопаете в жалости к себе.

Эмилио резким движением поднял голову, лицо его казалось вырезанным из влажного камня. На какое-то мгновение Сандос напомнил собой расстроенного младенца, которого только что отшлепали за слезы.

Мгновение это было настолько неожиданным, настолько коротким, что почти не запечатлелось в памяти генерала Ордена. Только по прошествии месяцев Винченцо Джулиани вспомнит его и не забудет до конца дней своих.

– Мне, со своей стороны, такое положение дел надоело, – продолжил Отец-генерал более житейским тоном; откинув-

шись на спинку своего кресла, он созерцал Сандосу как наставник новициата.

Как это странно: быть на год моложе и одновременно на десятилетия старше этого человека. Отодвинув ежедневник в сторону, генерал выпрямился в кресле, соединив обе ладони перед собой на столе в позе судьи, готового вынести приговор.

– Если бы вы обошлись с другим человеком так, как обходились с собой последние шесть часов, вас обвинили бы в физическом насилии, – ровным тоном сказал он Сандосу. – Это следует прекратить. Начиная с сего мгновения, вы обязаны относиться к собственному телу с таким уважением, какого заслуживает Божье творение. Вы позволите исцелиться собственным рукам, а затем пройдете разумный и умеренный курс физиотерапии. Вы будете регулярно принимать пищу. Вы будете должным образом отдыхать. Вы будете заботиться о собственном теле, как о старом друге, перед которым находитесь в долгу. Через два месяца вы явитесь ко мне, и мы в подробностях обсудим историю миссии, в которую вас направило, – голос Джулиани сделался жестким, последние слова он произносил по отдельности, – руководство вашего Ордена.

После сего Винченцо Джулиани, Отец-генерал Общества Иисуса, милостиво принял на свои плечи жуткое бремя, по праву принадлежавшее и ему лично, и всем его предшественникам.

– И во время сих месяцев и далее, – велел он Сандосу, – вы перестанете возлагать на свои плечи ответственность, не вам принадлежащую. Это понятно?

После долгой паузы Эмилио почти незаметно кивнул.

– Хорошо. – Джулиани спокойно поднялся на ноги и направился к двери своего кабинета. Открыв ее, он, отнюдь не удивляясь тому, обнаружил за дверью встревоженного брата Эдварда, не скрывавшего своего беспокойства.

Кандотти сидел чуть подальше, сгорбившись, сложив руки на коленях, усталый и напряженный.

– Брат Эдвард, – самым любезным тоном произнес Отец-генерал, – отец Сандос в самое ближайшее время изволит позавтракать. Надеюсь, что вам с отцом Кандотти будет приятно присоединиться к нему в трапезной.

Глава 10

Сан-Хуан, Пуэрто-Рико

2–3 августа 2019 года

ВСПОМИНАЯ ВПОСЛЕДСТВИИ ТО, ЧТО произошло тем теплым августовским вечером, Энн Эдвардс всегда хотела откопать где-нибудь гороскопы всех присутствовавших на обеде. Это стало бы великолепной проверкой астрологического метода. Где-то, под чьим-то знаком непременно обнаружилось бы предупреждение: «Крепитесь. Сегодня ночью меняется все. Абсолютно все».

Эмилио, когда она пригласила его на субботний обед, с красноречивой непринужденностью намекнул на то, что Джордж тоже может пригласить Джимми Куинна и Софию Мендес. Конечно же, Энн согласилась, отодвинув дурные предчувствия в сторону. Чем больше народа, тем веселее.

Эмилио еще ни разу не встречался с Софией после Кливленда, и Энн начинало казаться, что он преднамеренно избегает ее общества, что самым неудобным образом похоже было на истину. Энн, конечно же, знала, чего стоит превращение влечения в ценимую дружбу, и полагала, что Эмилио способен на это; и потому готова была предоставить нейтральную территорию для такого дела. Что же касается Софии... Эмоциональная анорексичка – поставила ей Энн свой тай-

ный диагноз. Эмоциональная скупость наряду с красотой, возможно, и привлекала к ней мужчин. Джимми уже давно признался ей в своей влюбленности, не замечая, что София оказывала подобное воздействие на Эмилио. И, кстати говоря, на Джорджа. И мне не на что жаловаться, подумала Энн. Боже мой, какой неуместный сексуальный накал! Сегодня в доме моем будет потоп феромонов.

И посему, решила она, запирая субботним днем клинику, мое дело превратить сегодняшний вечер в семейную пирушку, так чтобы все чувствовали себя кузенами, что ли... Но в первую очередь следует следить за собой, чтобы не указать на то, что считаешь парой Эмилио и Софию или даже Софию и Джимми. Веселись, приказала она себе, но в игру не вступай.

* * *

В ПЯТНИЦУ той же недели, Джимми Куинн начал объяснять часть своей работы, связанной с поиском внеземных цивилизаций.

– Исследования по этой программе ничем не отличаются от прочих, разве что не первоочередностью наблюдений, – сказал он ей. В наушниках и перчатках они ощущали себя сидящими перед каким-нибудь старомодным осциллографом, – как в розыгрыше, отснятом каким-нибудь мастером виртуальной реальности. Когда телескоп оказывается сво-

бодным, начинается систематический поиск радиосигналов от других планет. Программа отмечает все сигналы, потенциально способные оказаться посланием внеземлян – например, имеющие постоянную частоту, не совпадающую с частотами известных и зарегистрированных источников – радиопередач, военных баз и так далее.

– Насколько я понимаю, вы должны уже обладать очень сложными программами распознавания и обработки таких сигналов, – проговорила София.

– Ага. Программы эти старые, но вполне надежны, кроме того ИКАН модернизировал оборудование, занимающееся обработкой сигнала, когда телескоп перешел к ним. Таким образом, система уже умеет отбрасывать известные нам шумы, производимые естественными источниками, такими, например, как вибрации атомов водорода или звуки, производимые звездами. – Он привел пример: – Видите, какой хаос? Это радиосигнал, приходящий от звезды, и в аудиодиапазоне выглядит примерно так, – изобразил Джимми губами хаотическое шипение и перешел к следующему примеру: – Хорошо. Радиосигнал, используемый для общения, имеет постоянную несущую частоту и как-то модулирован по амплитуде. Видите разницу? – София кивнула. – Программа поиска сканирует более четырнадцати миллионов отдельных каналов, просматривает миллиарды сигналов, чтобы выделить среди них искусственно упорядоченные. Когда система улавливает нечто интересное, она записывает время, дату, местопо-

ложение источника, частоту и продолжительность сигнала. Проблема здесь заключается в том, что технику приходится просматривать регистрационный журнал.

– Итак, ваша работа заключается в том, чтобы опровергнуть стандартную гипотезу о том, что передача может иметь разумный источник.

– Итак... – Подняв перо, отодвинув окуляр, она приготовилась воспринимать следующую дозу информации.

Сняв наушники, Джимми молча смотрел на нее, пока девушка не кашлянула.

– А можно я сперва кое о чем спрошу вас? Быстро-быстро, – уверил он Софию, когда та вздохнула. – Почему вы пользуетесь ручкой и блокнотом? Разве не проще записывать на звуковоспроизводящее устройство наши собеседования? Или сразу вводить в файл?

Об используемой ею методике Софию спросили впервые.

– Я не просто записываю ваши слова, слушая, я органирую информацию. Если я буду записывать на ленту наш разговор, мне придется потом потратить столько же времени на прослушивание, как и на саму беседу. За прошедшие годы я изобрела собственную скоропись. Я пишу быстрее, чем набираю текст на клавиатуре.

– Ох, – отреагировал Джимми. Так долго она с ним еще не разговаривала. Не свидание, но хотя бы разговор. – Вы пойдете завтра вечером к Джорджу и Энн?

– Да. Мистер Куинн, пожалуйста, давайте продолжим?

Вновь надев наушники, Джимми заставил себя вернуться к экрану.

– Я начинаю с того, что просматриваю отмеченные флажками сигналы. Большинство их в наши дни оказывается закодированными сигналами наркофабрик, находящихся в радиусе пятисот километров от нас. Они постоянно перемещаются и все время меняют частоту. Обычно программа вычищает их, как находящиеся слишком близко к Земле, однако иногда сигнал случайным образом отражается от астероида или чего-то еще и приобретает такой вид, будто пришел откуда-то извне.

Начав просматривать журнал, Джимми погрузился в процесс, разговаривая скорее с самим собой, чем с Софией. Поглядывая на него одним глазом, она подумала: неужели мужчины не понимают, что гораздо более привлекательны, когда занимаются собственным делом, чем когда пытаются очаровать женщину?

Лесть едва ли можно счесть привлекательной. А заодно удивилась тому, что начинает по-настоящему симпатизировать Джимми Куинну, и постаралась немедленно избавиться от этой мысли, которой не было места в ее жизни, и она не имела никакого желания поощрять любые фантазии, которые он может питать. София Мендес никогда не обещала того, чего не могла дать.

– А вот интересно, – произнес Джимми. София сконцентрировала свое внимание на изображении прямоугольного

сигнала. – Вот, видите? Этот сигнал превышал уровень шума, и просуществовал... дайте посмотреть... Вот. Он просуществовал примерно четыре минуты, после чего отключился. – Он хохотнул. – Черт возьми, это что-то рукотворное. Вот эта его часть, – он показал на плоский участок сигнала.

– Амплитудно модулированный сигнал на постоянной несущей частоте, – проговорила она.

– Бинго. – Джимми рассмеялся. – Должен быть земным. Должно быть, мы принимаем какую-то религиозную передачу с Огненной Земли, отраженную от стены строящегося Шимацу отеля. Того, с микрогравитационным стадионом.

Она кивнула.

– Ладно, теперь я могу показать вам, как следует обращаться с возможно внеземным сигналом. Понимаете, представленный подобным образом сигнал похож на моноимпульс, – проговорил он, рисуя на экране настольного компьютера электронным пальцем. – Теперь я могу сконцентрироваться на плоской крышке импульса и изменить масштаб амплитуды. – Он проделал эту операцию. Прежде прямая горизонталь покрылась зубцами. – Вот, видите? Амплитуда меняется... значительно меняется. – Джимми умолк. Линия казалась знакомой. А потом пробормотал: – Да, это что-нибудь местное.

София подождала несколько минут, пока он возился с сигналом. Тройной срок, подумала она.

– Мистер Куинн? – Подняв очки на лоб, он посмотрел

на нее. — Мистер Куинн, мне хотелось бы приступить к знакомству с программами распознавания сигнала, если это не затруднит вас. Быть может, у вас найдется документация, с которой можно начать?

— Конечно, — проговорил Джимми, отключая дисплей, снимая прибор виртуальной реальности и вставая. — Мы не передавали все старые материалы. Работающие программы находятся здесь, однако никто не работает с документацией, поэтому она заархивирована на Крее. Пойдемте, я покажу вам, как получить к ней доступ.

* * *

КОГДА СОФИЯ МЕНДЕС вечером в субботу появилась у Эдвардсов точно в назначенное время с бутылкой каберне «Голанские высоты» в руках, Джимми Куинн находился в доме, уже на взводе, в модных широких брюках, слишком громкий и великолепный в яркой рубашке, способной послужить Софии купальным халатом.

Вопреки собственному желанию она улыбнулась в ответ на его очевидное удовольствие при ее появлении, поблагодарила за комплименты, высказанные Джимми сперва ее наряду, а потом прическе, и, не предоставляя ему времени на развитие успеха, вручила вино мистеру Эдвардсу, сбежав на кухню.

— Эмилио немного опоздает, — целуя гостью в щеку, преду-

предил ее доктор Эдвардс. – Играет в бейсбол. Так что не пугайтесь, моя дорогая, если он объявится в полном игровом снаряжении. Его команда находится на втором месте. Когда победа настолько близка, отец Сандос не может пропустить игру.

Впрочем, София услышала голос священника уже через десять минут, объявившего счет и явно довольного результатом. поприветствовав на ходу Джорджа и Джимми, Сандос с еще влажными после душа волосами, в не застегнутой на все пуговицы рубашке направился на кухню с цветами для доктора Эдвардс, с которой мимоходом обменялся коротким поцелуем. Явно чувствуя себя как дома, стоя за спиной Энн, он протянул руку к вазе, находившейся на одной из полок, наполнил ее водой, опустил в нее цветы, немного поправил букет и повернулся от раковины, чтобы поставить цветы на стол. Тут он заметил Софию, сидевшую на табурете в углу, и глаза его потеплели, хотя на лице осталось прежнее строгое и достойное выражение.

Достав цветок из принесенного им букета, он стряхнул с него воду и отвесил короткий и официальный поклон:

– *Señorita. Mucho gusto. A su servicio*³³, – проговорил он с преувеличенной любезностью, пародируя испанского аристократа, чем прежде так обидел ее. Знакомая теперь с нищетой его детства, София на сей раз поняла шутку и со смехом приняла цветок. Он улыбнулся и, не торопясь расста-

³³ Сеньорита. Очень рад. К вашим услугам (*исп.*).

ваться с ее взглядом, повернулся к Джимми, также только что вошедшему в кухню, эффектно наполнив ее всей своей общечеловеческой сущностью. Возмущенная вторжением Энн велела всем исчезнуть из кухни, чтобы она могла хотя бы повернуться, так что Эмилио выдворил Джимми в столовую, воспользовавшись для этого непонятным Софии аргументом, затрагивающим какую-то проблему, относительно которой в частых спорах они никак не могли прийти к единому мнению. Энн вручила ей блюдо с *banderillas*³⁴, и они начали носить пищу на стол. Разговор скоро стал общим и оживленным. Трапеза была превосходной, а вино пахло вишней. И все это вносило свой вклад в то, что случилось потом.

После обеда они перебрались в гостиную, и София Мендес почувствовала такую легкость, какой еще не испытывала после того, как стала взрослой. Здесь ее окружала атмосфера безопасности, столь же экзотичная для нее, как кизил, и столь же прекрасная, как этот куст.

Она чувствовала, что здесь ее принимают как свою, что хозяева этого дома готовы любить ее вне зависимости от того, кто она и что делала. Она чувствовала, что может рассказать Энн или даже Джорджу о днях своей жизни до знакомства с Жобером и что Джордж простит ее, а Энн скажет, что она была отважной и разумной девочкой, когда пошла на то, чего требовали от нее обстоятельства.

³⁴ Молодыми кукурузными початками (исп.).

Темнело, сумерки превращались в ночь, разговор потухал, и Энн предложила Джимми сыграть что-нибудь, и идея встретила всеобщее одобрение. София решила, что он похож на взрослого, усевшегося за игрушечное пианино: колени были разведены в стороны и торчали почти на уровне клавиатуры, ступни подгибались к педалям. Впрочем, играл он изящно и плавно, большие ладони властвовали над клавиатурой, и она попыталась не смутиться, когда он заиграл откровенно любовную песню.

– Джимми, я знаю, что ты обожаешь меня, но постарайся держаться скромнее, – театральным шепотом произнесла Энн, бросив взгляд на Софию и надеясь изменить настроение, прежде чем мальчик слишком глубоко погрузится в него. – Джордж рядом и слышит нас! К тому же эта мелодия, пожалуй, слишком сентиментальна.

– Вот что, панк, брысь от пианино, – со смехом предложил Джордж, движением руки отрывая Джимми от инструмента. – София, ваша очередь.

– Так вы играете? – спросил Джимми, второпях споткнувшись о табурет, чтобы освободить ей место.

– Немного, – проговорила она и с полной искренностью добавила: – но не так хорошо, как вы.

Начала она с маленькой пьесы Штрауса, не слишком трудной, но милой. Обретя некоторую уверенность, она попыталась перейти к Моцарту, но сбилась на одном из самых трудных пассажей и сдалась, несмотря на поощрения, к которым

примешивались дружеские подколки.

— Кажется, я слишком разволновалась, и поэтому у меня ничего не получается, — проговорила она со смущенной улыбкой, поворачиваясь к комнате. Она хотела извиниться за неудачное исполнение после красивой игры Джимми и вернуть ему место за инструментом, но тут взгляд ее упал на Сандоса, сидевшего в углу в некотором отстранении от всех остальных — по случаю, характеру или обстоятельствам. Не понимая того, что движет ею, разогретая вином и компанией, она заиграла старинную испанскую мелодию, которая, по ее мнению, должна быть знакомой ему. К всеобщему удивлению, а быть может, и к своему собственному, Эмилио оставил свой угол, остановился возле пианино и запел чистым и звонким тенором.

Оценивая его умение, София изменила тональность и темп. Чуть прищурясь, он начал второй куплет в заданном ею миноре. Довольная тем, что он понял ее намерение, глядя ему в глаза, она начала в контрапункте другую песню.

Ее чуть надреснутое контральто и его тенор сплетались в великолепной гармонии, невзирая на то, что высокие ноты странным образом брал мужской голос, а может, и благодаря этому. И на какое-то время во всем окружающем мире звучала одна только песня Эмилио Сандоса и Софии Мендес.

Джимми страдал от зависти. Зайдя ему за спину, Энн наклонилась над софой, опустила ему на широкие плечи свои тонкие и сильные руки, а затем и голову. Ощувив, что напря-

жение оставило его, она на мгновение приобняла молодого человека, отпустила и выпрямилась, прислушиваясь к продолжавшейся песне. Ладино, подумала она, уловив испанские и еврейские слова. Возможно, песня Софии была вариацией на испанскую мелодию.

Посмотрев на Джорджа, Энн увидела, что тот пришел к собственному выводу относительно исхода, только не мелодии, но неизбежности союза между двумя этими людьми. А потом ее молчаливый анализ отошел прочь, и она только слушала, боясь шевельнуться, как расходились и переплетались обе песни и как в самом конце соединились гармония и контрапункт, как слова, мелодии и голоса, встретившиеся через века, сошлись на едином слове и ноте.

Отведя взгляд от лица Эмилио, Энн возглавила хор похвал, восстанавливая хрупкое равновесие. Джимми старался изо всех сил, но уже через десять минут, сославшись на неотложную работу, откланялся и, прощаясь на ходу, направился к двери, давая таким образом знак ко всеобщему исходу, словно бы всем присутствовавшим следовало как-то отделиться от столь интимного мгновения, какого никто не планировал и не предвидел. Энн полагала, что как хозяйка должна дождаться, когда уйдут Эмилио и София, однако учитывая, что им еще нужно собраться, прикрывшись каким-то предлогом, она вышла за дверь следом за Джимми.

Он уже преодолел половину пути до площади, когда Энн в темноте догнала его. Вокруг было тихо, только морской ве-

терок доносил обрывки музыки из Ла Перлы, в которой события нашли свое продолжение. Услышав ее шаги, Джимми повернулся, и она остановилась в двух ступеньках над ним, чтобы иметь возможность посмотреть ему в глаза. Холодно не было, но Джимми трясло, как огромную куклу Тряпичного Энди³⁵, с его кудельными волосами и дурацкой улыбкой рожками вверх.

– Как по-твоему, не пора ли накладывать на себя руки? – попытался пошутить он. Энн не удостоила идиотскую идею ответа, но взгляд ее был полон сочувствия. – Ну, почему ты не остановила меня пораньше, когда я еще играл? Не знаю, сумею ли я даже пребывать в одном времени с ней после сегодняшнего вечера, – простонал он. – Боже, она будет считать меня круглым идиотом. Но, Господи Иисусе, Энн, – воскликнул Джимми, – он же священник! Ладно-ладно, очень симпатичный священник, не то что длинный уродец с дермовыми мозгами...

Энн остановила его, приложив палец к губам. Она могла бы сказать ему уйму всякой всячины: заставить кого-то любить себя невозможно, половина мирских горестей как раз заключается в том, что кто-то хочет того, кто не хочет его, и что недостижимость цели является могучим афродизиаком. Наконец то, что он, Джимми, очень милый, умный, располагающий к себе мужчина... Но все это не помогло бы.

³⁵ Тряпичный Энди – «брат» Тряпичной Энни, тряпичной куклы, придуманной в 1915 году писателем и художником Джимми Грюэллом.

Она спустилась к нему на ступеньку, припала головой к его груди и обняла, удивившись размеру его тела.

— Иисусе, Энн, — прошептал он над ее головой. — Он ведь священник. Это нечестно.

— Да, нечестно, мой дорогой, — заверила его она. — Но честно в любви никогда не бывает.

* * *

В ТЕ НОЧНЫЕ ЧАСЫ доехать назад в Аресибо можно было менее чем за час. И, заезжая на стоянку, Джимми понял, что уже отрыдался и отверг желание напиться, какое посчитал слишком драматичной реакцией на ситуацию. В конце концов, София никогда не подавала ему малейшего повода для надежды. Он все придумал себе, и ничего более. Опять же, что было известно ему об Эмилио? Священники тоже люди, напоминала ему Эйлин Куинн, всякий раз, когда он являлся домой полный почитания и трепета перед героем. Сан не делает человека святым. Во всяком случае, в других конфессиях священники женятся и заводят детей.

Черт, ругнулся он. Это же всего лишь одна песня. А я уже навоображал их семейной парой с детьми! Не мое это дело.

И все же он не мог изгнать из памяти их песню. Он словно бы видел... О сне не могло быть речи. Он попробовал прочесть несколько страниц, но так и не сумел сосредоточиться и зашвырнул книгу в дальний угол комнаты.

Потом попробовал что-нибудь найти в буфете, и пожалел, что не воспользовался любезностью Энн, предложившей ему взять с собой какие-то остатки от трапезы.

Наконец он решил воспользоваться предложением, под которым рано откланялся из гостей, и связался с системой радиотелескопа, открыл журнал наблюдений и нашел место, на котором остановился в пятницу вместе с Софией, намереваясь проложить себе путь в неловкой ситуации, ожидавшей его утром в понедельник.

* * *

В 3:57 ПОПОЛУНОЧИ, в воскресенье 3 августа 2019 года, Джеймс Коннор Куинн снял с головы наушники и откинулся на спинку кресла, мокрый как мышь и хватая ртом воздух, пребывая теперь в полной уверенности, однако, все еще неспособный поверить в то, что на всем белом свете это знает только он один.

– Христе Боже, – простонал Джимми, встречая будущее обращением к прошлому. – Пресвятая Богородица!

Потерев глаза и причесав пальцами свою растрепанную и взлохмаченную шевелюру, он несколько мгновений просидел, глядя в пространство. А потом позвонил Энн.

Глава 11

Аресибо, Пуэрто-Рико

3 августа 2019 года

– ТЫ ШУТИШЬ, – ПРОШЕПТАЛА ЭНН в трубку. – Вот что, горошек, ты звонишь мне в четыре чертова утра, и если это розыгрыш...

– Я серьезно.

– Ты кому-нибудь еще говорил?

– Нет. Ты первая. Мать потом убьет меня, но я хотел прежде всего сказать об этом именно тебе.

Энн, стоявшая голышом в темноте, улыбнулась и мысленно извинилась за это перед миссис Куинн. Джимми снова заговорил:

– Разбуди Джорджа, пусть подключится к сети виртуальной реальности. Я позвоню также Эмилио и Софии.

Энн ничего не сказала, однако Джимми понял причину ее молчания.

– Это сделала их песня. Я никак не мог выбросить ее из головы, и когда посмотрел на сигнал, он сразу же напомнил мне какую-то музыкальную запись. Я решил, что, если это музыка, я узнаю ее, и тогда пойму, откуда она исходит. Поэтому я пропустил запись через цифровую звуковую программу. Энн, она не похожа ни на что из того, что я когда-ли-

бо слышал.

– Джимми, а ты точно уверен в том, что это не какая-нибудь незнакомая тебе музыка – музыка Южной Осетии, или Норвегии или какого-либо еще далекого уголка планеты? Мир-то велик.

– Энн, я только что потратил целых три часа на проверку и поиски подтверждения, пытаюсь доказать обратное, и музыка эта оказалась действительно и подлинно, абсолютно инопланетной. Это не отражение, не пиратская станция, не корабль наркоторговцев, не военная база. Точно чужой сигнал... я получил подтверждение из Голдстонской обсерватории, но там никто еще не работал с этим сигналом. Это музыка, Энн, и музыка внеземная. И знаешь еще что?

– Боже, Джимми, не дразни! Так что же?

– Это наши соседи. Мы подслушали удивительно громкую вечеринку, происходившую возле звезды альфа Центавра, находящейся всего примерно в четырех световых годах от нас. То есть практически за соседней дверью.

– Вот это да. Вау. Джимми, а не следует ли тебе сообщить об этом по официальным каналам?

– Пока еще нет. В данный момент информация принадлежит мне. И я хочу в первую очередь познакомить с ней своих друзей. Словом, чтоб можно было говорить громко, поднимай на ноги Джорджа, и включайте сеть.

– Нет, послушай меня. Если сигнал подлинный, виртуальная реальность не подойдет, мне нужна настоящая. Ска-

жи Эмилио, чтобы шел к нам. По дороге прихватим Софию и приедем к тарелке. Мы выедем минут через двадцать пять и будем у тебя в... – Она обнаружила, что неспособна сложить два числа. В голове ее воцарилась пустота. Боже мой. Музыка. В четырех световых годах от нас.

– Так, около шести, – сообразил Джимми. – Хорошо, жду вас. И вот что, Энн...

– Ага, поняла, привезти еды. По дороге заедем в «Сеньор Донат».

– Нет. Впрочем, ладно, хорошо. И спасибо. Я как раз это хотел сказать. За вчерашний вечер.

– Ну, если такая новость послана мне за то, что я тебя поддержала, тебе не о чем волноваться, дорогой. Будем у тебя через два часа. И вот что еще, Джимми: поздравляю. Это фантастика.

* * *

ЯСНЫМ, ПРОХЛАДНЫМ, но еще бледным утром автомобиль с Эдвардсами и их пассажирами въехал на стоянку, на которой рядом с будкой сторожа находился только «фордик» Джимми.

– Частный тур, мистер Эдвардс? – спросил тот, когда они заглянули внутрь.

– Нет, Джимми Куинн хотел что-то продемонстрировать нам, и мы договорились с ним приехать пораньше, когда

здесь меньше народа, – проговорил Джордж. А Энн с невинной улыбкой вручила сторожу пару пончиков.

Целую ночь не смыкавший покрасневших глаз Джимми был слишком заведен для того, чтобы замечать собственную усталость. Как только все разместились в его крохотной кабинке, он схватил пончик, поданный ему Энн, и прикончил его в два укуса, пока включал запись.

Музыка была в основном вокальной. Пение сопровождали ударные и, кажется, духовые, о чем, впрочем, судить было сложно из-за шума, которого оставалось еще немало, хотя Джимми успел уже отфильтровать какую-то часть. И музыка эта не была человеческой. И тембры, и голоса были попросту иными, и разницу эту Джимми не мог описать словами.

– Я могу вывести на экран звуковые сигнатуры, которые покажут графически разницу между их голосами и нашими, – сказал он, – так как можно показать, каким именно образом голос скрипки отличается от трубы. Но не знаю, как словами объяснить это различие.

– Понимаю, что мои слова звучат ненаучно, но это просто улавливается на слух, – согласилась Энн. – Это как отличить голос Ареты Франклин³⁶ от чьего-то еще по одной ноте. Это просто *другая* музыка.

Сначала они все слушали и слушали, заново повторяя му-

³⁶ Арета Луиза Франклин (1942–2018) – американская певица в стилях ритм-энд-блюз, соул и госпел. Наибольшего успеха достигла во 2-й половине 1960-х и начале 1970-х гг.

зыкальный фрагмент, всякий раз вздыхая, когда сигнал терялся в шумах статики как раз тогда, когда музыка начинала казаться им совершенно чудесной. Наконец после третьего раза Энн сказала:

– Ну, хорошо. Что мы можем сказать о них? Они поют группами, у них есть ведущий певец. Значит, у них есть общественная организация. Можем ли мы сказать, что они дышат воздухом, потому что слышим их музыку подобным образом?

– Мы можем предположить, что на их планете существует какая-то атмосфера, в которой могут распространяться звуковые волны, – проговорил Джордж, – однако мы обязательно сможем дышать в ней.

– Итак, у них есть некое подобие легких и рта, и они умеют управлять выходящим из легких воздухом, или чем там они дышат, – добавила к списку Энн.

– Кроме того, они умеют слышать, иначе нет смысла петь, так? – предположил Джимми.

– Язык не кажется мне тональным, – предположил Эмилио, – однако об этом трудно судить, когда люди поют. Угадывается наличие структуры предложения. Я слышу гласные и согласные, а также что-то дающее гортанную смычку. – Ему даже не пришло в голову усомниться в наличии у них гортани. – Джимми, а прокрути, пожалуйста, запись еще раз, хорошо?

Джимми заново включил запись. Сидевшая позади всех,

почти в коридоре, за отведенной Джимми конуркой, София наблюдала за Сандосом, уже воплощавшим в жизнь формализованный ею для иезуитов в Кливленде процесс. Он уже начинал произносить какие-то отрывки из этого языка, фразы, произнесенные хором, опробовал фонемы. Не говоря ни слова, она передала ему свой блокнот и стило.

– Думаю, я смог бы овладеть этим языком, – произнес он рассеянно, ни к кому не обращаясь, но уже почти уверенно. Он начал делать записи. – Джимми, а можно я?

Джимми откатился с креслом в сторону и позволил Эмилио занять место за клавиатурой.

– Джим, ты частоту не менял? – спросил Джордж. – Они в реальном времени действительно так звучат или на деле это скрип насекомых или пение китов?

– Ну, насколько я могу судить, это звучание близко к естественному. Конечно, оно зависит от плотности атмосферы, – проговорил Джимми и задумался. – Итак. У них есть радио. Что предполагает по меньшей мере вакуумные лампы, так?

– Нет, – возразил Джордж. – Вакуумные лампы стали счастливой случайностью. Можно было перейти прямо к твердотельным устройствам. Однако для этого им следовало освоить электричество.

Настала короткая пауза, все обдумывали идеи, слышна была только музыка, которую Эмилио замедлял и повторял отрывками, исправляя свои заметки.

– Кстати говоря, химию, – продолжил Джордж. – Они

должны знать что-то о металлах и неметаллах, проводниках. Для микрофонов нужен углерод или другой материал с переменным сопротивлением. Для батарей – цинк и свинец.

– И теория распространения волны, – добавил Джимми. – Наличие радио много что подразумевает.

– Массовые коммуникации, – предположила Энн. – А также наличие некоторой части населения, располагающей досугом для того, чтобы можно было ничего другого не делать, но только размышлять о волновых теориях, а поэтому у них должно существовать стратифицированное общество с экономическими различиями.

– Металлургия, – заявил Джимми. – Техника начинается не с радио, так? Сперва нужно научиться делать из металла разные вещи: украшения, оружие, металлические инструменты.

– Все, что возможно. – Джордж рассмеялся, а потом покачал головой и умолк. – А теперь, ребята запишем первый Принцип Посредственности.

София вопросительно подняла бровь, и Джордж объяснил:

– Это о том, что Земля не представляет собой ничего выдающегося, молекулу ДНК создать относительно просто, и жизнь обильно представлена во Вселенной.

– Боже мой, – вздохнула Энн, – какое падение. А мы только что считали себя центром Вселенной, и вот оно как оказывается! Еще одна группа разумных созданий. Гм-гм-м.

С ехидным удовольствием на лице она обняла Эмилио за плечи.

– И кого же, по твоему мнению, святой отец, Бог любит больше: их или нас? Или, ух, какой вариант. Соперничество разумных рас! Какие теологические последствия, а, Эмилио!

Сандос, раз за разом проигрывавший музыку, все более понимая ее строй и находя новые схемы, внезапно застыл. Однако прежде чем он успел что-то произнести, Энн спросила:

– Джим, ты сказал, что эта музыка пришла к нам с альфы Центавра. Что представляет собой эта система?

– Она сложная. Состоит из трех звезд. Желтой, во многом похожей на Солнце, и двух других, красной и оранжевой. Ученые много лет видели в этой системе отличного кандидата на обладание планетами. Однако разобраться в конфигурации тамошней планетной системы при наличии трех светил достаточно трудно, и, я думаю, задача эта всегда считалась не стоящей усилий. Черт побери, да она теперь станет насущной.

Дискуссия продолжалась еще какое-то время. Джордж, Энн и Джимми экстраполировали, делали выводы и спорили. Погрузившийся в задумчивость Эмилио вновь обратился к музыке, негромко проиграл запись еще раз, после чего отключил воспроизведение.

И только София не высказывала своего мнения о музыке или о возможных качествах певцов, но когда разговор окон-

чательно выдохся, она спросила:

– Мистер Куинн, а каким образом вам пришло в голову пропустить сигнал через аудиоконтур?

Взволнованный Джимми успел позабыть все смятение, владевшее им вчерашним вечером, и чувствовал себя теперь слишком уверенно, чтобы вспоминать о нем.

– Дело в той музыке, которая была вчера вечером, – сказал он ровным тоном. – Еще в университете я подрабатывал тем, что оцифровывал старые записи из советского архива. Сигнал показался мне похожим на музыкальный. Поэтому я решил попробовать.

– Можно ли сказать, что вы воспользовались своей интуицией?

– Наверное да... меня осенило.

– А мог бы другой астроном опознать музыкальный сигнал и прийти к тому же самому выводу?

– Трудно сказать. Возможно. Впрочем, конечно, – кто-то в итоге мог бы заметить это.

– А как по-вашему, означает ли это, что система ИИ должна пропускать все сигналы через акустический блок, чтобы выделить подобные передачи?

– Только для того, чтобы исключить их внеземную принадлежность, – согласился Джимми. – Понимаете ли, мы всегда ожидали уловить цепочку цифр, какую-нибудь математическую последовательность. Думаю, я и сам предположил бы, что похожий на музыку сигнал определенно имеет

земную природу. Помните? Как вчера.

От души зевнув, он поднялся на ноги и потянулся, для чего потребовалось, чтобы Энн шарахнулась в сторону, а Джордж забился в угол.

– Точнее, уже позавчера. Приняв похожий на музыку сигнал, я решил бы, что он имеет земную природу. Если бы я посчитал сигнал внеземным, то никогда не стал бы пытаться прочесть его через аудиоконтур. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что музыка и внеземной разум не имеют ничего общего.

– Да, странно, не правда ли. Я и сама бы так посчитала, – бесстрастно произнесла София, все крутившая металлический браслет на запястье.

Троекратный незачет. Значит, ей будет уже тридцать семь или тридцать восемь. Это не вечность. Безумно было так рисковать.

– Мистер Куинн, ваша работа выиграла. Моя система не заметила бы этот сигнал. Я рекомендую отозвать проект. Я могу автоматизировать сегменты работы, связанные с запросом и возвратом. И координацию схемы. На это потребуется два или три месяца.

– А не могли бы... не могли бы мы слетать туда, если бы захотели? – произнес Эмилио, нарушая молчание, воцарившееся после ее реплики. – То есть, если бы мы захотели, наверное, нашлась бы дорога туда.

Остальные смотрели на него пустыми глазами, обдумывая

незавидное положение, в которое попала София.

– Мы могли бы воспользоваться метеоритом... ну, то есть астероидом, так? – поправился он, глядя прямо на Софию. – Ну, как теми деревянными кораблями, на которых люди переплывали Атлантику в шестнадцатом веке.

Сначала только София поняла, к чему он клонит.

– Да, – сказала она, радуясь тому, что он отвлек ее от неприятных мыслей. – На самом деле астероид – это неплохо. Горняцкие общежития на астероидах устроены достаточно комфортабельно...

– Да, конечно, – согласился Джордж. – У тебя уже есть массдрайверы и кокон жизнеобеспечения. При достаточном размере астероида его веществом можно питать двигатели. Мы уже делаем это в небольшом масштабе, когда перегоняем скалы из пояса астероидов на орбиту Земли. Я уже давно думал, что, располагая достаточно большим камнем, можно лететь куда угодно. Просто у нас не было причин покидать Солнечную систему.

– Но теперь есть, – проговорил Эмилио.

– Теперь есть, – согласился Джордж.

– Я что-то пропустила? – спросила Энн. – Что вы говорили насчет астероидов?

Однако Джордж уже начинал смеяться, а Эмилио посмотрел на нее с совершенно ангельским видом.

– София, – проговорил Джордж, – расскажите Энн о контракте, который у вас был...

– ...с Обаяси, – закончила за него София. Она посмотрела на Энн, потом на всех остальных и с легким смешком сказала: – Это было еще до того, как я в Кливленде работала с доктором Сандосом. Я делала экспертную систему для горно-рудного отделения корпорации Обаяси. Они заказали искусственному интеллекту систему удаленного диагностирования и стоимости захвата астероида, его разработки и очистки материала в космосе в сравнении с проектной стоимостью продукта при доставке на Землю. Особой интуиции не понадобилось, если не считать проектные цены на металл, – сухим тоном проговорили она. – Вы правы, доктор Сандос. Отчасти разработанный горняками астероид вполне можно использовать в качестве транспортного средства.

Эмилио, сидевший наклонясь вперед и внимательно наблюдавший за Софией, хлопнул в ладоши и с широкой улыбкой откинулся на спинку стула.

– Но полет продлится четыре года, не правда ли? – попыталась возразить Энн.

– Четыре года не так много, – заметил Эмилио.

– Вау, – воскликнул Джимми, глядя на Софию и Сандоса. – Но, во-первых, туда лететь четыре и *три десятых светового года*, и не простого – солнечного. Даже треть светового года является отнюдь не тривиальным расстоянием. При этом это время необходимо для того, чтобы свет и радиоволны прошли такое расстояние, но не для того, чтобы его пролетел звездолет. Корабль будет лететь значительно дольше...

но даже так... – проговорил он, начиная обдумывать задачу.

Джордж жестом попросил у Софии ноутбук и стило. Эмилио сохранил свой файл и передал компьютер.

– Итак, проблема выглядит следующим образом, – проговорил Джордж, очищая экран для того, чтобы набросать схему. – При ускорении в тридцать два фута в секунду мы имеем нормальное земное тяготение. Итак, первую половину пути вы ускоряете свою скалу, потом разворачиваете на сто восемьдесят градусов и тормозите всю вторую половину...

На какое-то время тишину нарушали только произносимые вслух числа и постук клавиатуры. Джимми начал вычисления в сети, а Джордж продолжил их вручную. И, к неудовольствию Джимми, первым закончил свои вычисления.

– На дорогу туда потребуется примерно семнадцать лет, а не четыре года.

Разница ошеломила Эмилио и заставила его приуныть.

– Черт, – произнес Джордж, – Энн провела больше времени в магистратуре!

Та фыркнула, но Джордж продолжил:

– Что, если при нормальном чередовании сна и бодрствования разгонять двигатели до ускорения в два раза большего, до двух G, пока экипаж находится в постелях? Это уменьшит время полета и приблизит звездолет к скорости света, так что какую-то помощь окажет и теория относительности, которая сократит время полета в восприятии экипажа.

Джимми продолжал идти по собственной линии вычисле-

ния.

– Нет, подождите. Для экипажа полет, скорее всего, продлится месяцев шесть или семь.

– Всего шесть или семь месяцев! – воскликнул Эмилио.

– Ну да, – проговорил Джимми, глядя на свои вычисления. – Подойти достаточно близко к скорости света можно будет примерно за год при постоянном ускорении свободного падения в одно земное. Примерно к 93 процентам скорости света. Кто-то будет спорить с Эйнштейном? Интересно только, хватит ли камня... Какой величины бывают астероиды? – спросил он у себя самого, после чего вернулся к своим вычислениям.

– Минуточку. Я не поняла насчет сна, – проговорила Энн. – Разве кому-то не придется постоянно бодрствовать для управления кораблем?

– Нет, полет будет происходить в автоматическом режиме, во всяком случае до тех пор, пока звездолет не окажется в окрестностях звезды, – пояснил Джордж. – Надо всего лишь стартовать в нужном направлении...

– А об остальном молиться, – добавил Эмилио с кривым смешком.

Все замолчали, разговор угас.

– И что же нам теперь думать? – спросил Джимми. Было уже почти восемь часов, и ему пришло в голову, что он может попасть в весьма неприятную ситуацию, так как не доложил о своем открытии в первую очередь Масао Яногути.

Ответил ему Эмилио Сандос – с торжественным выражением на лице и горящими глазами:

– Начинать планирование миссии.

Наступившее молчание прервала неуверенным смешком Энн:

– Эмилио, иногда я не могу понять, шутите ли вы или нет. Что вы понимаете под словом «миссия»? Миссию научную или религиозную?

– Да, – бесхитростно проговорил он веселым и серьезным тоном, мгновенно лишившим всех душевного равновесия. – София, Джордж, Джимми, пока что я только размышлял вслух... Но ведь эта возможность вполне серьезна, так? Использовать астероид для межзвездного перелета?

– Да, – подтвердила София. – Как сказал мистер Эдвардс, идея эта уже рассматривалась какое-то время назад.

– Однако полет будет стоить чертову уйму денег, – заметил Джордж.

– Нет, не думаю, – возразила София. – Я знаю нескольких разорившихся старателей, которые охотно продадут свои не оправдавшие расходов скалы вместе со стоящими на них двигателями. Дешево не будет, однако цена не окажется запредельной – для какой-нибудь корпорации...

Голос ее умолк, и она посмотрела на Сандоса, как и все прочие. По какой-то причине слова ее показались ему забавными.

Никто из них не мог знать, что он думал о том, насколько

происходящее напоминало ему о том вечере в Судане, когда он читал приказ Провинциала, отправлявший его в Университет Джона Кэрролла. Где он встретил Софию. А еще Энн и Джорджа, нашедших Джимми. И в итоге собравший всех их вместе. Проведя рукой по темным прямым волосам, упавшим ему на глаза, он увидел, что все смотрят на него. И подумал: они решили, что я сошел с ума.

– Я не слишком внимательно следил за беседой, – проговорил Эмилио, вновь включаясь в тему. – Пожалуйста, расскажите еще раз подробно, как можно осуществить подобный полет.

Весь следующий час Джордж, Джимми и София рассказывали ему о том, каким образом старатели выбирают и занимают пригодные для разработки астероиды. Как устанавливают на них системы жизнеобеспечения, как в двигателях разлагаются силикаты, образуя топливо, используемое для доставки астероидов к находящимся на земной орбите очистительным заводам. О том, как двадцатитонные слитки чистых металлов, подобно капсулам Джемини, швыряют с орбиты в океанические поля захвата, расположенные неподалеку от японского побережья. И о том, как масштабировать систему для межзвездного полета.

Получивший образование лингвиста и священника Эмилио с трудом мог принять выводы физики Эйнштейна, предсказывавшие, что на Земле за время полета минует примерно семнадцать лет, в то время как на летящем на околосве-

товых скоростях астероиде пройдет всего шесть месяцев.

— При первом знакомстве никто не верит в подобную возможность, — заверил его Джордж. — И большинство людей, обсуждающих эту тему, просто принимают этот факт за данность, как следствие из математической модели. Однако следует учесть, что от звезды альфы Центавра вы должны вернуться обратно. И когда вы вернетесь домой, окружавшие вас прежде люди состарятся на тридцать четыре года, а вы станете старше всего лишь на год, потому что время при полете на околосветовых скоростях сокращается.

Джимми объяснил, каким образом им придется прокладывать курс, и Эмилио счел его объяснение еще менее понятным. Потом отдельную проблему представляла высадка на планету.

Словом, по общему мнению Джорджа, Джимми и Софии, неувязок было более чем достаточно. И тем не менее они считали подобный полет возможным.

Энн слушала столь же внимательно, как и Эмилио, однако воспринимала саму идею со скептицизмом, доходящим до полного неприятия.

— Ладно, — сказала она наконец. — Пусть это и глупость... Впрочем, не буду, мне непонятно уже то, почему не падают поезда системы маглев. Но надо же понимать, что с вами может произойти полмиллиона всяких бед... ваш астероид израсходуется уже на пути туда, у вас закончится топливо. Астероид разлетится на части, если вы будете неправильно

расходовать его. Вы врежетесь в какой-нибудь случайно залетевший в межзвездное пространство кусок и рассыплетесь на атомы. Вы влетите в одно из тамошних светил. Вы разобьетесь во время посадки на планету. А сев, поймете, что вам нечем там дышать. Потом там вам будет нечего есть. Наконец, эти певцы сами съедят вас! Эмилио, прекрати. Seriously говорю.

– Знаю, – расхохотался Сандос. – И я, кстати, тоже.

Энн окинула взглядом комнату в поисках союзников и, не найдя таковых, спросила:

– Неужели я одна в этом помещении вижу, насколько безумно это предприятие?

– Бог не требует от нас успеха, он требует, чтобы мы пытались, – негромко процитировал Эмилио мать Терезу. Он сидел в самом дальнем углу каморки, наклонившись вперед, опершись локтями на колени, соединив ладони, и поглядывал на нее веселыми глазами.

– Ну, поблагодари от моего лица мать Терезу, – сказала начинавшая сердиться Энн. – Это невероятная глупость. Все вы, ребята, спятили.

– Нет, – возразил Джордж. – Это можно сделать, во всяком случае теоретически.

– Энн, в этой комнате присутствуют основные эксперты, способные одобрить такое путешествие или, во всяком случае, попытку его осуществить, – проговорил Эмилио. – Джимми, ты можешь управлять подобным астероидом, учи-

тывая твой опыт нахождения астрономических объектов?

– Ну не прямо с сегодняшнего утра, но теперь я могу начать работу над этой задачей, и к тому времени, когда все будет готово, могу справиться с ней. У нас есть очень хорошие астрономические программы. Дело в том, что нельзя прицеливаться в ту точку неба, где сейчас находится альфа Центавра. Направляться нужно к той точке, где эта звезда окажется к моменту завершения вашего путешествия. Но это вопрос небесной механики. И над ним придется хорошо поработать. И еще над тем, как обнаружить планету, когда мы прилетим в систему звезды. А это сделать намного труднее.

Эмилио повернулся к Софии:

– Если бы вы обладали свободой выбора, то согласились ли еще раз поработать на Общество Иисуса? Быть может, в качестве генерального подрядчика, занимающегося приобретением всего необходимого и всеми организационными вопросами? У вас, наверное, сохранились контакты с космогондобывающей промышленностью, так?

– Да. Этот проект будет отличаться от того анализа, который я обычно произвожу с помощью ИИ, однако его трудно назвать более сложным. Я, конечно, смогу собрать все нужные материалы, если мне предоставят такое право.

– Даже если наша миссия будет иметь в своей основе религиозный характер?

– Мой брокер возражать не станет. Жоберу, очевидно, не раз приходилось иметь дело с иезуитами.

– Я не имею права говорить от лица своего начальства, – проговорил Эмилио, темные глаза его сделались непрозрачными, – однако я предложу, чтобы Орден выкупил ваш контракт, закрыл его и работал далее с вами как со свободным агентом. Решать предстоит вам, а не брокеру.

– Мне? – Подобной возможности ей не представлялось уже многие годы. – Возражений нет. То есть у меня нет.

– Хорошо. Джордж, а насколько система жизнеобеспечения старательских кораблей может отличаться от используемой под водой, с которой ты знаком?

Джордж не стал отвечать сразу. Он задумался. Вся известная ему техника. Все мили, которые он пробежал. Все... вся жизнь его была подготовкой к этой экспедиции. Посмотрев на Сандоса, он уверенным тоном произнес:

– Одно и то же. Только они добывают кислород не из воды, а из камней. Кислород является побочным продуктом горнорудной разработки астероидов и производства топлива для двигателей. И, как только что сказал Джимми, ко времени намеченного старта эта система будет на полном ходу.

– А не стоит ли все-таки остановиться? – кислым тоном произнесла Энн, посмотрев на Эмилио. – Шутка зашла уже слишком далеко. Или ты серьезно предлагаешь Джорджу связаться в эту историю?

– Я серьезно предлагаю всем присутствующим в этой комнате связаться в нее. В том числе и тебе. Ты специалист-антрополог, что делает тебя бесценной при вступлении в кон-

такт...

– О, боже! – воскликнула Энн.

– ...кроме того, ты врач и отличный повар, – со смехом проговорил Эмилио, не обращая внимания на возмущение, – и потому являешь собой идеальное сочетание качеств для члена нашей экспедиции, поскольку мы не можем взять с собой доктора, который сидел бы, глядя в потолок и дожидаясь, пока кто-нибудь из нас хотя бы сломает ногу.

– Ты – Питер Пэн. Вы, ребята, так и не выросли из своей Нетландии, а мне отвели роль вашей Венди. Просто сказка! Так и хочется сунуть вам под нос кое-что, – отрезала Энн. – Эмилио, ты самый серьезный и разумный из всех священников, с которыми я была знакома. И теперь ты рассказываешь мне, что, по твоему мнению, Бог хочет, чтобы мы слетали на эту планету. Мы лично. Все, кто находится в этой комнате. Я тебя правильно поняла?

– Да. Боюсь признаться, но, как мне кажется, ты права, – проговорил Эмилио, морщась. – Прости меня.

Энн посмотрела на него, задыхаясь от негодования:

– Ты сошел с ума.

– Понимаешь, Энн. Наверное, ты права. Вся эта идея пахнет безумством. – Оставив свой угол, он подошел к ней, присевшей на стол позади терминала, взял ее за руки и опустился на одно колено, отнюдь не в молитвенном духе, но со странной игривостью. – Однако, Энн! Это же чрезвычайная ситуация, так ведь? И в этот необычайный момент в этой

комнате находимся все мы... в данный момент... по какой-то причине. Нет, дай мне договорить! Джордж ошибается. Жизнь на Земле маловероятна, – убежденно продолжил он. – Наше собственное бытие – как вида, как отдельной личности – невозможно. Сам факт нашего знакомства есть результат случая. И вот мы здесь. И теперь мы знаем, что неподалеку от нас живут другие разумные существа и что они поют. Они поют, Энн!

Она ощутила, как шевельнулись его пальцы.

– Так что мы должны узнать о них все. У нас просто нет другого выхода. Мы должны познакомиться с ними. Ты сама это сказала, Энн! Должны познакомиться с их теологией.

Она не ответила. Она могла только глядеть на него, а потом на остальных. На Софию, блестящую умницу и эрудита, полагавшую, что непреодолимых экономических и технических трудностей в осуществлении такого полета не существует. На Джимми, явно уже обдумывавшего астрономические проблемы. На Джорджа, которого любила и которому доверяла, считавшего, что они должны принять участие в этом путешествии. На Эмилио, видевшего в таком открытии руку Бога.

– Энн, скажи, разве не должны мы хотя бы попробовать? – Голос Эмилио молил. Он казался ей семнадцатилетним парнем, старающимся убедить свою маму в том, что с ним ничего не случится, если он будет ездить на мотоцикле. Но ему было далеко не семнадцать, и она не была ему матерью. Этот

священник, человек почти средних лет, жил чем-то таким, чего она не могла даже представить себе.

– Позвольте мне сначала представить идею на одобрение руководству Общества, – вполне разумно возразил Эмилио, после чего поднялся, не выпуская ее ладоней из своих рук. – Существует сотня, даже тысяча факторов, способных опровергнуть такую мысль. Я хочу, чтобы судьбу ее решил Бог. Или Судьба, если такое название кажется вам более рациональным.

Она не отвечала, однако он видел, что выражение ее глаз начинает меняться. Они не говорили о капитуляции, однако в них формировалось тревожное, еще окончательно не вызревшее одобрение. Готовность воздержаться от осуждения.

– Кто-нибудь обязательно полетит, – заверил Эмилио Энн. – Они находятся слишком близко к нам, чтобы не попытаться. И эта музыка слишком прекрасна.

Открытие вселяло трепет в часть души Энн Эдвардс, восторг оттого, что она оказалась так близко к процессу создания истории. Но глубже, в каком-то лишь изредка посещавшемся ею уголке, таилась надежда верить так, как, по ее мнению, веровал Эмилио в то, что Бог пребывает во Вселенной, делая бытие разумным.

Некогда, а точнее давно, она позволяла себе серьезно размышлять о том, что сможет сделать человек, оказавшись перед непосредственным знаком присутствия Бога в своей жизни. Библию, вместилище премудрости Запада, по ее мне-

нию, можно было воспринимать либо как миф, либо как историю. Бог явил себя на Синае, и вот, через считанные недели народ пляшет перед золотым тельцом... Бог вошел в Иерусалим, и через день они прибили Его гвоздями к кресту и разошлись по своим делам. Оказавшись перед лицом Божественного, люди нашли убежище в банальном, словно отвечая на космический мультивариантный вопрос: что вы сделаете, увидев горящий куст: (а) позвоните по телефону 911, (b) пожарите на нем сосиски или (с) узнаете Бога? И давно твердо сказала себе, что узнают Бога очень немногие люди, да и то потому лишь, что пропустили последний прием торазина³⁷.

Отняв свои холодные руки от теплых ладоней Эмилио, она скрестила их на груди, пробормотала:

– Мне надо выпить кофе, – и вышла вон из каморки.

³⁷ Торазин (также аминазин, хлорпромазин) – антипсихотик, препарат для снятия психомоторного возбуждения при шизофрении и других психических заболеваниях.

Глава 12

Земля

3–4 августа 2019 года

В 9:13 УТРА, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 августа 2019 года, охранник радиотелескопа Аресибо увидел посетителей Джимми Куинна. Оставив на несколько минут стол, чтобы размяться, он подошел ко входной двери и приветливо помахал рукой Джорджу и его пассажирам, ответив на их приветствия. Масао Яногути прибыл в Аресибо через полчаса. Когда он расписывался в прибытии, охранник заметил:

– Возможно, вы разминулись с Джорджем на пути сюда.

Яногути любезно кивнул, но направился прямо в клетушку Джимми Куинна.

В 10:00, как раз в тот момент, когда Джордж Эдвардс выезжал с парковки многоквартирного дома, в котором жила в Пуэрто-Рико София Мендес, доктору Хидео Кикуги, находившемуся возле Барстоу, в Калифорнии, пришлось прервать свою утреннюю партию в гольф, чтобы ответить на звонок Масао Яногути. Через сорок пять минут был созван весь персонал обсерватории Голдстоун³⁸, которому объяви-

³⁸ Голдстоунский комплекс дальней космической связи, или обсерватория Голдстоун, спутниковая наземная станция. Расположен в пустыне Мохаве возле Барстоу, Калифорния. Управляется Лабораторией реактивного движения НАСА, его основная цель – отслеживать космические миссии и связываться с ними.

ли о подтверждении сделанного в Аресибо открытия.

Несколько сотрудников Голдстоуна задумались о сеппуку. Руководитель смены, который должен был обнаружить сигнал раньше Джимми, немедленно подал в отставку, и если он не стал расставаться с жизнью, то посетившее его на следующее утро похмелье имело почти смертоносный характер.

В 10:20 того же воскресного утра София Мендес заварила турецкий кофе, задернула, чтобы не отвлекаться, дешевые и уродливые шторы своей однокомнатной деловой квартирки в многоэтажном доме и приступила к составлению программы для Радиообсерватории Аресибо, постаравшись перед этим изгнать из памяти все фантазии доктора Сандоса. В конце концов, *arbeit macht frei*, освободит тебя только работа, угрюмо подумала она. Только работа рано или поздно выкупит твою свободу. И она принялась за дело, чтобы ускорить свое освобождение.

В 11:03 Эмилио Сандос, к этому времени вернувшийся в Ла Перлу, позвонил в Новый Орлеан Д. У. Ярброу и какое-то время говорил с боссом. А потом рванул в свой церковно-общественный центр, где, накинув простое облачение, в 11:35 начал служить мессу для своей немногочисленной паствы. Темой проповеди была природа веры. Энн Эдвардс на службе отсутствовала.

В 5:53 по римскому времени видеозвонок Провинциала Д. У. Ярброу, Новый Орлеан, нарушил сладкий послеобеденный сон Томá да Силвы, тридцать первого генерала Об-

щества Иисуса. Отец-генерал не стал возвращаться в собственный кабинет, не явился он и к вечерней трапезе. Брат Сальватор Ривера, убравший нетронутые блюда в 9:00 бурчал при этом какие-то мрачные слова о расточительности подобного обращения с пищевыми продуктами.

В 11:45 посол Японии в Соединенных Штатах вылетел из Вашингтона charterным рейсом и прибыл в Сан-Хуан через три с половиной часа. Пока он находился в полете, весть об открытии кочевала в астрономическом мире от обсерватории к обсерватории. Практически все радиоастрономы бросили все прочие дела и перенастроили свои телескопы на альфу Центавра. Впрочем, находились среди них некоторые, интересовавшиеся исключительно происхождением Вселенной и вовсе не обеспокоенные наличием в ней планет, обитаемые они или нет.

Дождаясь, пока в Аресибо соберется всемирная пресс-конференция, архивист ИКАН знакомил персонал лаборатории с различного рода высокопоставленными особами, по мере того как последние собирались у чаши радиотелескопа, дабы почтить историю собственным присутствием. Джимми Куинн, восхищенный поднявшейся из-за него шумихой, тем не менее не утратил способности посмеяться, в очередной раз обнаруживая себя на снимках в точной середине заднего ряда. Будучи самым высоким ребенком в каждом классе, начиная с начальной школы, он располагал значительной коллекцией групповых снимков, на каждом из ко-

торых находился точно в середине заднего ряда. После того как были отсняты все фотоснимки, Джимми попросил разрешения позвонить матери. Лучше поздно, чем никогда.

Пресс-конференция происходила в живом режиме и транслировалась по всему миру в 21:30 по Гринвичу.

Миссис Эйлин Куинн, Бостон, Массачусетс, недавно разведенная, наблюдала за ней в одиночестве. Она плакала, смеялась, поздравляла саму себя, испытывая при этом желание, чтобы кто-то посоветовал Джимми постричься или хотя бы причесаться. Потом эта рубашка! – подумала она, как всегда уязвленная отсутствием у Джимми вкуса в выборе одежды. Когда пресс-конференция завершилась, она обзвонила всех знакомых – кроме Кевина Куинна, этого сукина сына.

В 5:56 пополудни местного времени, еще до того, как завершилась пресс-конференция в Аресибо, двое предпринимчивых пятнадцатилетних юношей взломали домашний компьютер Джимми Куинна и похитили электронный код, необходимый для воспроизведения музыки. Система Аресибо осталась в полном порядке, однако сам Джимми, человек честный, даже не подумал о том, чтобы серьезным образом защитить собственную машину. Прошло, наверное, несколько недель, прежде чем он сумел понять, что проявленный им недостаток фантазии послужил источником внушительного обогащения нелегальной офшорной компании, купившей код у мальчишек.

В понедельник в 8:30 утра по токийскому времени закон-

чилась конференция. И почти сразу же в ИКАН потоком пошли легальные заявки на права, воспроизведение и продажу внеземной музыки. Директор Института космических и астронавтических наук обратился по этому поводу к Генеральному секретарю ООН, напомнив о существовании давнего договора о том, что любая передача, принятая в рамках программы поиска внеземных цивилизаций, является собственностью всего человечества.

Услышав об этом по радио, пока они с Джорджем готовили завтрак, Энн Эдвардс была разочарована.

– Мы платили за эту программу. Мы вкладывали в нее реальные деньги. Сама идея SETI принадлежала Америке. И если на ней можно заработать, деньги должны достаться США, а не ООН и тем более не Японии!

Джордж фыркнул:

– Ага, будем побираться, как Карл Саган³⁹, а его уже столько лет нет в живых. Конечно, – произнес он, слегка подкалывая супругу, – именно поэтому было бы так здорово, если бы мы...

– Не начинай снова, Джордж.

– Не получается.

Энн очень медленно повернулась от раковины к своему уже сорок лет как возлюбленному супругу. Вытерев руки

³⁹ Карл Эдвард Саган (1934–1996) – американский астроном, астрофизик и выдающийся популяризатор науки, пионер в области экзобиологии: дал толчок развитию проекта по поиску внеземного разума SETI.

о полотенце, она аккуратно сложила его и положила на стол.

– Съешь это дерьмо и помри, – проговорила она с милой улыбкой. На что Джордж рассмеялся, еще более раздражая ее этим. – Ну, Джордж, будь серьезным! Ты оставишь здесь все, что знаешь и любишь...

– Правильно. И даже если вернешься назад живым, все, кого ты знал, будут мертвы! – согласился он задиристым тоном. – Ну и что? Они и так и этак будут мертвы. Или ты хочешь сидеть рядом с ними и наблюдать за процессом? – Энн моргнула. – Ну, подумай. Когда твои прадеды плыли на корабле из Европы, они с тем же успехом могли думать, что отправляются на другую планету. Они также оставляли все известное за спиной! Потом, Энн... кого мы с тобой здесь оставим? Родителей наших нет в живых. Детей у нас нет. Помилуй бог, у нас даже *кошки* нет.

– У нас есть мы... – ответила Энн несколько оборонительно.

– И поэтому нам выпадает замечательный шанс...

– О боже. Замолчи, наконец. Хорошо? Просто замолчи. – Она повернулась лицом к раковине. – В любом случае они не предложат никакой работы такой паре старых пердунов, как мы.

– Хочешь пари? – спросил Джордж, и она услышала в его голосе самодовольную улыбку. – Священники также не станут нашими детьми. И вообще в шестьдесят лет живется далеко не так, как раньше.

– Черт возьми, Джордж! Я уже по горло сыта этой темой! – выпалила в гневе Энн, поворачиваясь к мужу. – Поэтому прости, но если ты скажешь, что ты, мол, прекрасна в гневе, я выпотрошу тебя, – огрызнулась она, грозя десертной вилкой.

Джордж рассмеялся, и Энн чуть остыла.

– Хорошо. Фантазируй. Веселись. Но, Джордж, – произнесла Энн, серьезно посмотрев на него, – если они действительно предложат? В том, что касается меня лично, ответ будет – нет. И кончим на этом.

Ужин в доме Эдвардсов в тот день происходил в непривычной тишине.

* * *

В КОНЦЕ того долгого воскресенья Джимми вызвали в кабинет Масао Яногути, который обратил внимание на помятый нелепый наряд и окруженные красными ободками глаза и подумал, что мальчишка, наверное, не спал уже тридцать шесть часов. Движением руки пригласив Куинна сесть, он проводил взглядом комичную длинную фигуру, медленно складывавшуюся в сидячую позу. На столе Яногути лежал журнал регистрации посетителей.

– Мистер Куинн, мнезнакомы имена мисс Мендес и мистера Эдвардса. Полагаю, что дама, расписавшаяся как доктор Эдвардс, является женой мистера Эдвардса. Но кто та-

кой Э. Сандос, просветите, пожалуйста?

– Мой друг, сэр, священник. Все они мои друзья. Простите меня. Мне следовало в первую очередь известить вас, но было всего четыре утра, и я еще не был окончательно уверен... то есть не испытывал стопроцентной уверенности...

Яногути позволил молчанию воцариться в кабинете. Джимми крутил туда и сюда на запястье часы, неосознанно повторяя вчерашнее движение Софии. Уставившись в пол на несколько мгновений, он посмотрел на Яногути, однако тут же отвел глаза.

– Я боялся, что ошибаюсь, и хотел, чтобы кто-то меня выслушал... – Джимми умолк, снова посмотрел вверх, и на сей раз не стал прятать взгляд. – Это неправда. Я уже знал. Я был уверен. Просто хотел поделиться своей радостью с друзьями. Они для меня как семья, доктор Яногути. Это не оправдание моей ошибки. Я подам в отставку, сэр. Простите.

– Я принимаю ваши извинения, мистер Куинн. – Яногути закрыл журнал и взял со стола небольшой листок бумаги. – Мисс Мендес оставила мне эту записку. Она рекомендует ограничить проект ИИ запросом и ответом. Полагаю, что дам на это согласие. Это можно сделать при значительной экономии средств ИКАН благодаря вашему предложению оформить этот проект в виде пари. – Яногути отложил записку в сторону. – Мне хотелось, чтобы вы продолжили сотрудничество с ней, но уже в новом качестве.

Он проследил за тем, как Куинн справляется со своими

чувствами, удовлетворился его самообладанием и продолжил:

– Начиная с завтрашнего дня вы будете на полной ставке руководить мониторингом источника передачи. Вам дадут штат из пяти человек. Наблюдение круглосуточное, по два человека на смену. Я бы хотел, чтобы вы координировали свои усилия с работой аналогичных групп в Барстоу и других обсерваториях.

Он встал, и Джимми также поднялся на ноги.

– Поздравляю вас, мистер Куинн, с историческим открытием. – Масао Яногути, руки по швам, коротко поклонился; только потом до Джимми дошло, что он был удивлен этим жестом больше, чем всем прочим, что случилось с ним в тот день.

– Позвольте мне отвезти вас домой, – проговорил Яногути. – Едва ли вам сегодня следует садиться за руль. На сегодняшнюю ночь можете оставить свой автомобиль здесь.

Джимми был слишком ошеломлен для того, чтобы что-то сказать. Рассмеявшись, Масао Яногути повел молодого человека к парковке.

* * *

В ТУ НОЧЬ, впервые за множество ночей, Эмилио Сандос никак не мог заснуть. Он пользовался своей квартирой как милостыней, потому что дом находился слишком близ-

ко к неуклонно наступающему океану; никто более не смел жить в нем, и владелец оставил все попытки отыскать очередного постояльца. Этой ночью, как всегда один в своей небольшой спальне, Эмилио смотрел на потрескавшийся и латаный потолок, казавшийся прекрасным под рассыпавшимися отблесками лунного света, и слушал гипнотический рокот ближних волн. Он знал, что сон скоро к нему не придет, и потому не закрывал глаз, чтобы обманом вызвать его.

Он был готов в какой-то степени к ночам, как та, которую ему пришлось пережить предыдущим вечером.

– В этом мире наличествует уйма душ, – некогда предупреждал его Д. У. Ярброу. – И однажды, невеста где и как, но одна или две затронут тебя напрямую. Рассчитывай на это, сынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.